

РАССКАЗЫ
О СТРАНАХ
ВОСТОКА

Мацей Кучинский

ТРОПИК ДИНОЗАВРА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Мацей Кучинский

**ТРОПИК
ДИНОЗАВРА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

9(И)5
К 95

Maciej Kuczynski
ZWROTNIK DINOZAURA
Panstwowe Wydawnictwo «Iskry»,
Warszawa, 1977

Редакционная коллегия
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель),
Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Сокращенный перевод с польского
Л. С. МАЛАХОВСКОЙ

Ответственный редактор
и автор послесловия
С. А. АРУТЮНОВ

К95 Кучинский М.
Тропик Динозавра. Пер. с польск. Л. С. Малаховской. Послесл. С. А. Арутюнова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

192 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Книга посвящена описанию работы польско-монгольской экспедиции в МНР, в ходе которой были сделаны открытия, имеющие важное значение для развития палеонтологической науки и пролившие дополнительный свет на эволюцию животного мира нашей планеты. Книга содержит также интересные зарисовки из современной жизни монгольского народа.

К 2002000000-095 144-82.
013(02)-82

© Copyright by Maciej Kuczynski, Warszawa, 1977.
© Перевод и послесловие:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

1

Сморщенной лянью шкурой раскинулись под крылом Саяны — в белых пятнах снега, в ржавчине неопавшей листы. Самолет, несущийся навстречу Солнцу наперегонки с Землей, перенес нас из вечерней европейской России прямо в сибирское утро. Я чувствовал острую резь в глазах. Свистящий поток воздуха из трубочки в потолке доносил запах застаревшей пыли. В руках у меня была газета, но читать не хотелось. Между толстыми стеклами иллюминатора дрожал и подскакивал высохший комар. Так же дрожало кресло, и эта дрожь передавалась всему телу. Я ощущал, как пульсирует кровь в кончиках пальцев, словно они проникали невидимыми корешками внутрь шершавой бумаги.

«Высота пять тысяч, — неслось из микрофона, — скорость шестьсот пятьдесят. Сорок градусов ниже нуля». Металлическое покрытие крыльев ходило ходуном, фюзеляж содрогался. Из окна прямо в мозг вонзалась фиолетовая тьма стратосферы.

В полудреме я пытался задержать бегущие мысли, привести их в порядок, прежде чем они исчезнут, повторяя вновь и вновь, что человека еще нет в природе. Мы только воображаем его, воображаем, каким он должен быть, ждем от него многого и забываем, что он еще не сформировался. Понятие «человек» — пока означает только лишь мечту. Мы же — всего-навсего очередная ступень, приближающаяся к существу, которое предвидим, которое должно возникнуть в будущем и которое мы в своем нетерпении настойчиво ищем в современном мире.

Я взглянул на свою руку, лежащую на подлокотнике кресла, и подумал, что ее форма, все ее строение были предусмотрены уже много миллионов лет назад, до то-

го, как возник человеческий разум. Там, в бездне времени, в царстве примитивных млекопитающих, было определено количество пальцев, фаланг, суставных сочленений, способ питания мышц, строение покрывающей их кожи. Ведь существа, жившие в те далекие времена, вне всякого сомнения, неразрывно связаны с нами мостом из сменяющихся поколений.

Мы летели в Гоби, чтобы встретиться с этими существами, чтобы разыскать малейшие остатки скелетов, разбросанных среди скал в стране, окаменевшей сто миллионов лет назад. Задачей экспедиции было собрать материал для исследований млекопитающих, то есть древнейшей их группы, которая после двухсот миллионов лет преобразований породила вид гомо сапиенс. Это требовалось для того, чтобы лучше познать человека, изучить самих себя. Без этого, без знания всего пути, пройденного человеком через царство животных, мы не смеем и мечтать о полной независимости от природы и обеспечении виду существования в будущем.

Кроме того, там, в Гоби, в наносах древнейших осадочных пород, покоились останки животных, линии которых прервались, не оставив потомков. Среди них были некоторые ветви млекопитающих, а также динозавры, эта мощная группа животных, непонятным образом сгнетенная с лица Земли. В ее полном исчезновении, в этом обрыве цепи эволюции, крылось еще не прочитанное предостережение нам, людям, тайна, от разгадки которой, возможно, зависит сохранение рода человеческого.

Мы приземлились в Улан-Баторе 30 апреля 1971 года ровно в полдень. Я сошел на летное поле вместе с Томашем Ежикевичем, Циприаном Кулицким и Эдвардом Мирановским. Через шесть дней должны были прибыть Зофья Келан-Яворовска, начальник нашей экспедиции, с Тересой Марианской, а после них и остальные участники.

Город был ослепительно светлый, чистый, свежий. Воздух резкий, сухой. Выбеленные известкой колонны, иней на лиственницах. Простор, обширные площади. Горы вокруг как цирковые, белые, туго натянутые на каркасы муслиновые шатры. На ослепительное небо невозможно было смотреть. Глаза монголов днем делались узкими, как черный волосок, а с наступлением темноты становились миндалевидными.

Прохожие были одеты в зимние стеганные или подбитые мехом дэли, сшитые из переливающейся ткани, синие либо цвета бордо, орнаментированные черными кругами и перепоясанные яркими оранжевыми или желтыми шарфами. Как мужчины, так и женщины мелкие покупки, деньги носят за пазухой, поэтому дэли у всех сильно оттопыриваются на груди. Рукава свисают до колен, закрывая руки. Жители степей, только что приехавшие в город, бредут по тротуарам, как в дурмане, спотыкаясь о плиты. Из-под глубоко надвинутых шляп — в основном фабричного производства — они всматриваются вдаль, выставляют вперед подбородок, будто выискивая что-то в конце улицы. Руки согнуты в локтях, словно приготовились отталкивать каждого встречного.

Вечером следующего дня я пошел в театр. Зал выдержан в «сецессионстиле». Паукообразная люстра излучала мягкий свет. Золоченые карнизы, плюшевые стулья, ложи и балконы в форме гондол. Шла хорошо известная мне опера «Три холма печали» о древних жителях степей и княжеском дворе. Я сидел в зрительном зале среди монголов, одетых в дэли. Огрубевшие пальцы прижимали к коленям снятые шляпы. Слышались вздохи, сопение, шорох, скрип стульев. Запах жира, полусырого мяса, кислого молока усиливался. Ни единого слова, произнесенного хотя бы шепотом, впившиеся в сцену глаза, перед которыми мелькают щиты воинов, луки, самострелы, князя с их благородными жестами, прекрасные дамы с кругами кармина на щеках и с диадемами из бус и серебра, их мерцающие белизной руки, украшенные перстнями. Звучат песни о храбрости, любви, страсти. Я размышлял о том, с какой силой зачаровывает нас созданная нами культура. Самым притягательным кажется именно то, что мы придумываем, а все остальное, находящееся вне нас, мы отстраняем, лишаем истинного значения.

Снаряжение экспедиции, прибывшее по железной дороге, сложенное в кучи, прикрытое брезентом, лежало в одном из дворов Академии наук. Стряхиваем снег, выбирая ящики для первой перевозки. До приезда остальных членов группы необходимо перебросить в пустыню хотя бы часть снаряжения. Мы с Томеком и Цип-

рианом нагружали «стар», а Эдек проверял исправность машины. Пришел Самбу, семнадцатилетний лаборант-монгол, назначенный в помощь польской экспедиции. Я познакомился с ним в шестьдесят третьем году, во время первой поездки, когда он был еще совсем ребенком. Сын разнорабочего в гараже, живой, быстрый, самый сметливый из всех нас, он угадывал мысли, понимал с полуслова и предупреждал желания, приносил нам сувениры — почтовые марки, открытки, — заваривал зеленый чай в каморке отца. Сам от подарков отказывался: он, монгол, принимающий в своей стране поляков, хозяин, знающий законы гостеприимства и готовый их полностью соблюсти. Было ему тогда девять лет, своей манерой держаться он посеял во мне недоверие к мифу о таинственной, непознаваемой и непроницаемой душе человека Востока.

Наша гостиница называлась «Баян-Гол» («Обильная река»). С тринадцатого этажа я каждое утро смотрел на храмы, возвышавшиеся за мостом. Здесь начинался путь к пустыне Гоби, окутанной голубоватой дымкой. Выше над городом поднимался гребень Богдо-Ула (Святая Гора), покрытый лиственничным лесом. Каждая минута, проведенная в городе, казалась потерянной напрасно.

По ночам с железнодорожного вокзала доносились посвистывания дизельных локомотивов, а из города — лай собак. Вечер накануне отъезда мы провели в кино, смотрели монгольский фильм. Я увидел одну из наиболее прекрасных, лирических любовных сцен, которая, вероятно, так и останется неизвестной. В древнем Улан-Баторе, называвшемся Да Хурэ и представлявшем собой поселок из юрт, глинобитных мазанок, освещенных жировыми светильниками, с окнами, затянутыми бычьими пузырями, юноша, прокравшись к окну, касается его влажными пальцами, чтобы пленка стала прозрачной и он мог увидеть девушку. С другой стороны — она под строгим взглядом бабки заклеивает просветы кусочками пергамента.

2

Утром пятого мая, миновав мост, мы выехали из города и устремились по асфальтированному шоссе, ведущему вдоль подножия Богдо-Ула. Лиственничная ча-

ща на склонах была припорошена снегом. В углублениях долин, в покрытых травой впадинах виднелись выбеленные здания — больница, государственные учреждения, дом отдыха. На склоне холма пирамидальной формы из светлых камней выложен герб республики. Дорога вела вверх по склону, откуда открывался вид на Улан-Батор, лежащий по обоим берегам Толы, в долине, уже слишком тесной для большого города. Он был покрыт шапкой дыма от заводов, построенных с наветренной стороны.

Погода была ясная, холодная. Мы подняли брезентовый верх кабины. Циприан и Томаш сидели в кузове, опустив переднее полотнище. Свернув с шоссе, ведущего к аэродрому, мы направились по степной колее на юг. Вдали на волнистых холмах я заметил длинные хвосты пыли, похожие на полосы, оставляемые в небе самолетами. Они тянулись от грузовиков, уходивших в глубь страны, в места, где нет ни дорог, ни городов, ни селений.

«Стар» набирал скорость, глухо урча мотором и лязгая колесами, похожими на лапы чудовища с каучуковыми когтями, которые рвали обнаженную землю, поднимая облака пыли. В степи несколько десятков наезженных колеи, расходящихся во всех направлениях, постоянно пересекались, сливались по две-три, чтобы потом опять разлететься. Если бы на эти колеи положить рельсы и поставить стрелки, возникла бы самая крупная в мире узловая станция.

— Ты знаешь, куда ехать? — тревожно спросил Эдек.

— Знаю, — ответил я, — ты просто держись центральных колеи.

Он взглянул на меня с недоверием: выбор был слишком велик.

— Крайние полосы, — объяснил я ему, — отходят в сторону незначительно, ты заметишь ошибку, лишь проехав много километров, когда солнце начнет светить не в лоб, а в щеку. Порой так можно ехать целый день, пока дорога не упрется в какой-нибудь пустой загон для овец с клочьями старого сена, привезенного туда зимой.

Я указал ему на линию белых облаков, висящих низко над горизонтом.

— Ориентируйся на них, там горы Зоргол-Хаирхан. На землю не смотри.

Эдек был не только автомехаником, но и альпинистом, что решило вопрос о его участии в экспедиции. Перед отъездом мы долго ломали голову, кому доверить наши машины. Необходим был такой человек, который смог бы и водить «стар», и чинить его в пустыне, и жить в условиях палаточного лагеря, и работать, если понадобится, сутками при любой погоде.

Эдек, коллега по высокогорному клубу, которого я знал только понаслышке, жил в Закопане, участвовал в экспедициях в афганский Гиндукуш и пакистанские Гималаи. Явившись в Варшаву на первую беседу, он сообщил:

— Машину надо чинить только тогда, когда в ней что-нибудь сломается...

Видя крайнее недоумение на наших лицах, он пояснил:

— Как можно меньше трогать!

Этот мощный аргумент положил конец нашим сомнениям, хотя ранее мы считали, что судьба вверенного нам транспорта должна находиться в руках такого человека, который бы с рассвета дотемна, весь в машинном масле, торчал бы головой в моторе.

Пятна снега и пучки прошлогодней травы сделали степь похожей на шахматную доску с клетками неправильной формы и разной величины. На траве сидели небольшие изящные коршуны и более крупные сарычи в каштановом с проседью оперении, растрепанном в борьбе с весенними ветрами. Они поворачивали к нам головки и спокойно наблюдали за машиной, не обнаруживая ни малейшего стремления улететь. Их присутствие свидетельствовало о том, что степь пробуждается к жизни. С высоты нашего «стара» мы видели тонкую паутину тропок, проложенных полевками. Маленькие, серые, они мгновенно прятались в траву, ощутив дрожание земли от приближавшейся машины. При этом они обычно замирали перед самой колеей и в последний миг внезапно бросались через нее прямо под сокрушительную лавину колес. Хищные птицы, сытые и ленивые, сидели неподвижно среди своих жертв.

Много лет, в разное время года, в различных районах Монголии я имел возможность наблюдать расцвет

и упадок этих временных популяций грызунов. В период наивысшего развития они становились так многочисленны, что любая птица-хищник, находясь в центре колонии, могла бы обеспечить себе пропитание на территории размером немногим более ее собственного тела. Между семьями грызунов начиналась борьба за корм, в результате исчезали последние травинки. И можно было быть уверенным, что на следующий год это место будет абсолютно пустынным. Нога проваливалась в высохшую, изрытую норами землю, где были изъедены даже корни. Долго еще не восстановится растительный покров. Несколько пар грызунов, которым удастся пережить зиму, возрождают колонию на каком-нибудь из соседних холмов.

Мы ехали по этой стране, светлой, открытой, веселой, пререссованные в горячий металл машины, в кожу сидений рядом с ревущим мотором, воняющим машинным маслом. Сминая тяжестью колес неровности дороги, ломая встречный ветер бронированным ветровым стеклом, мы пробивались к горизонту, сквозь мутные стекла смотрели на испаряющиеся снега, на влажную траву.

В те минуты я думал о том, кто мы есть — мы, организмы, созданные для того, чтобы существовать и поддерживать это существование. Все совершалось независимо от нашего влияния, было для нас помехой в достижении единственной цели — обеспечить существование в вечности и свободу от всего, что создано не нами. Сознание противопоставило нас всему мирозданию. В то же время оно не хотело мириться с истиной, что мы, люди, подчиняемся тем же законам природы, что и животные. Мысль, что роду человеческому может быть уготована судьба динозавров, кажется неправдоподобной. Вероятно, потому, что мы все не слишком хорошо знаем историю развития отдельных видов животных на древних стадиях, плохо изучили историю эволюции человека.

Наша очередная экспедиция в Гоби имела целью хотя бы на дюйм приподнять завесу, выполнить роль еще одного зонда, погруженного в пучину времени. Мы лелеяли надежду увидеть и описать фрагмент исчезнувшего мира.

За последние сто тридцать пять миллионов лет территория Центральной Азии не была покрыта морем и,

таким образом, оказалась лишена слоя морских осадочных пород в отличие от других материков. В грубых материковых осадках, в песчаниках, образованных реками и озерами, сохранились скелеты сухопутных животных. На месте современной пустыни когда-то находился край, богатый влагой, с обильной растительностью. В поймах рек обитали огромные пресмыкающиеся — динозавры.

Я попытался представить себе картину нашей планеты в самом начале карбона, триста пятьдесят миллионов лет назад, когда и динозавров еще не было. Я понял, сколь исключительно важен был этот период в истории Земли, особенно если рассматривать его глазами человека XX века, гражданина планеты, уже страдающей от перенаселения.

Материки были пусты! Бурная жизнь кипела в морях, реках, озерах, но континенты были еще ничьи. Редкую поросль населяли насекомые. Из первых древовидных растений появились леса. По берегам рек и ручьев обитали земноводные. Однако они не рисковали отдаляться от воды, крепко связанные с ней способом размножения. Их икра, лишенная скорлупы, покрытая лишь слизью, могла вызреть только во влажной почве или в воде; первые стадии жизни проходили под водой. Взрослые особи с их голой и влажной кожей, снабженной многочисленными железами, также были вынуждены постоянно искать тень и влагу. Первые шаги в глубь материка были сделаны пресмыкающимися. Отделившись от земноводных, они изменили способ размножения. Яйца, хорошо защищенные кожейподобной или известковой скорлупой, дающие зародышу необходимую влажную среду, они могли откладывать далеко от воды. Уже в яйце молодое пресмыкающееся развивалось настолько, что, вылупившись из него, в состоянии было жить на суше наравне со взрослыми особями. Их кожа покрылась чешуйками или роговым панцирем, предохраняющим от потери влаги. Таким образом, они могли без опаски заселить высокие и сухие территории — степи и даже пустыни.

Первыми из рептилий, которые оторвались от воды и полностью использовали свою приспособляемость, чтобы начать марш в глубь материковой среды, были котилозавры. Это — еще некрупные животные, двадца-

ти-тридцати сантиметров в длину. Очень редко они достигали трех метров, неповоротливые, неуклюжие, с короткими, широко расставленными конечностями. Шея маленькая, череп сплюснутый. Сначала они вели хищный образ жизни. Со временем среди них возникли травоядные формы.

Имея неограниченные возможности развития и разнообразную среду обитания, котилозавры постепенно преобразовывались и приспособлялись. Одни покрылись панцирем, превратившись в черепахи, другие утратили конечности и стали змеями, часть вернулась в воду в виде морских пресмыкающихся, иные образовали группу, переходную к млекопитающим, из которой эти последние и возникли. Котилозавры положили начало также группе текодонтов.

Именно текодонты в конце концов дали толчок делу освоения материков, а также воздушного пространства, так как именно от них произошли и динозавры и летающие рептилии. Строением текодонты напоминали всем известных ящериц — небольшие, с продолговатым черепом, с острыми зубами, хищные. Часть из них стала передвигаться полувыпрямившись, на задних конечностях. Передние лапы с хватательными пальцами, оснащенными когтями, были очень короткими. Эта линия текодонтов дала впоследствии динозавров, которые за сто пятьдесят миллионов лет распространились по континентам и со временем, подвергаясь непрерывным изменениям, стали совсем непохожи на своих прародителей.

Одни превратились в четвероногие шагающие крепости, «танки» с мощнейшим панцирем, другие представляли собой горы мяса, передвигавшиеся на четырех опорах, третьи — «машины» для раздиранья этого мяса похожими на стальные пилы челюстями.

Их окаменевшие останки обнажаются сейчас на скалистой поверхности пустыни Гоби в полосе шириной в несколько сот километров по обеим сторонам монголо-китайской границы. Много окаменелостей сконцентрировано в Нэмэгэтинской впадине, в глубине гор. Именно к ней мы совершали тысячекилометровый путь из Улан-Батора.

Нас обгоняли машины, груженые козьими и овечьими шкурами. Свалившиеся с машин шкуры то тут, то

там валялись на дороге. В Улан-Баторе говорили, что зима была суровая, снег смерзся в твердую корку, которая закрыла животным доступ к траве. Казалось, что зима не повредила только тарбаганам. Заслышав шум мотора, они бросились в паническое бегство в сторону гор, еле волоча туловище на слишком коротких ногах. Эти крупные сурки выглядели толстыми, возможно из-за пушистого меха, скрывавшего выступавшие ребра. Некоторые замирали столбиками рядом с норкой или, захваченные врасплох на пастбище, застывали неподвижно на четырех лапках, подняв торчком хвостики.

— Что бы ты сказал о шапке из тарбагана? — произнес Эдек, в котором заговорила кровь охотника. Он пытался дотянуться до двустволки, лежащей по другую сторону спинки сиденья.

— Оставь, — отговаривал я, — в это время охота запрещена. А кроме того, — припугнул я его, — их паразиты — носители чумы.

Это его сразу убедило, так что я мог не говорить об основной причине моего нежелания охотиться: пускать пули в животных, которые так жаждали жить в этом солнечном мире, среди душистой травы. Иначе — разве стали бы они разбегаться при приближении машины?

Путешественника, едущего по пустыне, ожидает открытие: после двух-трех часов езды по степи, а порой и даже целой недели, он убеждается, что она не наскучила ему. До того, как я сам понял это, мне довелось беседовать с одним монголом, путешествовавшим по Европе. Он ехал поездом из Кракова в Варшаву.

— Послушай, — обратился он ко мне, едва сдерживая зевок, — в жизни не видел такой скуки! За окном вагона все дома, дома, деревья, опять дома... Глазу не на чем остановиться. Вот у нас в степи — совсем другое дело! Каждую минуту видишь что-нибудь новое. То лиса из-под копыт выскочит, то табун промчится вдали, то высмотришь в траве дрофу...

Тогда я не поверил ему, но потом понял, что его похвала степи была весьма скромной. Взять хотя бы небо. В этой стране без деревьев и без домов небо занимало все поле зрения. Земля — лишь плоскость, едва заметное основание этого шатра-купола. Ее неровности казались ничтожно малыми, придавленные гигантским полотнищем, по которому проносились тучи, облака, лив-

ни, грозы, радуги, голубые блики различных оттенков, луна, освещенная солнцем.

Мы ехали старой караванной дорогой, соединявшей столицу с Далан-Дзадгадом, расположенным в предгорьях Гоби. Дорогу обозначали холмики из камней, называющиеся «обо». Их годами насыпали проезжавшие мимо всадники, проводники верблюжьих караванов, пастухи, перегонявшие стада, а в последнее время — шоферы.

Перевал. Широкая седловина между двумя вершинами. Мы вышли из машины. Обо выше человеческого роста можно было бы сравнить с книгой посетителей. Между камнями вложены различные дары. Рассматривая их, представляешь себе историю этого края. Я увидел на холмике мисочки из лиственницы, употребляемые ламами при жертвоприношениях, оттиснутые на кусочках глины изображения богов, лоскутки полотна с тибетскими письменами, постромки из верблюжьей шерсти, сплетенные косичкой, клубки конского волоса, бронзовый наконечник стрелы, пули и гильзы для карабинов, гайки, использованные свечи зажигания, кусочки деревенского сыра и булку заводской выпечки, банки из-под китайских консервов, конфетку. Холмик был увенчан рогами архара, горного барана, перекрученными на белом черепе, как старые ветви дерева.

Мы находились в той части света, где сменявшие друг друга культуры не накладывались слоями, скрывая все, что оказывалось внизу, а взаимно проникали одна в другую. Смешавшись таким образом, они жили тысячами, вплоть до настоящего времени. Обо насыпали еще до распространения буддизма, когда шаманы учили, что все холмы, долины, горные вершины населены духами. Люди покорно следовали этому учению, принося камни, и ни буддизм, ни народная революция не могли изменить обычая.

Я склонился у обо и бросил на него камень, испытывая беспокойное чувство, что это не сам я, а что-то вне меня сгибает мою спину и приказывает принести жертву, будто невидимый дух перевала находился где-то совсем рядом. Он должен быть здесь, господин этой изъезженной, закапанной мазутом лысой вершины, которую с натужным ревом преодолевают тяжелые грузовики.

Под вечер на пологом склоне перед ветровым стеклом

неожиданно выросли ворота — два кирпичных столба, побеленных известью, соединенных деревянной аркой. Кроме них, до самого горизонта не было видно и следа человеческой деятельности. Колеи с обеих сторон огибали арку, но мы попытались въехать в Эрдэнэ-Далай через нее, что нам вполне удалось благодаря виртуозному мастерству шофера. Боковые зеркала едва коснулись столбов.

Минутой позже за изгибом склона показалось несколько грубо слепленных из глины, побеленных домов, под зелеными железными крышами, скорчившихся на откосе под ударами ветра. Я выпрыгнул из машины. В то же мгновение меня охватило холодом, и я увидел, что солнце уже зашло, и все вокруг погружается в сумерки. Песок стегал по стенам, слущивая с них известь и стирая надписи на вывесках магазина, управления сомона, столовой, детского сада. Мы приехали слишком поздно, все двери были заперты на замки. Дрожа от холода, мы подошли к небольшим окнам гостиницы. На стеклах угасал последний отблеск багряного заката. Людей не было. Внутри виднелись контуры железных коек и свернутые одеяла.

Укрывшись за стеной от ветра, мы смотрели вниз, где темнел почти невидимый в сумерках храм с приподнятыми углами крыши и желобами в виде раскрытой пасти животного. Как сгустки тьмы, возникли три фигуры. Они приближались, тяжело взбираясь в гору, согнувшись навстречу ветру, качаясь из стороны в сторону, с трудом переставляя ноги. Висящие рукава дэли трепал ветер. Мужчины остановились и удивленно уставились на плоский нос «стара».

Я пытался расспросить их, где найти хозяйку гостиницы, когда раздался шум мотора, и нас осветило фарами. Это прибыл Самбу с водителем и двенадцатью бочками бензина. Я втиснулся к ним в кабину, и мы двинулись вверх по склону вдоль линии электрических столбов, покосившихся в разные стороны и исчезавших за вершиной хребта. Миновали какие-то яйцеобразные резервуары, наполовину врытые в землю. За ними показались юрты, которые мы не могли видеть снизу. Они стояли рядами, через отверстия сверху пробивался яркий свет, иногда был виден красный отблеск огня, жестяные трубы выбрасывали искры. Я споткнулся о пень

саксаула. Было пусто, никто не суетился около юрт. Скрипнула дверь на ременных петлях, и чья-то рука втянула в юрту мешок с сушеным навозом. Мороз крепчал, на небе засияли яркие звезды.

Самбу обходил юрты, заглядывая в каждую. Они все еще были утеплены с зимы. Кроме кусков войлока, снизу их прикрыли набитыми шерстью стегаными мешками, а сверху — белыми полотнищами, стянутыми веревками, на которых висели камни, лопнувшие рессоры, иногда втулка колеса или крышка, тяжестью прижимаемая к земле легкую юрту. Не спеша вышла женщина, позванивая спрятанными в рукаве ключами, одетая в длинную, до самых пят дэли. Она принесла с собой в кабину запах вареного мяса.

Впустив нас в гостиницу, монголка зажгла свечи, развела огонь в железной печке и поставила огромный чайник с водой. Двери из коридора вели в комнаты с большими, от пола до потолка кирпичными печами, обитыми листами черной жести, которые растапливались со стороны коридора. Мы внесли ящик с продуктами, радиоприемник, спальные мешки. Женщина подала два китайских термоса с кипятком. Радио попеременно ловило обрывки то монгольской, то английской речи, в нескольких местах шкалы прорывался гимн Советского Союза, которым заканчивалась дневная программа в республиках, растянувшись на одну шестую земного шара, мяукнула китайская музыка, заверещали и занищали какие-то металлические инструменты, грянула хоровая песня из Вьетнама, загрохал биг-бит из Тайваня.

Мы сразу крепко заснули. После полуночи я проснулся на короткое мгновение, ощущая глубокую, абсолютную тишину, молчание ночи, неподвижность планеты. Подумалось даже, что, может быть, это чистая случайность, что мы — не ночные существа, как совы или ежи. Ночной образ жизни сильно повлиял бы на сознание человека. Наша жизнь всегда проходила бы под звездами, и мы постоянно заглядывали бы в бездну небес, все больше убеждаясь в том, что в мире существует нечто, нам непонятное, и ничто не может спасти нас от угрозы, таящейся в пространстве.

К счастью, день избавляет от этого ощущения. Голубой свод покрывает землю, он непрозрачен, кроме того,

землю заслоняют тучи. Этот светлый купол над нами наполняет нас покоем, ограничивает мир, уменьшает его, приближает его к нашим меркам. Когда вечером разверзается бездна, мы укрываемся под крышами, прячемся от раздвигающегося до бесконечности пространства и засыпаем, чтобы не думать о нем.

На двести пятидесятом километре от столицы дорога сильно вытянутой буквой S вплелась в неглубокое ущелье между двух скал. Разбрасывая во все стороны гравий, машина вынырнула из-за камней, и перед нами открылась бездна. Не глубины — дали. То, что охватывал взор, было больше чем пейзаж: это была часть планеты. Перед нами простиралось пространство, с поверхностью, словно снятой бульдозерами. Казалось, что это они, поработав, оставили после себя цепочки бугорков. Не было видно ни одного стебелька, ни одной травинки — только распростертое нутро земли. Рана, нанесенная эрозией и сжигаемая солнцем. Желтые лавины песков, отвалы красного ила, ослепительно белые россыпи.

За едва заметной складкой у горизонта просматривалась светлая полоса мергелей. Но это был не предел. За ними глаз обнаруживал почти растворившиеся в воздухе малиновые песчаники, обрамленные полосой застывшей лавы. Все небо, как одно огромное солнце, излучало ослепительную белизну.

Похожие места я видел и прежде и давно к ним стремился. Мне всегда казалось, что там нет ни животных, ни людей. На этот раз я был совсем рядом с притягивавшим меня пространством, но оно отодвинулось влево и вскоре осталось позади. Машина пошла на подъем в сторону вулкана. Базальтовая скала огромным зубом торчала из осадочных пород. За полуразрушенным кратером с трещиной посередине начиналась равнина.

Машина разогналась на ровной поверхности, кузов перестало трясти. Мы мчались по бескрайней плоской равнине среди озер и протоков. Я смотрел на бесчисленные островки и полуостровки, на косы, далеко уходящие в разливы озер, и среди них не мог разглядеть дороги. На мелководье стояли верблюды и лошади, вода покрывала лишь копыта. На зеркальной поверхности озер

отражались горы. В отдалении бродили стада. Вода казалась голубой и чистой. Со скоростью шестьдесят километров мы направили машину прямо в эту «воду»; нам хотелось разрезать неподвижную гладь колесами, высоко, выше машины взметнуть брызги. Но призрачная «вода» миража с такой же быстротой отступала перед нами, обнажая раскаленный шлак на корке затвердевшей глины. При нашем приближении съеживались и исчезали стебли тростника и шумящие на ветру заросли, превращаясь в россыпи камней.

Настоящими были только животные. Они медленно шли поперек пустынной плоской плиты, протягивая головы в сторону лишь им известных источников. Мираж не мог сбить их с толку: «озера» не пахли водой, от них исходил запах сожженной земли.

Впереди возник хребет Гурван-Сайхан. Весь день, до самого вечера, по мере нашего продвижения он увеличивался, вырастал перед ветровым стеклом. Это суровые горы, самая большая вершина которых достигает двух тысяч восьмисот метров. Они состоят из темных, блестящих, как графит, метаморфических, сильно расслоенных горных пород, сложенных в крупные блоки. В нескольких местах горная цепь рассечена удобными для проезда ущельями. К хребту ведет предгорье — ровная наклонная плоскость, под одним углом обрамляющая горную цепь на всем протяжении. Мы остановились в котловине на ночлег, чтобы на следующий день преодолеть ущелье. Разбили палатку. Эдек ночевал в кабине. Самбу и его товарищ кое-как устроились на сиденьях «ЗИЛа». Дрожа от стужи, мы пили вечерний чай, который мгновенно остывал на холодном воздухе.

«Гурван» означает «три», «сайхан» — «милый, красивый». Гурван-Сайхан — «Три красавицы». Горная цепь действительно четко делится на три массива. Уже забравшись в спальный мешок, я учу Томека и Циприана некоторым монгольским фразам: «Энэ гадзар ямар нэртэй?» («Как называется это место?»), «Ямар унэтэй?» («Сколько стоит?»), «Уунийг удзуулдж өдуюй?» («Можно это посмотреть?»). Быстрее всего они запомнили: «Нааш ир!» («Пойди сюда!»). Я слышал их бормотание, пока они не заснули.

Циприан — палеонтолог, до недавнего времени занимавшийся аммонитами, вымершей группой морских

головоногих. Разумеется, он не мог рассчитывать на то, что они встретятся в Гоби в осадочных породах материкового происхождения. Томаш, единственный геолог экспедиции этого сезона, взял на себя задачу геологического описания «костеносных» пластов, а также составление топографической карты окрестностей с нанесением на нее мест будущих находок. С первой же встречи он произвел на меня впечатление человека бывалого, привычного к полевым условиям, способного вести поиски в одиночку в пустынных местах. Томаш не боялся спать на земле, привалясь к первому попавшемуся камню. Обычно он не участвовал в общем разговоре, при первой же возможности удалялся от всех, бродил поблизости, постукивая молотком по камням, не вступал в споры, лишь изредка бросал кому-нибудь ироническую, а то и ехидную реплику и потом с трубкой в зубах, прищурив глаза, сквозь облака дыма наблюдал, как жертва пытается отразить атаку.

Ночью было очень холодно, а утром мы увидели на траве иней. От Нэмэгэтинской впадины нас отделяли всего две горные цепи и стиснутая между ними полоса песков. Мы пересекли массив Гурван-Сайхан по заваленному грудями камней ущелью, пробираясь через узкие проходы между черными и блестящими, как металлические зеркала, целиками. Лицо мерзло в тени. Открылся вид на песчаные дюны и за ними — на черную стену Зоолон-Ула (Верхних Гор) — очередного мрачного места Гобийского Алтая с самой высокой вершиной в две тысячи триста пятьдесят метров.

Высота барханов превышала сто метров. Их склоны были так круты, словно состояли не из песка, а представляли собой монолитную скалу. Подножия образовали на плоской равнине ряд вогнутых линий, так резко очерченных, будто кто-то гигантской метлой подметал здесь ссыпавшийся с барханов песок. Пески, нанесенные бурями, проникали в горные цепи с запада. Они назывались Хонгорийн-Элс (Светло-рыжие Пески).

Цепь дюн была разорвана впадиной, через которую машина могла проскочить. Однако груженный бензином «ЗИЛ», не имевший передачи на передние колеса, увязал при каждой попытке пройти песчаную преграду.

Надо было сойти на горячий, как сковорода, песок, чтобы прикрепить буксир. «Стар» не очень-то помог — «ЗИЛ» глубоко уходил в зыбкую почву, пришлось взяться за лопаты. Наступил полдень, тень едва прикрывала подошвы. Кожа была совершенно сухая, поскольку пот мгновенно испарялся, в глазах темнело, по спине проходила дрожь.

— Что с тобой? — спросил Циприан, внимательно присматриваясь ко мне.

Не понимая, я поднял на него глаза.

— А с тобой? — крикнул я.

— У тебя поседела борода!

Я вообще не носил бороды и сегодня утром брился. Проведя рукой по лицу, я почувствовал множество уколов и стер со щек и подбородка щетину из соли. Лица всех членов экспедиции покрылись слоем соляных кристаллов.

Водитель-монгол мрачно всматривался в дюны, дымящиеся на ветру, как вулканы. Он никогда не бывал в этих местах.

— Что делать, Мацей? — спросил меня Самбу. — Вы бросите нас здесь?

— Смотри! — я разложил на колене блокнот и стал рисовать. — Это цепь Гурван-Сайхан, это Зоолон-Ула, поедете между ними, вдоль песков, пятьдесят километров до сомона Баян-Далай, а оттуда по твердой дороге через Зоолон-Ула до Гурван-Тэса. Там и встретимся. Я ехал по той дороге шесть лет назад.

Самбу с лёта понял чертеж. Они двинулись. «Стар» без задержки преодолел препятствие, ветер тотчас замел следы.

3

Мне припомнилось мое первое знакомство с пустыней. Это было в шестьдесят четвертом году, в другом районе Монголии. Наш «стар» увяз в дюнах, и мы с Хорлоо брели по раскаленным пескам за подмогой. Лето было в разгаре, песок сквозь обувь обжигал ноги.

Малорослый Хорлоо привык ездить на машине и не любил ходить. Он едва тащился за мной, то и дело подтыкая обеими руками длинные полы дэли за пояс. Когда до лагеря осталось не больше часа пути, он стал

останавливаться чуть ли не на каждом шагу, взбирался на холмики, оглядывался по сторонам. Через некоторое время мне показалось, что ветер доносит жалобные стоны. Я слышал их по нескольку минут кряду, потом они стихали, чтобы тотчас возникнуть снова. Я подумал, что слышу пение ветра над каким-нибудь обрывом. Внезапно Хорлоо свернул с пути и направился в сторону от лагеря. Я стал показывать ему знаками, что он не туда идет, но он отказывался повернуть обратно, повторяя: «Тэмээ, тэмээ», и тянул меня за собой. Я еще не знал тогда, что по-монгольски это значит «верблюд».

И вдруг я увидел его. Он лежал в выемке спиной к нам. Его рот был открыт. Из отверстия между двумя рядами желтых зубов исходило протяжное рыдание. До нас донесся резкий запах. Хорлоо вынул из моих ботинок шнурки и стал обходить верблюда. Из-за шума ветра животное слишком поздно услышало шаги и не могло убежать. Верблюд попытался вскочить, выпрямил задние ноги, но когда он встал на передние колени, Хорлоо набросил шнур на разветвленную палочку, продетую сквозь носовую перегородку.

Однако он не сумел затянуть петлю: верблюд успел подняться и начал пятиться назад. Хорлоо подпрыгнул несколько раз, стараясь ухватиться рукой за палочку, но не смог. Тогда он повис на шее верблюда, забросил на нее ногу и дотянулся наконец до носа.

На бедре тэмээ виднелось клеймо, знак собственности, сделанное много лет назад, едва различимое, несмотря на редкую вылезшую шерсть. Верблюд был болен и истощен. Шерсть висела на нем клочьями, оставляя проплешины, серая кожа сходила пластами, на брюхе — розовые лишай, пах до крови разъеден мухами. Он странно покачивался на ногах, словно не в силах вынести тяжесть собственного тела. Ребра выпирали, глаза слезились.

При других обстоятельствах я ни за что не прикоснулся бы к больному животному, но сейчас мне до этого не было никакого дела. Зной вдруг перестал докучать мне, азарт захватил все мое существо. Еще бы, такое событие! Верблюд в пустыне Гоби помогает путешественникам выбраться из губельных песков! В те минуты для меня важнее всего был мой будущий рассказ о происшествии, который уже складывался в моей голове. При-

ключение новоявленного покорителя пустыни. Хорлоо сидел на спине верблюда и звал меня. Я сделал два шага и, вдыхая зловоние, вскочил сзади на этот скелет, обтянутый кожей. Под нашей тяжестью он качнулся вперед, сделал несколько неверных шагов, опустился на колени, но не упал. Я держался за пояс Хорлоо, повиснув за съезжившимся горбом на костлявом заду верблюда. Хорлоо лупил его пятками, чмокал и наконец заставил сделать два десятка шагов, после чего животное вновь пало на колени. Задыхаясь от волнения, монгол пытался мне что-то втолковать. В лагере, когда Давчин перевел, я понял: верблюд был слепым.

Прошло несколько дней, и я вновь испытал нечто подобное.

Давчин и Хорлоо раздобыли барана. Вечером, когда стало очень холодно, мы все собрались в какой-то кухнемазанке. Готовился пир, горела свеча, в печной трубе гудело пламя, мы то и дело подбрасывали сучья в огонь. Нас охватило особое настроение, вызванное всеобщим ожиданием еды, суетой, теплом, и мы, чужеземцы, готовы были подражать хозяевам во всем, до мельчайших деталей. С барана сняли шкуру, внутренности, вынутые из распоротого брюха, швырнули в помятый таз. Содержимое кишок — зеленая кашка из непереваренной травы — просто выдавили пальцами. Очищенные таким образом кишки бросили в котел, прокипятили всего несколько минут, выловили и поставили на стол в том же тазу — белые, дымящиеся, почти сырые. Мы вместе с хозяевами набросились на них, причмокивая, отхватили ножами по большой порции. Потом, зажав кусок зубами, стали отсекал его ножом у самых губ. Я тоже грыз, жевал, глотал эти похожие на резину внутренности и размахивал ножом, целиком захваченный необычностью места и времени, поглощенный одним желанием — слиться с этим краем любым способом, любой ценой. Я был в таком состоянии духа, что, казалось, мог бы участвовать в любом обряде — принесении человеческой жертвы, например, или принять подарок в виде человеческой головы, высушенной до размеров ореха, чтобы украсить ею свой письменный стол. Я утешал бы себя словами: «здесь-так-делают»,

Мы проскочили пески, а за ними последний на нашем пути хребет Сэврэй-Ула. Впереди раскинулась наполненная голубым светом Нэмэгэтинская впадина овальной формы, длиной в сто пятьдесят километров. По ту сторону ее виднелись гребни Тост и Нойэн. Мы остановились на обед. Ели молча, укрывшись от порывов ветра за машиной. Песок сыпался в котелки, скрипел на зубах. Над котловиной неслись светящиеся облака. Под ними висели хрустальные шлейфы дождей. На дне котловины клубились тучи пыли, вуалью взметался песок, завиваясь в гибкие столбы кирпичного цвета.

Дорога шла вниз через обширные участки, засыпанные щебнем, пересеченные глубокими рвами. Напуганные шумом, из них выскакивали джейраны, напоминающие механическими движениями тонких ножек, словно сделанных из стали, остренькими, как иголки, копытцами, заводные игрушки. Небольшими стадами они опрометью выскакивали на дорогу в страшном испуге, потому что в ущельях ревел ветер и заглушал шум мотора. Светло-коричневые с торчащими кверху палочками хвостов, черными на концах, они мчались легко и грациозно, не в силах остановить бег, летели вверх по склону, взвиваясь к вершине.

Съехав вниз, мы нырнули в пыльную тучу и продолжали двигаться против ветра по направлению к солнцу. Песок бил в ветровое стекло, солнечный свет ослеплял, брызгая снопами лучей через разрывы в тучах. Земля была подвижна, как поверхность моря, вся в потоках, реках песка, текущих зигзагами, сверкающих золотом.

Из-за вала щебня показались крыши вытянутых в ряд юрт, розовеющих в отблеске вечерней зари. Ветер стихал. Крашеные двери юрт — синие, красные — стали приоткрываться, из них выглядывали люди, отовсюду бежали ребятишки. Увидев их, я подумал, что знаю этот поселок дольше, чем они. Когда я приехал сюда впервые, этих шестилетних малышей еще не было на свете. Они толпились вокруг нас, щекастые, упитанные, с округлыми мордашками, словно у них были битком набиты рты, румяные и коричневые от солнца, с гладкой бархатистой кожей, вскормленные мясом, костным жиром, желтым бараньим салом, тушеной козлятиной, лапшой

с мясом и луком, сухим печеньем, зеленым чаем, пышущие здоровьем, как будто и не было позади долгой суровой зимы. Теперь наступала весна, а это означало — кумыс, сладкое молоко верблюдиц с толстыми, как блины, кружками сливок.

Против большинства юрт стояли сарайчики-кухни, сколоченные из листов фанеры. У стен — закопченные котелки, плетеные корзины с сушеным навозом. Подходили старшие, появился Будэ с лицом, круглым, как луна, со своей обычной прядью на лбу. На руках он нес девочку с бантом в волосах, похожим на бабочку необычайных размеров. Девочка прижималась лицом к отцу, и эти два похожих лица были как две луны — большая и маленькая. Подошел служащий почты и еще кто-то. Они здоровались, подавая руки; женщины наблюдали издали, как я вручал подарки для всего поселка — набор для пинг-понга в здешний клуб. Я объяснил, что мы еще вернемся в Улан-Батор за остальными участниками экспедиции. Будэ попросил привезти ботинки для детей, которых у него было человек пять, и материал на дэли для жены. Он обернулся и окликнул ее, спросив, какой цвет выбрать. Несколько минут ушло на обсуждение, где устроить нас на ночлег, и решили, что в школе, домике из двух комнат. Учитель вместе с учениками вынесли из одного класса скамьи местной работы, из очень толстых досок, низкие и маленькие, будто предназначались для карликов с огромным весом. Тем временем мы разгружали «стар», внося оборудование в бездействующую солеварню, превращенную в административное здание и клуб артели одновременно.

За юртами, к западу находилась пустынная впадина, одно из последних мест, которое населяли динозавры перед тем, как исчезнуть с лица земли. В ней мы проведем несколько месяцев. Сейчас ее прикрывала завеса пыли, хотя ветер уже утих. Впервые мы приехали в столь раннюю пору года, поэтому нас не покидали опасения, что ветры и бури будут сильно докучать нам до самого конца мая.

В помещении класса на досках мы разложили надувные матрацы. Циприан спугнул кота. Черный зверь с янтарными глазами, огромный, как ягненок, бесшумно упал из люка в потолке на спальные мешки — огонек свечи не шелохнулся. Помчался в сени, вернулся, привле-

ченый молоком, которое налил Циприан, попил и позволил себя погладить. Кот выходил и возвращался несколько раз, выгибал спину, заглядывал в глаза. Я погладил его, и тут что-то недоброе ударило мне в голову — я с силой провел рукой против шерсти, посыпались искры. Мурлыканье прекратилось, спина напряглась. Кот попятился, пристально взглянул на меня, вдруг выбросил вперед лапу, хватил по руке когтями, цапнул зубами. Затем неспешно удалился и больше в этот вечер не вернулся.

Уже улегшись в спальный мешок, я спросил:

— Что вы скажете, панове, если я заберу в Улан-Батор одного Эдека, а вы дождетесь остальных здесь?

— С удовольствием! — возликовал Томек. — Я спокойно проведу обследование движущихся дюн...

— Порядок! — сказал Циприан, потирая руки. — Еще несколько дней свободы! — он откровенно радовался.

За те дни, что мы провели вместе, я имел возможность убедиться, что Циприан станет «непокорным духом» коллектива. Такая экспедиция, как наша, здесь, в Гоби, в пустынной местности, — все равно что высадка на другой планете. Ограниченное время, строго определенная цель. Участники обязаны полностью сосредоточиться на общем задании. Приходится менять привычный образ жизни, отказаться от своих привычек, держаться дисциплины, похожей порой на школьную, а иногда и на военную.

Циприан прекрасно понимал это и вел себя соответственно. Однако сознание, что он себе не хозяин, камнем лежало у него на душе. По крайней мере раз в день, для психопрофилактики, он находил повод, чтобы напомнить остальным, какой рабский образ жизни они сами для себя выбрали. Он провозгласил принцип: человек должен работать только тогда, когда он без принуждения и приказов будет внутренне готов к этому. По выражению лица Циприана, несущего неподъемный ящик, легко было понять, что работать он еще не готов.

Я проснулся рано. Сумерки таяли на окнах. Белое солнце уже осветило пески. Люди в юртах спали. Я взобрался на невысокие дюны. Кусты саксаула, еще не

покрытые своей не то листвою, не то хвоею, стояли на равном расстоянии друг от друга, похожие то на подсвечники, то на сгорбленные фигуры людей, то на джейдранов в прыжке, на олени рога, на пауков, поднявшихся на расставленных ногах. Я не знаю другого кустарника с такими искривленными сучьями. Будто в каждое мгновение жизни этого растения его ствол и ветви скручивает неумолимая сила, свивая спирали волокон в ивтели, завязывая их в причудливые узлы.

Песок походил на ледяную глыбу, даже на солнечной стороне. Из рта вырывался пар. Склон дюны был весь продырявлен выходами из тоннелей, проложенных жуками-навозниками, скорее всего, еще минувшей осенью. Юрты сверкали в солнечном свете, тихо покоились, окруженные следами ног на песке. Я понял, что Гурван-Тэс вряд ли можно назвать поселком. Люди жили здесь только внутри войлочных конусов, прячась в них от всего, что было снаружи. Из окружавшей среды они не смогли ничего освоить, ничего приспособить для своих нужд. Из дня в день ветер взрывал песок, рыли норки жуки. Здесь можно было выжить только в искусственном укрытии, в круге диаметром три метра. С внешней стороны круга лежал мир насекомых, пресмыкающихся, четвероногих млекопитающих, но не людей.

Я прибыл сюда издалека, из мест, где не увидишь голой земли, и я понял, что мне нет нужды мечтать о космическом путешествии. Я совершал его именно сейчас. Я видел юрты-термокамеры неприспособленных к внешним условиям пришельцев. Сам я оказался в чужой среде без должной защиты — и вот уже лицо мое стало багровым, руки застыли, как грабли. Состав атмосферы тоже был непривычный. Сухой воздух, лишенный влаги, обезвоживал организм, язык обложило еще со вчерашнего дня, на губах образовались трещины, глубокие, как раны. А разве не было на мне скафандра? Был, причем многослойный: сверху ткань из синтетического темного волокна, чтобы усилить поглощение теплых лучей солнца. Внутри — обогреваемая теплом тела смесь азота и кислорода, воздушная подушка, заключенная в слой пластиковой ваты.

В девять приехал Самбу. Мы закатили бочки с бензином в небольшой склад жидкого топлива местной артели, вернее — под склад, так как он представлял собой

дощатый домик на сваях. Квадрат тени под крышей защищал бочки от жары. Самбу и водитель отправились в юрту Будэ поговорить, отдохнуть, попить чаю. Мы с Эдеком выехали немедленно. Я хотел к вечеру добраться до Далан-Дзадгада, областного центра южно-гобийского аймака.

По мере того как нагревалась земля, сильнее дул ветер. Мы двигались вместе с пыльной мглой, задыхаясь от песка, обсыпанные белым порошком, как сахарной пудрой. Он наполнял кабину, сыпался сверху в волосы, глаза, покрывая циферблаты часов, порошил непрерывно, кучками собираясь на сиденьях.

Нам пришлось отказаться от дороги через долину и перескочить горы вчерашним путем, минуя Сэврэй. Видимость восстановилась. Внизу — «ведьмин котел». Время от времени из него вырастали столбы пыли, взбираясь по склонам вверх.

Один такой столб, красный, как пламя, лениво вращающийся цилиндр диаметром с резервуар газохранилища, перерезал нам путь. Мы смотрели, как в этой кружащейся стене взметаются ветви и клубни каких-то растений и темные клочья, похожие на шкуры животных или куски войлока.

Вечером мы пересекли Гурван-Сайхан через ущелье, спустившись затем к Булгану в ту неповторимую пору дня, когда тени длинные, а рисунок степного пейзажа резок и четок, когда бледнеющий свет солнца, на этот раз желтый после пыльных бурь, уже не ослепляет, а рассеивается.

Золотые и зеленоватые травы бархатом покрывали равнину. На сиденьях машины мы чувствовали себя словно в зрительном зале, а перед нами на экране шел фильм о степи. Действия, собственно, не было, только непрерывная смена красок в беспредельном пространстве. Время от времени пробежала лиса или срывалось с места стадо джейранов.

Это был мягкий и дружелюбный пейзаж, но я помнил, что мы способны восторгаться движущимися дюнами, готовыми засыпать нам рты песком. Эту склонность воспринимать пейзаж в соответствии с понятиями, почерпнутыми из произведений искусства, я считаю доказательством того, как сильно мы ограничили непосредственное влияние природы на наши чувства.

Ночевали в степи, а утром в Булгане пополнили запасы воды. Из-под осыпавшихся глыб скального конгломерата выбивался ручей. Наклонившись над ним с канистрами в руках, я увидел змею. Мертвая, вымоченная, она лежала на дне, колыхаясь под напором воды. У берега висела вторая, вся в пыли, с разможенной головой. Я поставил посудины и стал обходить осыпь камней, испещренных монгольскими и китайскими надписями. Теперь я заметил их повсюду — змей цвета песка с темными пятнышками; полусонные, пронизанные холодом, еще не прогретые солнцем, они ползали среди камней и по тропинке, протоптанной людьми, приходящими за водой. Взрослые особи достигали метра в длину, молодые были коротенькие и тоненькие, как ресмочки. На берегу, под слоем сухой травы, лежали ледяные глыбы. В самом конце узкой щели что-то шевелилось. Я просунул туда голову и увидел клубок сплетенных змей, который извивался и перекатывался, пульсируя, словно куча кишок; змеи терлись одна о другую, согреваясь. Одни, втянутые клубком, исчезали внутри, другие выползали из его недр, чтобы с поверхности снова проникнуть в глубь этого шевелящегося шара.

Меня удивило такое множество змей. Должно быть, они приползли сюда на зимовку из весьма удаленных мест. В поисках пищи взрослая змея обследует большую территорию, на которой она пожирает ящериц и мелких грызунов. Даже если предположить, что корма много и грызунов в колониях тучи, то все равно столько змей могло собраться здесь с округи радиусом не менее одного или двух километров. Скопление это наверняка было неслучайным. Если бы змеи, обитающие в открытой степи, наобум искали укрытия от морозов, лишь немногие из них смогли бы наткнуться на эту небольшую группу скал диаметром в тридцать метров. А здесь их были сотни! Они хорошо знали место и возвращались сюда каждую зиму, поскольку, лишь сбившись в клубок, имели шанс пережить морозы.

Как и все пресмыкающиеся, змеи не обладают системой регуляции температуры тела. Она изменяется в зависимости от изменений температуры внешней среды. В теплый день их тело согревается, они подвижны, активны, а в холодный — двигаются с трудом, на морозе

замёрзают. При сильной жаре животное, достигнув определенного уровня возбуждения, — если не успеет скрыться в тени — тоже погибает. Этот недостаток, по сравнению с теплокровными млекопитающими, является мощным фактором, определяющим образ жизни современных нам пресмыкающихся: змей, ящериц, черепах, крокодилов. Возможно, что когда-то он предопределил способ существования динозавров.

Подобные рассуждения можно найти во многих трудах о динозаврах. Просто удивительно, как мало мы знаем об этой группе животных. В обычном понимании динозавры — это пыльные музейные экспонаты, о которых давным-давно все известно и которых ученые описали с головы до кончика хвоста, не оставив и крохотного поля для дальнейших поисков и исследований.

В действительности дело обстоит совершенно иначе, и это стало ясно в последние годы, когда появились новые методы исследований. Оказалось, что мы почти ничего не знаем о таких необычных существах, как динозавры. Многие роды и виды были описаны на основании лишь одной или двух костей, иногда — одного зуба; скелетов сохранилось очень мало, да и те, что имеются, обычно неполные. Сведения, опирающиеся на такой фундамент, зачастую спорны, выводы нередко безосновательны. Хотя и существует весьма богатая научная литература о динозаврах, наиболее интересные, глубокие и многообещающие работы еще впереди. Поистине обширное поле для изысканий, открытий и оригинального творческого мышления.

Поколебались, казалось бы, четкие представления об их образе жизни, в особенности о том, были ли они земноводными, как приписывалось их многочисленным видам. Действительно ли они были так неповоротливы, как мы себе можем вообразить сейчас, разглядывая их реконструкции? Наконец, пресмыкающиеся ли это? Стали перетрясать их родословное древо, переставлять его ответвления. Более того, гигантов стали рассматривать под микроскопом, исследуя структуру костей, как здоровых, так и несомненно больных. Уверенность в том, что у них, как у пресмыкающихся, не было постоянной температуры тела, сейчас поколеблена. Обратившись к их общественной жизни, пришли к выводу, что, возмож-

но, она не была столь примитивной, как представлялось до сих пор.

Именно к этому периоду интенсивного изучения динозавров и относятся польско-монгольские экспедиции в Гоби. Мы были уверены, что все, найденное нами здесь, станет не только экспонатами в витринах музеев, но и материалом для живых исследований и поразительных открытий.

Мы въехали в Далан-Дзадгад по горбтому мостику над сухим руслом реки. Я никогда не видел здесь воды, хотя следы от колес проходили только по берегам. В голой степи стояло два ряда домов, некоторые с палисадниками, а между ними парк-сквер, огороженный заборчиком; деревья еще без намека на зелень торчали из сухого щебня. Это было больше похоже на поселок дикого Запада, чем центрального Востока. За домами с одной стороны находились стадион, гостиница и аэродром, с другой — баня, больница, ремесленные мастерские, новая школа и жилой квартал. Сделав круг среди редко разбросанных построек, мы остановились перед воротами автобазы. Я знал, что здесь есть двенадцатитонные грузовики. Одна такая машина размером почти с железнодорожный вагон могла бы одним махом перевезти из столицы в Гурван-Тэс все остальное наше снаряжение.

На площади суетились люди в дэли, набитых за пазухой трубками, табакерками, табаком, документами. Чины сидели на корточках у ворот с узелками, ожидая okazji. Были здесь и служащие, шагавшие с портфелями в руках и с авторучками, закрепленными, по обычаю этой страны, либо на воротнике, либо за полу дэли. Думаю, что со временем они научатся пришивать к этой традиционной одежде кармашек для ручки, если, конечно, дэли не будет вытеснено европейским платьем. В доме я увидел стаканы с чаем, расставленные на газетах. Монгол никогда не обрабатывал землю и, наверняка, редко уставал до беспамьтства. Часто сидел в седле, в юрте; больше смотрел, говорил, думал, чем напрягал мышцы. Поэтому родился их национальный вид спорта — борьба, дающая выход избытку неиспользованной силы.

Каждый второй мужчина воспитывался в монастыре и должен был уметь писать. Остальные развивали устную традицию. В этой пустынной стране всегда высматривали человека в степи, чтобы расспросить его, поговорить с ним.

Все это создало культуру продолжительной беседы, культуру чаепития, обмена новостями, внимательного слушания, размышлений, неспешных рассуждений, так как торопиться было некуда, а также культуру богослужений, продолжавшихся целыми днями в храме, где монахи, сидя за длинными пюпитрами, хором возносили молитвы богу, попивая кумыс, подкрепляясь рисом, выходя покурить на монастырский двор.

Когда двадцатый век принес службу в учреждениях, они тотчас надели нарукавники и расположились за столами. Вместо буддийских четок стали носить портфели, с монашеской ловкостью листать циркуляры. Страна получила готовых чиновников.

Я нашел дверь с табличкой «дарга». Начальника не было. В просторных, жарко натопленных помещениях стояло лишь несколько толстоногих столов и стульев. В стенных газетах были представлены графики выполнения плана и фотографии лучших водителей. Я вошел в кабинет заместителя начальника. За столом сидела пожилая женщина, седая, в стеганом дэли, с серьгами в ушах и в газовой косынке. Лицо в морщинах, губы накрашены. Она держала на плече телефонную трубку, что-то писала и громко отчитывала кого-то, изредка прерываясь, чтобы с шумом втянуть накопившуюся слюну.

Вокруг нее, навалившись животами на стол, водители ждали нарядов. Они оглянулись, когда я вошел, и дружески расступились немного, уступая мне место у стола. Я не решился лечь и только оперся руками. Лица водителей темные, на головах береты. Некоторые в фуфайках, надетых прямо на дэли. На окне сбоку присела девушка-шофер, крутя на пальце ключи от своего грузовика. На ней было новое бархатное дэли лазурного цвета с оранжевым поясом. Руки девушки узкие, гладкие, пальцы удлиненные, словно точеные, на щеках ямочки, глаза миндалевидные, кожа молочной белизны. Никто не обращал на нее никакого внимания.

Когда заместитель закончила разговор, я попытался

объяснить, зачем пришел. Продолжая писать, она молча указала пальцем на одного из водителей. Я обратился к нему, полагая, что он будет переводить, но шофер сказал, что поедет со мной, и, повернувшись к столу, вынул из-под рук женщины наряд. «Польшмонголын экспедиц» — стояло на документе. «Когда?» — только и спросил он. Я договорился с ним на утро двенадцатого во дворе Академии наук и нарисовал план нескольких столичных улиц, чтобы ему легче было найти. Я хотел узнать еще стоимость перевозки, поэтому мы пошли к бухгалтеру. Он сидел в пустом помещении за столом и играл на счетах. Счеты были китайской работы из благородного дерева. Бухгалтер перебирал точеные косточки, как струны — всеми пальцами левой руки. Косточки издавали сухой, чистый звук, похожий на стук кастаньет. Потом другой руки он водил по цифрам в книге, напевая прибавляемые суммы сильным глубоким голосом.

Водитель смотрел на него с уважением, я — с изумлением, вслушиваясь в эту необычную музыку, — ведь подобное мастерство монгольских счетных работников исчезает. Напев взмечтается и падает, косточки летают туда и обратно, извлекая своеобразные звуки из прутьев и от ударов одной о другую. К этим звукам присоединяется плавная мелодия напеваемых цифр — все в ритме песни — такое необычное и такое понятное.

И снова в путь, до самого вечера. Взгляд упирается в безмерную даль пространства. Машина перекатывается через бесконечно длинные песчаные волны, запорошенные светом солнца. Чтобы графически изобразить здешний пейзаж, надо остро отточенным карандашом провести на бумаге две-три слегка волнистые пересекающиеся линии, время от времени резко обрывая их, как на самописце сейсмографа, и сделать зигзаг, что будет означать горы. Цвет бледно-зеленоватый на основе настельно-белого. Но в действительности под ногами зелени еще нет. Травинки растут слишком редко и не скрывают землю. Изредка где-нибудь в выемке мелькнут два ярких пятнышка — войлочные юрты.

Незадолго до захода солнца далеко впереди блеснул разлив Толы. Мы въехали под навес грязного дыма, который висел в узкой долине Улаан-Баатар-Хот над древним Их-Хурээ (Великий монастырь).

Я долго вел камерой за приземляющимся самолетом, который подкатил к зданию аэровокзала. Затихли моторы, неподвижно замерли трехлопастные пропеллеры. Открыли дверцы заграждения, и встречающих впустили на летное поле. Кто мог, укрывался под крылом самолета, в тени, но мгновенно убеждался, что бетон под ногами печет сильнее, чем солнце над головой. Пахло бензином и раскаленной резиной выдавших виды покрышек. Подкатили трап, наверх поднялась медсестра в белом фартуке, чтобы проверить, нет ли инфекционных больных. Вслед за ней в самолет вошли представители пограничной службы — собрать паспорта. Так прошла еще четверть часа, прежде чем пассажирам разрешили высадку.

Я стоял с Барсболдом, сыном профессора Ринчена, и Дашзэвэгом. Оба палеонтологи. По трапу спускались венгры и болгары, приехавшие на работу, несколько поляков, много русских и многочисленные жены с детьми, прибывшие из этих стран к работающим здесь отцам семейств.

Зофья и Тереса вышли из душного нутра самолета свежие, моложавые и отдохнувшие, как будто не было позади южного перелета. Оживленные, они всем существом впитывали это мгновение очередной встречи со страной, ее резкий воздух и ослепительное солнце, тишину над холмами. Чувствовалось, что они полны нетерпения поскорее оказаться в пустыне. Возможно, никто в этой толпе, кроме них, так сильно не ощущал, что приехал сюда по собственному желанию и ради великой цели. Тереса лелеяла надежду найти наконец скелет панцирного динозавра: ведь мы уже столько лет охотились за этим ящером-танком, но до сих пор находили лишь отдельные кости — слишком мало для исчерпывающего описания древнего животного.

Энергичная Зофья рвалась немедленно начать переговоры с монгольской Академией о составлении программы нашей общей экспедиции. Она хотела расширить территорию изысканий, чтобы пополнить коллекцию древнейших млекопитающих мела. Зофья полагала, что в результате исследования строения челюсти, зубов и костных частей уха ей удастся на дополнительном мате-

ршале подготовить свою новую, отличную от общепринятой концепцию о пути отделения млекопитающих от земноводных двести миллионов лет назад.

Мы въехали в город по мосту через Толу, глядя на пластины ледяного панциря реки, сгрудившиеся вдоль берегов, а потом — на крыши храмов цвета медной зелени. Я ощутил, сколь тесная связь возникла у нас с этой страной, которая нравилась нам все больше и больше. Каждое возвращение в этот край сопровождалось легким налетом сентиментальности. Монголия заполнила несколько месяцев нашей жизни, и, быть может, нигде больше, ни в одно мгновение и ни в одной точке земли мы не ощущали с такой силой значимости нашего дела. Очувшись на этой первой линии познания, там, где кончались книжные сведения и начиналось Неведомое, совершали открытия, равные, казалось, сотворению мира. Мы извлекали на свет то, чего минутой раньше не было и в помине, делая это совсем простым, первобытным способом, возрождающим веру в ценность обыкновенного физического труда. Достаточно одного взгляда и небольшого мускульного усилия — и из обломка скалы возникает скелет, и с этого момента обретает существование новый вид животных. В нашей тоске по стране динозавров крылось очарование древнейшей мечты о Земле Обетованной, куда достаточно было прибыть, чтобы собирать плоды без усилий, борьбы и поражений.

Четырнадцатого мая в аэропорту мы встретили остальных членов польской экспедиции: Анджея Сулимского (Анджей), Анджея Эльжановского (Ендрек), Анджея Балиньского (Балик), Марысю Зембиньскую-Твожидло, Войтека Скаржиньского и врача Янека Бияка. Двое из них — Анджей и Войтек — ветераны наших экспедиций в Гоби, остальные в этой стране впервые. Оставив чемоданы в гостинице, мы отвезли всех во двор палеонтологической лаборатории, где находилось снаряжение, привезенное из Польши по железной дороге. Из Далан-Дзадгада как раз прибыл двенадцатитонный «МАЗ», и водитель просил как можно быстрее произвести погрузку. Огромный прицеп вместил в себя доски, бочки с гипсом и ящики с провиантом.

Зофья и Тереса с утра вели переговоры в Академии. После встречи с президентом Ширэндыбом и палеонтологом Барсболдом было решено, что с нами на раскоп-

ки поедут Пэрлэ, молодой палеонтолог, Самбу, лаборант и Сайнбилинг, водитель двухсполовинойтонного грузовика. Мы решили выехать на следующий день. Пообедав задолго до сумерек, я отправился в Гандап, район, расположенный высоко над горами, где находится действующий ламаистский монастырь, в котором совершают обряды те немногие из лам, что еще остались в стране от многочисленного некогда клана.

Монастырь состоит из двух храмов типа пагод, построенных в стиле, уже далеком от непальского образца, и еще нескольких построек. Все огорожено каменной стеной. Дорога в монастырь лежит через кварталы современных блочных домов и упирается прямо в изукрашенные ворота, которые как бы впускают путника в другой мир, и он оказывается среди святилищ цвета шафрана, или пыльцы гриба-дождевика, или смеси фиолетового с арбузно-пурпурным. На площадке перед святилищем стоят на львиных лапах чугунные и медные котлы, покрытые патиной, наполненные пеплом от древесного угля. В угольный жар бросают благовония — сушеную хвою арца, алтайского можжевельника, обладающего сладковатым запахом, и дары богам. Один из котлов покрыт островерхой крышкой и представляет собой шестигранник высотой больше человеческого роста. Все его стенки снабжены отверстиями для рук, через которые кладут приношения — прямо в клубящийся голубой дым.

Один из храмов покрыт крышей из золоченой жести, крыша другого — из зеленой черепицы. Я отыскал позади монастыря место, с которого на фоне далекой горы Богдо-Ула, поросшей лиственничным лесом, были видны только стены и крыши святилища. Город исчез. Мне никогда еще не приходилось видеть ни одного произведения архитектурного искусства, которое бы так полно сливалось с окружающим пейзажем, с небом и лесом. Весь ансамбль был, так же как и деревья, и травы, и камни на склонах, насыщен красками, либо сочными, либо приглушенными, переливающимися, переходящими одна в другую, сложен из множества мелких деталей, пятен тени и света. Все эти детали: балки, навесы с поднятыми кверху углами, башенки, подобные остроконечным верхушкам елей, пасти водосточных труб, скульптуры на контрфорсах — щупальцами протягивались в

разные стороны, вращая в пейзаж, органически связывая создание человеческих рук с природой.

Минуту спустя я ушел вниз с холма Гандан, рассматривая многоэтажки, светлые, простые, веселые, — достижение эпохи и в то же время свидетельство слепоты, которое мы выдаем сами себе; глыбы, врубленные в пейзаж, линии, не свойственные окружающей среде, мертвые плиты, лишенные красок, бледные, словно выродившиеся, пораженные альбинизмом, настолько чуждые здешнему ландшафту, что кажутся дырами, вырванными в пространстве.

Еще полвека назад здесь все было частью природы: войлочные юрты, немного домов из лиственничных бревен, крыши храмов и дворцов из майолики, одежды людей — сочные, яркие, поселок, приютившийся у подножия гор. По улицам проходили караваны верблюдов, скрипели двухколесные телеги, галопом проносились всадники.

Наибольшую симпатию у нас вызывают дома уютные, дающие ощущение тепла, удобства, покоя, сделанные из досок, бревен, устланные шкурами, коврами, полные цветов, с огнем в камине.

Новые строения по материалу, форме и окраске чужды человеку, не соответствуют нашему прошлому опыту и окружающей природе, будят в нас неосознанное беспокойство. Мы боимся этих жилищ, как боятся животные, изгнанные из леса, попавшие в незнакомую среду, и стараемся внушить себе, что новые дома ничем не угрожают и нам хорошо в них. Тем не менее они вызывают у нас чувство опасения. Поэтому, чтобы защититься, мы покрываем голые искусственные стены и пол тканями и коврами. Иначе переход с блестящей поверхности пола на пушистый ковер не давал бы такого чувства облегчения. А ведь дает!

Ночью выпал густой снег, запорошил окна гостиницы. Утром мы выколупывали из сугробов ящики, чтобы погрузить их в «стар». Дело несколько затянулось, было холодно, резкий ветер не воодушевлял на путешествие в открытой машине. Мы решили провести еще одну ночь в городе и выехать рано утром, чтобы за один переход достичь Эрдэнэ-Далая.

Выдалось немного свободного времени, и я еще раз отправился в Гандан, сопровождая несколько коллег,

чтобы показать им, как ведется еженедельное богослужение. По сравнению со вчерашним днем все здесь изменилось. Монастырь был похож на отражение в заиндевевшем зеркале. Белые, в голубых тенях, обрамленные ледяным кружевом крыши казались хрупкими. Нежные краски едва пробивались сквозь кристаллы изморози. Постройки превратились в снежные пирожные, а за ними, вдали, белел лиственный лес.

К началу богослужения стали сходиться ламы, большинство из них были стариками. В пурпурных одеждах, с бритыми головами, бодрые, добродушные, они вытирали носы пальцами, прятали руки в рукава, шаркали тяжелыми башмаками с задранными носами; многие сутулились: их согнул спондилез — болезнь, распространенная среди этого народа, питающегося преимущественно мясом. Пришедшие жили не в монастыре, а в окрестностях, в юртах, и, видно, не каждый день встречались, потому что приветствовали друг друга, подавая обе руки, после чего рылись за пазухой, доставая табакерки и угощая друг друга табаком.

Когда ламы разместились в храме, мы вошли вместе с толпой людей, в основном пожилых. В глубоком полумраке я пошел вдоль стены, осматривая помещение. Квадратный неф посередине храма был обозначен колоннами. С перекрытия свисали буддийские хоругви с изображением богов, иногда по несколько сот на каждой, и куски материи, вырезанной в форме кож, снятых со слонов и людей. На балках аркады были изображены выпученные глаза, истекающие кровью сердца и другие органы.

В темных боковых нефях я проходил мимо застекленных шкафов, от которых исходило золотое сияние. Когда глаза привыкли к темноте, можно было различить за стеклами божков с толстыми животами и большой грудью. Они заполняли все полки, сидели, как куры на насестах переполненного курятника, рядом с многорукими индийскими богинями с их вызывающими улыбками и широко расставленными коленями. Я оказался перед алтарем. У центральной стены жирно поблескивала металлом статуя Будды, глубоко в складках его тела скопились пыль и копоть от лампад. Что-то бормоча под нос, монголы ставили перед ним мисочки с рисом и коробочки спичек. Благоухал арц, зажженный в металличе-

ских чашах. Рядом со статуей, в застекленной витрине, бог войны с лицом свирепого демона стоя совокуплялся с обнаженной богиней, которая охватила голой ногой его поясницу.

Начались песнопения, и я стал смотреть на лам из толпы, образуемой колоннадой. Они сидели двумя рядами, лицом друг к другу, по обе стороны нефа. Ближе всего к алтарю старший лама — в кресле, похожем на богатую шкатулку, остальные, скрестив ноги, — на низких скамьях, перед пюпитрами, на которых были разложены книги с молитвами и флейты из берцовых костей, оправленных в серебро. Старший начинал, остальные подхватывали, что-то бормоча. Младший лама внес чайник с дымящимся чаем с молоком и, двигаясь по центру нефа, наполнял мисочки. Многие тут же начали прихлебывать, не прерывая бормотания. Вдруг, по знаку, данному старшим, они ударили в медные тарелки, рассыпались серебристые звуки, заиграли флейты, извлекая костяные тоны. Глухо, как гроза, зазвучал барабан из крашеной кожи и взревели две четырехметровые бурэ, установленные на маленьких деревянных козлах. Потом ламы опять стали монотонно бубнить молитвы,водя по сторонам глазами.

Я не заметил глубокой сосредоточенности на их лицах. Ламы наблюдали за зрителями и верующими — несколькими пожилыми мужчинами, а возможно, и женщинами, что трудно установить, поскольку женщины под старость бреют головы, одеваются так же, как мужчины. Вознесение молитв значительно больше походило на однообразную работу, чем на отправление духовного акта. Под этим углом зрения я увидел в них людей, выполняющих служебные обязанности. Напрашивался вопрос: что заставляет их оставаться верными своей профессии? Вероятно, им крупно повезло в жизни, и они хорошо понимают это. Ламы отличались от других глубоким внутренним покоем, достоинством, даже торжественностью, что, несомненно, имело под собой глубокую психологическую основу. Большую роль здесь наверняка играла принадлежность к клану, поскольку монашеский орден — не что иное, как клан, группа, партия, ложа, дающая своим членам опору, чувство, что они не одиноки в противопоставлении остальному миру, что каждый из них стоит перед этим миром как представи-

тель этого клана, и поэтому для них не существует крайней опасности. Братство не допустит гибели брата.

Они полны чувства собственного достоинства, ибо они — духовники, постоянно несущие на себе символы превосходства. Пурпурной одеждой-сигналом ламы демонстрируют толпе цену своего «я». Эти милостивые посредники между просящими и Великим Знаком Вопросы могут не принять жертву, не позволить принести ее, не впустить в храм, отгородить от бога. К ним приходят верующие просить о спасении, а кто из монахов откажется от этого, а также от мнения, служащего им поддержкой, что выиграли уже при жизни и что они из тех немногих, которым повезло; самим облачением в соответствующие одежды ламы обеспечили себе место над толпой. Нет способа надежнее. Быть может, именно поэтому в храмах весьма часто раздаются призывы к смирению.

Потемнело рано, низко нависли тучи, луны не было видно. Мы собрались в гостинице. Зофья после целого дня официальных встреч и переговоров, работы над документами — соглашением о разделе коллекций между двумя странами и о территории раскопок — нашла в себе силы пригласить участников экспедиции в свой номер на именины.

1

Утром шестнадцатого мая мы выехали на двух машинах, миновали мост над Толой, обогнули аэродром и двинулись дальше через холмы, присыпанные снегом. Впереди легкий вездеход «мусцель», за ним тяжелый грузовик «стар» с большей частью членов экспедиции. В этот же день из Улан-Батора тронулся с основным грузом МАЗ, на котором роль штурмана играл Самбу. На следующей неделе к нам должен был присоединиться Пэрлэ, все еще находившийся в Москве, на стажировке.

Сразу за горами Зоргол-Хаирхан на обширной плоской равнине я заметил темный предмет и направился к нему, перескакивая с одной колеи на другую, беря направо на многочисленных разъездах. Время от времени «мусцель» сотрясался, подбрасываемый гребенкой из гравия. Ехать по степи без дороги было опасно: машина могла застрять в невидимой яме, в одной из больших нор тарбаганов, скрытых травой. Сначала казалось, что самые лучшие колеи — это давно заброшенные, полузаросшие. Однако на них все равно сохранились не тронутые временем неровности. От тряски звенели стекла в рамах, грохотали колеса, выскакивали винты, коробка передач дергалась, как безумная, а руль колотил по пальцам, вырываясь из рук.

Подъехав ближе, мы увидели машину, стоявшую посередине дороги, груженную ржавым железом. За ней другую, тоже грузовую, врезавшуюся в первую радиатором. Я нажал на тормоза. В траве лежал человек. Мы подбежали. Голова была накрыта курткой, лица не видно. Я взял его за руку — он подскочил как на пружине и уставился на нас заспанными глазами. Из-под машины выползли еще двое. Все были живы-здоровы. Я взглянул на разбитую кабину, придавленную металлоломом.

— Что с водителем?

— Я! — показал на себя пальцем заспанный. Потянулся, зевнул. — Я так... — объяснял он дальше, сделав жест ныряльщика. — Ночью, с машины... Я спал на сиденье и поднял голову. Увидел огни, совсем рядом. И тогда сразу вот так... — снова сложил руки, как бы ныряя в воду. — На землю! И ничего со мной не случилось.

— А с другим?

— Тоже ничего. Немного разбил голову. Утром приехала машина, забрала его в Улан-Батор. А эти двое, — он показал на своих товарищей, — лежали наверху, на железе, спали. Проснулись на траве. Тот ехал, я стоял на дороге. Если бы оба ехали, то... — он провел ладонью по шее и взглянул искоса на груз из железных брусьев.

— Вам не нужна помощь?

— Ждем, — пожал он плечами, — за нами приедут с базы, сегодня или завтра...

Монгольский водитель — человек дальних дорог. В этой стране, которая впятеро больше Польши, две железные дороги, и все перевозки осуществляются автотранспортом. Он заменил караваны верблюдов и лошадей. Монгол родится с потребностью передвигаться, кочевье по степи — привычный для него образ жизни. Поэтому, когда он пересел с лошади на машину, ничего, по существу, не изменилось. Страна проходит перед его глазами, и он продолжает оставаться владыкой ее просторов. Профессия шофера здесь относится к наиболее ценным. Основа для этой современной специальности создавалась столетиями. Так же как способность монголов к чиновничьей службе.

Сменив коня на машину, монгол перенес на нее те же чувства, какие испытывал к скакуну. Только благодаря этому чувству водители грузовиков насквозь изучили свои машины и удерживают их на ходу, иногда, кажется, магической силой.

Хорлоо родился для этой профессии. В 1963 году он участвовал в наших разведочных поездках по стране. Его автомобиль — это куча металла, проволоки и веревочек. Когда он выскакивал из машины, она лишалась очень важной детали, и ни одна душа не могла привести ее в движение. Хорлоо, казалось, был вмонтирован в свою машину. Он вдавливался в углубление между

пружинами, руки и ноги вращались в провода, рычаги, шланги; и вот организм, которому вернули сердце, начал действовать, двигался с места. Наш новый «стар» в руках Валькновского не всегда мог догнать его в пустыне. Помню, как однажды под вечер Хорлоо мчался по бескрайней степи к горизонту. Машина кренилась, как яхта, идущая под углом к волне, вздувшийся серый брезент был похож на шарообразный парус. Огромное небо пылало огнем, из далекого облака свисала борода дождя. Мы все больше отставали, скрежеща зубами. Валькновский пытался прибавить скорость, но нас сдерживали выбоины, прикрытые травой норы, в которые западали колеса, и сухие русла потоков. Для Хорлоо не было преград, все уменьшающееся пятнышко его машины пульсировало: то увеличиваясь, как бы надуваясь ветром, подобно воздушному шару, то уменьшалось, съеживаясь, как пустой гриб-дождевик.

Я много говорю о поездках по степи. Но разве можно этому удивляться? В стране кочевников, одной из наименее заселенных на земном шаре, передвижения — это естественный образ жизни. Они до сих пор занимают у монголов столько же времени в сутки, сколько у польского крестьянина работа в поле. Они не прекращаются и зимой, когда постоянно надо искать новые пастбища, не слишком засыпанные снегом. Монгольская женщина, даже если у нее нет лошади, преодолевает многие километры пешком, с корзиной на спине, забрасывая в нее вилами на длинной палке лепешки сухого навоза — аргала — главного вида топлива.

2

На второй день езды мы прибыли в Баин-Дзак у подножия гор Гурван-Сайхан. «Баин», «баян» — «обильный», «богатый», «дзак» — «саксаул», то есть «богатый саксаулом». Степь здесь резко обрывается и выступает гребнями над равниной, лежащей на пятьдесят метров ниже. Откосы красного цвета вечерами пылают огнем. На темных целиках чернеют, как термитники, гнезда хищных птиц.

Мы разбили несколько палаток, приготовили обед на воде из бочки. Ели в тени ржавого цвета, истомленные жарой. Держа полную тарелку, я чувствовал, как у меня

тряслись руки, будто я все еще удерживал баранку, вырывающуюся на выбоинах.

Я смотрел на самое знаменитое в мире скелетоносное поле останков млекопитающих. Открытое в двадцатые годы американцами, оно предоставило нашим экспедициям все богатство хранившихся здесь сто миллионов лет скелетов примитивных млекопитающих мелового периода, населявших эту территорию наряду с динозаврами. Баин-Дзак для мировой палеонтологии то же, что просторы Аляски для золотоискателей.

Кремневые россыпи, разрушенные останцы, сваленные столбы, шаткие пальцы. Я подумал, что наверняка нет в мире другого уголка земли, который я знал бы так детально, как этот. Бесчисленное количество раз исходили мы его вдоль и поперек на четвереньках, разглядывая каждый камень. Пять сезонов поисков дали сорок мелких, как орехи, черепов древних млекопитающих.

В 1968 году Зофья нашла в Баин-Дзаке пластину красноватой скалы с белыми пятнышками кости. Я очищал ее под микроскопом стальной иглой, убирая зерна песка и обнажая кости черепа, тонкие, как чешуйка, их зигзагообразные швы, зубы, поблескивающие эмалью, острые, выщербленные, сточенные растительной пищей. Потом возникли пять пальцев, их скульптурно изящные суставы, коготки, стопа, подвернувшаяся в предсмертной судороге сто миллионов лет назад.

Под микроскопом застрявший в камне скелет выглядел так, словно был засыпан каменным обвалом, а я производил спасательные работы, отваливая толстым железным прутком слипшиеся камни. Крупные кварцы, откатившись в сторону, вслед за пальцами открыли плюсны, две кости голени, коленный сустав. Время от времени кто-то отстранял мою голову, чтобы заглянуть в окуляры прибора — глазок в могильный склеп древнейшего млекопитающего. Наконец — бедренная кость, таз, часть позвоночника. Под тазом две таинственные косточки.

Из сообщения Зофьи, опубликованного в журнале «Nature», следовало, что у вымерших млекопитающих — многобугорчатых — впервые открыты сумчатые кости. Из всех современных млекопитающих такие кости наблюдаются только у клоачных и сумчатых. Это открытие, так же как и некоторые другие данные, указывало на

то, что сумчатые кости наверняка были характерны для всех линий примитивных млекопитающих и у части их исчезли лишь в процессе дальнейшего развития этой группы. Строение конечностей свидетельствовало о том, что млекопитающие данного периода уже утратили одну из наследственных черт, полученных от предков, рептилий: постановку конечностей в стороны от туловища. Они были направлены не горизонтально, а перпендикулярно вниз, что обеспечивало животным способность быстро передвигаться во время охоты или бегства. Строение стопы обнаруживало сходство с уменьшенной стопой современного зайца.

Так был выделен еще один древний этап формирования скелета современных млекопитающих.

В связи с этим мне пришла в голову аналогия с другим открытием: гробницы Тутанхамона. Я пытался сравнить важность обоих открытий для нас, людей, вида плацентарных млекопитающих, пытающихся овладеть природой, которая создала их, и достичь вечного существования во вселенной, а может быть, и за ее пределами. С этой точки зрения обнаружение нескольких сот кусков золотого металла ничего не значит. В египетских находках нас поразила блеск золота, мысль о том, чем оно было для его владельца, волновала.

Открытие в Баин-Дзаке прошло почти незаметно, без отклика за пределами узкого круга ученых. Но если оно хотя бы на волос приблизило нас к сверхцели — вечному существованию, то что по сравнению с ним побрякушки фараона! Это, разумеется, упрощенный взгляд, но не слишком ли часто мы считаем возникновение жизни, развитие и исчезновение родов животных за нечто само собой разумеющееся, а доказательства выдающихся способностей людей древности за исключительное явление? Насколько больше усилий мы годами вкладываем в изучение самих себя как творцов культуры, чем в изучение человека как части биологической системы!

Сонм историков, археологов, историков искусства и материальной культуры, исследователей письменности и языка и против них — горстка биологов, занятых Человеком. Конечно, эти первые сумели сильнее увлечь нас, навязать свои представления, видение, сформировать сознание — ведь предметом их работы была материя, близкая нашему жизненному опыту. Однако дело еще и

в том, что естественные науки в течение многих веков так мало могли объяснить, что интерес к ним утратился. Знаменитые ученые своего времени вполне серьезно считали, что окаменелые кости слонов или медведей — это останки гомеровских циклопов или Аяксов, что черви рождаются из пыли, а мухи — из протухшего мяса. В сравнении с этим объяснение, что золотой браслет из гробницы владыки Египта служил браслетом, звучит намного убедительнее!

Вероятно, есть и другая причина этого одностороннего интереса. В историческом прошлом человека мы находим множество легенд, мифов о борьбе, победах, поражениях, о судьбе. Мы проводим аналогии, сравниваем себя и свои действия со всем этим, переживаем и умиляемся, можем охватить разумом. Это — мы сами. А собой мы способны заниматься бесконечно.

Одна из ключевых загадок, разрешение которых необходимо для понимания эволюции млекопитающих, — это путь их развития. Мы стремимся установить, в одном ли месте и времени совершилось превращение рептилий, не обладающих постоянной температурой тела, в более высоко организованных млекопитающих с системой терморегуляции, или это превращение происходило как «усовершенствование» многими параллельными путями в различных регионах тогдашнего мира. Иначе говоря: имеет ли родовое древо млекопитающих только один корень, вырастающий из класса рептилий, или их много, и они не связаны друг с другом?

В 1959 году разгорелась бурная дискуссия на эту тему. Американец Дж. Дж. Симпсон придерживался мнения, что млекопитающие выделились из рептилий несколькими, возможно девятью, линиями, но это было трудно проверить из-за отсутствия необходимых материалов для исследования. Находки древнейших млекопитающих необыкновенно редки. А поскольку эти животные величиной были не больше современной мыши или крысы, их останки трудно отыскать в осадочных породах. К тому же они зачастую сильно повреждены. Таким образом, большинство имеющихся в распоряжении ученых образцов представлены отдельными фрагментами: зубами, кусочками челюстей, обломками черепов.

На этом фоне можно оценить значение находок в Монголии. Полторы сотни почти целых черепов и частей

скелетов, часто сохранившихся не хуже, чем современные, с мельчайшими деталями строения. В коллекции из Банн-Дзака есть два великолепных черепа многобугорчатых млекопитающих, названных так по форме поверхности зубов. Слоанбаатара и камптобаатара. Второй, восемнадцать миллиметров в длину, принадлежал молодой особи, и черепные швы на нем видны лучше, чем у других. Исследуя черепные коробки, костные части среднего уха и внутренних ноздрей, Зофья доказала, что мнение о параллельных линиях происхождения млекопитающих безосновательно. Факты указывают на единую линию развития. Дальнейшие открытия в Гоби могли стать ключом к полному выяснению этой проблемы.

3

Загорелые, обжившиеся в Гурван-Тэсе Циприан и Томек, услышав шум моторов, выбежали встретить экспедицию, затем подошла вся семья Будэ, которому я вручил покупки, сделанные в столице.

Ветер стих несколько часов назад, тучи песка осели; открылся вид на запад, на Нэмэгэтинскую впадину. Безлюдная, мягких очертаний, похожая на чашу неправильной формы — шириной в шестьдесят, длиной в сто пятьдесят километров — невообразимо огромное кладбище, Долина Царей Динозавров.

Как растение, засушенное между страницами книги, перед нами раскинулся защищенный стенами скал кусок мира, возрастом в восемьдесят миллионов лет, с руслами древних рек и впадинами озер, стволами старых деревьев, пляжами, на которых животные оставили следы ног, отмелями моллюсков на подводных скалах, песками, где динозавры откладывали яйца. Зеленый и влажный край травоядных и хищных рептилий, млекопитающих и птиц.

На следующий день мы выехали в направлении впадины. Видимости не было. Ветер бил в ветровое стекло, юрты исчезли позади в клубках пыли. Машина устремилась прямо в пургу, я едва различал след старой колеи. Сидящая рядом Тереса держала карту, на которой я отметил азимут нашего движения. Поглядывая на бусоль, укрепленную на разделительной таблице, я проверял каждые сто метров, не свернули ли мы на дорогу,

ведущую к югу, в сторону гор Тост, где в скудной степи у подножия скал расположился поселок.

Мы двигались, ныряя в потоки песка и пыли. Я подумал, что лишь одно не угрожает нам в этой пустыне: столкновение. Однако в то же мгновение, вспомнив аварию, виденную несколько дней назад, потерял эту уверенность. Скорость составляла тридцать километров в час, видимость — от пятнадцати до двадцати метров — этого было достаточно, чтобы свернуть, если что-то появится перед машиной.

Позади сидений, заваленные по шею снаряжением, торчали Янек и Марыся, пряча головы от ударов хлопающего брезента. Янек явно беспокоился. Я чувствовал, как он вертелся у меня за спиной, старался выглянуть в окно, хотя в лицо била песчаная метель. Он убедил себя в том, что экспедиция будет сплошным приключением, — и получил его! Это было как раз то, чего он ожидал, а может быть и больше. Полная изоляция от мира в пустом пространстве.

Удары ветра сотрясали машину так же сильно, как и выбоины. Косясь в зеркало, я проверял, едет ли за нами «стар». Он маячил смутной тенью в желтой туче. В какой-то миг, почувствовав, что ветер начал бить в машину сбоку, а не спереди, как раньше, я нажал на тормоз.

— Сбился с дороги, — объяснил я. — Сидите в машине. Пойду поищу развилку.

— Откуда ты знаешь, что потерял дорогу сейчас, — спросил Янек — может, это было час назад? Лучше вернуться на машине.

— Нет. Через стекло плохо видно, а развилка не дальше чем сто метров позади, у подножия откоса, с которого мы только что съехали. Это очень обманчивое местечко.

— В конце концов, — произнес не очень уверенно Янек, — запас воды у нас на несколько часов. Можно подождать, пока утихнет ветер.

Я вышел из машины, сразу утонув в пыли. «Стар» торчал позади нас, возвышаясь над «мусцелем» темной глыбой. Зофье и Эдеку, пытавшимся рассмотреть через стекло, в чем дело, я показал знаками, что случилось. Буря выла, швыряя песок в лицо, камнями била по ногам. Я двигался по нашим следам, согнувшись в три погибели, а вокруг тенями проносились вырванные с

корнем кусты нитрарии и, как снаряды, летели комья сухого верблюжьего навоза.

То возвращаясь, то снова уходя вперед, я всматривался в дорогу, все увеличивая радиус поиска, и наконец нашел развилку — едва заметный след колес, ведущий в нужном направлении. С глазами, засыпанными пылью, с песком в волосах и одежде, замерзший на ледяном ветру, я вернулся к машинам. Из-под брезента «стара» раздались крики:

— Лучше вернуться в Гурван-Тэс!

— Нет, подождем на месте! К вечеру стихнет!

Я укрылся в «мусцеле». Через несколько минут мы опять ехали по четко различимой колее, и ветер дул навстречу, правда теперь уже с силой водопада, вырывающийся из котловины с воем реактивного двигателя. Минутами я чувствовал, как машину заносит вбок, а то она и вовсе останавливается. Видимость не улучшалась. И вдруг, в самый тяжкий момент, во мгле открылось окно. Перед нами возник пригорок, одинокий, как горб верблюда, с круто опускающейся колеей, безумным следом какой-то машины, который сохранился здесь еще с прошлого года. Мы были дома! У подножия пригорка наш курс поворачивал точно на север, и теперь не надо было смотреть на бусоль, а ехать по равнине, пересекая наносы песка под прямым углом. Они хорошо были видны на фоне гравия, и каждый из них начинался от кустика караганника, в корнях и переплетенных ветвях которого образовался маленький холмик. За холмиком позникал клин из плотно сбитых песчинок, указывавший острием на восток.

Из желтого тумана, как дух, возникла скала. Высокая, с резкими гранями глыба песчаника нависла над машинами. Мы называли ее «шкафом», она стояла в начале сайра, ведущего в лабиринт ущелий с местонахождениями костей. Мы уже выбрались из главного потока бури, видимость улучшалась с каждой минутой, а километра через три стало почти ясно. Бледное солнце пробилось сквозь мглу, освещая первые скалы каменного города Хулсан. Мы вели машины расселинами, похожими на улицы, и, огибая останцы, торчащие, как одинокие дома, направлялись к обширной площадке, окруженной отвесными стенами. Это было место для лагеря. Мы разгрузили «стар», сложили пирамиду из ящиков. С за-

Лагерь в Хулсане

падной стороны, где коротенькая улочка упиралась в стену из песчаника, прижавшись к скале, встали палатки Зофьи, Тересы и Марыси. Остальные мы разместили по окружности арены, образованной скалами.

4

Я вошел в лабиринт сайра (ущелья), вернее, как бы поплыл по нему, потому что наш каменный город захлестнула песчаная буря. Плотный, словно вода, воздух несся со скоростью лавины. Его непреодолимые потоки низвергались в ущелье сверху, прижимая к земле, водопадами били по голове. Я коснулся руками «стены» с «окном». Она дрожала под напором ветра, накрытая его мощной волной. «Стена» возвышалась будто декорация, отвесная, высотой с трехэтажный дом, похожая на мощную скалу. Однако сбоку было видно, что толщина ее не превышает метра. В центре «стены» голубело «окно».

Я вскарабкался, чтобы взглянуть через него на лагерь, но ветер, жутко завывая в проеме, сбросил меня вниз, на самое дно, в узкий проулок. Пол проулка был сложен из плит крупнозернистого песчаника и чисто выметен ветром, но по нему все-таки катились камешки, сбивая мне ноги. Я недолго выдержал здесь: поток воздуха вынес меня на центральную площадь, к подножию «обелиска», но которому хлестал ветер. Рядом находилась эрозионная выемка, образовавшаяся в земле. Чтобы ветром меня не сбросило вниз, я опустился на колени. Ураган низвергался внутрь, закручиваясь спиралью. Труба высотой в два этажа, диаметром в двадцать метров, расширенная книзу, была наполнена кружащимся песком, который измельчался в муку, шлифуя стены.

Между двумя скалами возник какой-то силуэт, склонившийся над землей, и растаял. Вынырнув из воздушного потока, я нашел защищенное место. Полулежа, с лицом, горящим как от ожога, я всматривался в скалу, различая два горизонтальных слоя, а между ними — тонкие прослойки наискось, почему-то хорошо знакомые мне. Горячий песок, сверкание «речной воды», текущей по песчаной отмели, несущей по дну редкие зерна грунта. По краям образуются закругленные полуострова. Эти полуострова растут, постоянно удлиняются оседающими на них тонкими прослойками... Конечно, это они. Я лежу на дне реки, которая текла здесь восемьдесят миллионов лет назад.

Немного выше — более светлый слой, состоящий из ила. Он возник как донный осадок уже в глубокой воде. В нем прорыт клинообразный канал, наполненный крупным гравием и галькой. Это след древнего ливня или даже наводнения. Быстрое течение прорыло углубление в мягких осадочных породах и наполнило его грубым наносным материалом, намытым с берега.

С помощью молотка я отделил от скалы квадратную пластину с закругленными углами. Часть панциря черепахи. Немного дальше — кусочек раковины моллюска. И наконец в выветренном камне — яйцо динозавра. Я обчистил камень. Яйцо было почти не повреждено, лишь чуть сплющено давлением осадочных пород; продолговатой формы, четырнадцать сантиметров в длину; скорлупку покрывала едва заметная сеть трещин. В том месте, где она выкрошилась, обнажилась внутренняя

Часть яйца, сердцевинка из такой же скальной породы, что и снаружи. С обоих концов скорлупа была целая — неопровержимое доказательство того, что маленький динозавр не вылупился.

Находка точно таких же яиц американцами в двадцатые годы в Баин-Дзаке впервые свидетельствовала о том, что динозавры, по крайней мере некоторые из них, были яйцекладущими. Прежде, при сравнении динозавров с современными рептилиями, подобная теория выдвигалась, однако носила предположительный характер. Похожие на это продолговатые яйца часто встречаются поблизости от скелетов протоцератопсов, из чего можно заключить, что они принадлежали данным животным, но с уверенностью утверждать это станет возможным лишь в том случае, когда внутри такого яйца будет обнаружен скелет ископаемого или же найден скелет взрослой самки с еще не снесенными, покрытыми скорлупой яйцами. Однако на находку первого типа нельзя возлагать особых надежд: кости эмбриона слишком мягки, чтобы они могли сохраниться до наших дней.

Во всяком случае, просто поразительно, как мало найдено яиц по сравнению с количеством скелетов динозавров. К тому же первые яйца нашли сто лет спустя после обнаружения скелетов. Одно время считали, что наиболее крупные рептилии откладывали яйца размером с бочку, что представляется неправдоподобным. Скорлупа яйца — вместилище, ограждающее эмбрион от внешнего мира. Она позволяет ему развиваться в темной, безопасной среде. Однако оболочка должна быть пористой, чтобы пропускать внутрь воздух, а наружу выделять газы — продукты обмена организма, поэтому она не может быть слишком толстой. Кроме того, эмбрион не смог бы пробить ее, чтобы вылупиться. С подобным ограничением толщины оболочки тесно связано ограничение размеров яйца, которое определяется сопротивлением материала. Отсюда напрашивается вывод, что динозавры, даже самые гигантские, вступали в жизнь крошечными детенышами, и размеры их тела возрастали затем во много сотен раз. Не исключено также, что многие динозавры были живородящими.

Первый день принес знаменитое открытие Зофьи. В ущелье, которое мы называли «сайром с пещерой», она издали увидела конкрецию из красного песчаника раз-

мером с футбольный мяч. Вблизи Зофья убедилась, что в ней находится череп пахицефалозавра, второй среди находок наших экспедиций. Первый в прошлом году нашла Гальшка Осмульска. Вместе они составили единственную находку почти полных черепов этих динозавров, открытых в Азии; до сих пор подобные черепа были найдены только в Канаде.

Воодушевленная открытием, Зофья стала дальше изучать дно ущелья, передвигаясь на коленях и рассматривая мельчайшие камешки. К сожалению, не нашлось ни одной кости остальных частей скелета пахицефалозавра, зато она наткнулась на три черепа млекопитающих и два, принадлежащих ящерицам. Улыбнулось счастье и другим членам группы. Тереса и Ендрек принесли в лагерь по черепу млекопитающих, другие нашли скелеты ящериц, и Балик обнаружил в стене скелет ящерицы, но довольно крупной. В этот вечер все разговоры сосредоточились на пахицефалозаврах. Некоторым участникам нашей экспедиции были известны лишь общие сведения о динозаврах, что объяснялось прежде всего их специальностью, далекой от палеонтологии. Поэтому они выдвигали свои очень смелые гипотезы, с тем чтобы подбросить специалистам пищу для дискуссии, в которой родилось бы истинное объяснение той или иной проблемы.

Пахицефалозавры — животные размером с кенгуру, передвигались на двух задних конечностях. Трудно было объяснить строение их черепа, свод которого выпуклый, как яйцо, имел шесть сантиметров толщины.

— Зачем это нужно ему было? — удивился Ендрек, сидя на корточках над черепом, пропитанным клеем.

— Укуси — поймешь! — лаконично предложил Томек.

— Не думаю, чтобы это служило защитой от хищников, — включилась в разговор Тереса. — Судя по канадским скелетам, на теле таких животных не было роговых пластинок. Какое практическое значение имела защита только передней части головы?

— Может быть, — произнес кто-то, — такой череп служил тараном для отражения нападения хищников?

— Более чем сомнительно! Многие хищники обладали массой тела, равной массе пахицефалозавра, а то и в несколько раз большей, поэтому удар головой не мог произвести на них большого впечатления.

— Скорее всего прав Галтон, — решила Тереса. — Это утолщение играло роль при брачных поединках.

Англичанин Галтон, пытаясь найти ответ на тот же вопрос, сравнивал этих животных с современными оленями, напомнив об их ритуальных поединках в брачный период. При изучении черепа стеготераса это представляется вполне убедительным. Округлая выпуклость, не снабженная рогами, наверняка не могла быть ни наступательным, ни даже оборонительным оружием, так как была неспособна нанести сильный удар противнику. В то же время значение ее возрастает, если допустить, что рептилии подобного строения сталкивались головами. Исследуя найденный в 1970 году череп, Гальшка и Тереса обнаружили в нем дополнительные приспособления для могучих ударов. Так, например, глазные впадины были окружены особенно мощными костями.

Принятие этой гипотезы Галтона влекло за собой далеко идущие выводы. Внутривидовые поединки имеют целью не уничтожение противника, а лишь установление иерархии. Доминирующий самец выбирался самкой, занимавшей в иерархии исключительно высокое положение. Победенный стеготерас удалялся, возможно, с легким сотрясением мозга, поскольку его череп все же не был таким надежным амортизатором, как рога оленя. Однако это служит свидетельством существования у стеготерасов некоторых форм общественной жизни, а также дает основание полагать, что они объединялись в стада, по крайней мере на определенный период, что особенно благоприятствовало возникновению ритуалов. Следовательно, динозавры были не столь примитивными животными, как это им приписывалось.

5

Ночи стали еще холоднее, стужа леденила пустыню. Я до сих пор не разбил палатку и ночевал в «мусцеле». Ночью меня будили порывы ураганного ветра, машину раскачивало, мотало из стороны в сторону, брезент гудел. Проснувшись, я выглядывал в окошко — палатки успешно сопротивлялись натиску бури.

Мы дважды ездили в Гурван-Тэс, чтобы освободить ожидавшего в школе Циприана и доставить последние вещи, привезенные МАЗом. Нас пригласили вечером

на кинофильм. Почтарь-радиотелеграфист запустил бензиновый моторчик, который дал электричество для киноустановки, а заодно и для насоса, нагнетавшего из скважины воду в запасник. С помощью расхлябанной кинопередвижки показывали старый советский фильм на военно-морскую тему, такой исцарапанный и выцветший, с такими судорожными движениями героев и хриплым звуком, что его можно было принять за кинохронику, снятую на полях сражений.

Я сообразил, что никто из присутствующих в клубе никогда не видел ни моря, ни броненосцев, ни вообще каких-либо кораблей, и, кто знает, видел ли когда-нибудь воды больше, чем в болоте. То, что им показывала кинолента, для них могло быть примерно тем же, чем для меня научная фантастика. По сравнению с простым миром степей тот далекий мир, который они наблюдали через окно кинематографа, должен был казаться им необъяснимо чуждым и сложным. Незнакомый пейзаж, масса неизвестных предметов, приборов, толпа людей, их неестественно поспешные действия. Как знать, возможно, многие из них в те минуты почувствовали себя счастливыми оттого, что живут в степи, на краю света.

Здесьние жители были оседлыми, некоторые семьи уже более десяти лет назад отказались от кочевого образа жизни и устроились в поселке с большими удобствами, чем степные кочевники. Они вынесли кухни из юрт, построив для них крошечные дощатые сарайчики, в которых могла поместиться печурка, хозяйка и немного посуды.

Достаточно было лишь бегло посмотреть вокруг на втоптаные в песок предметы, чтобы увидеть знамение нового времени и в этом глухом поселке, далеко от столицы. Здесь валялись осколки фаянсовой посуды, банки, битое стекло, цинковая ванночка, пеньковая веревка. Все это вытесняло предметы прежней культуры: деревянные мисочки из «птичьего глаза», ремни, оловянные и деревянные ложки, каменные или литого чугуна печурки, бурдюки, медные сосуды, кошмы, узелки с тряпьем, сплетенные в косички из верблюжьей шерсти или конского волоса веревки.

Кочевая жизнь не развивала привязанности к вещам. Монголы свободны от этого. Мужчина имел изящную китайскую выдолбленную из камня и закрывающуюся

на бусинку табакерку и отделанную серебром конскую сбрую. Женщина — немного украшений из серебра и бус. Остальное — домашняя утварь и предметы хозяйства, ничего лишнего. Осенью монголы откочевывают на зимовку в безветренные долины, весной — на летние пастбища в степи, летом — еще куда-нибудь. Все имущество умещается на нескольких верблюдах или в двухколесной телеге. Открытые просторы страны не представляют никакого препятствия для передвижений. Эта пустота тянет, поглощает, зовет. Здесь можно совершить открытие только за линией горизонта. Так возникла культура постоянных переходов с места на место, жизни в седле с табунами лошадей, с вереницами шлепающих по степи верблюдов, с овечьими стадами, ползающими по травяному ковру, выработалась привычка смотреть вдаль, окидывать глазами степь.

Если юрта укрыта в расселине, ее все равно выдает стадо. Стены из жердей и войлока — не слишком надежная защита. Чтобы обеспечить безопасность, необходимо заблаговременно обнаружить угрозу, а это возможно при наличии пространства; пребывание внутри юрты, лишенной окон, было сведено к минимуму. Наблюдение за степью давало чувство безопасности.

В амфитеатре среди скал, выбранном для лагеря, крутились мощные вихри. Они трепали плотно палаток и засыпали глаза. Но все-таки удары были уже ослабленные. Лагерь, поставленный где-нибудь в более открытом месте, снесло бы в первый час. Здесь же палатки, прижатые к скалистым стенам, втиснутые в углубления, укрытые за камнями, сносило только дважды. Мы укрепили их обломками скал, ожидая, когда ветер немного успокоится.

Янек, врач, который заодно взял на себя заботу о нашем питании, безнадежно сражался в кухне с плитой. Пламя то с ревом вырывалось из нее, как из огнемета, то мгновенно исчезало, погашенное ветром. Пережидая натиск урагана, мы присели в уголке, подняв воротники, с красными от песка глазами. Это была первая экспедиция Янека. Невыспавшийся, угнетенный постоянными бурями, он сказал:

— Кажется, это недурной случай проверить себя. Как ты думаешь?

— Наверно... — ответил я.

— Узнать, что у тебя внутри, пройти через все, как через испытание...

Я слишком давно освоился с погодой и лагерной жизнью, чтобы до конца понять его. А жители Гурван-Геса, женщины и дети, наверное, и не предполагают, что из каждодневную жизнь можно считать борьбой со стихиями. Однако такое испытание — дело субъективное, и, кажется, Янек в душе решил через него пройти. Догадываясь об этом тайном решении, мы из чувства противоречия не стремились облегчить ему жизнь. Каждый из участников экспедиции искал свою систему защиты от неблагоприятной внешней среды, бронировался на свой манер, и никто никому не шел навстречу слишком легко. Но Янеку мы не раз ставили чересчур высокие требования, больше слушая голос пустого желудка, чем разума, несмотря на условия, погоду, время суток. Он сумел выдержать все и, я думаю, успешно прошел свое испытание.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы заметить, что все три наши женщины приспособились к полевой жизни быстрее и лучше, чем большинство их коллег. Мужчинам приходилось внутренне как бы преодолевать новое положение, определять свое отношение к событиям и новым обязанностям как членов экспедиции. Зофья и Тереса даже во время первой поездки в Гоби несколько лет назад, а Марыся сейчас не переживали ничего подобного. Они очень легко и естественно вошли в круг обязанностей, в работу. В то же время у них значительно сильнее, чем у мужчин, оказалось развито качество, которое называют «активной позицией»: они были готовы сносить и плохую погоду, и недостаток воды, не менять принятые планы и не отказываться от них. Вероятно, они меньше, чем мужская половина группы, страдали от тягот и неудобств повседневной жизни.

Марыся — по специальности палеоботаник. У нее была цель провести исследования и в этой области, определить состав растительной эпохи динозавров, реконструировать пейзаж и климатические условия, установить очередность осадочных слоев. Она предполагала собрать не только такие остатки растений, как стволы и сучья, но прежде всего хары, невидимые невооруженным глазом споры водорослей, которые в огромном количестве оседали на дне водоемов и наряду с пылью матери-

ковых растений, укрытые слоями ила, уцелели или сохранили в течение миллионов лет свою характерную форму.

Условия жизни в лагере улучшились, как только мы наконец в первый день затишья смонтировали из досок, обитых листами фанеры, домик-кухню. Сразу же по окончании работы налетел ураган, и мы смогли лишней раз убедиться, что жесткие стены совсем не то, что стенки палаток, и что они позволяют хоть ненадолго забыть о том, что творится снаружи. Вечерами, когда температура воздуха падала до минус десяти градусов, мы собирались на этих пяти квадратных метрах и за горячим чаем обсуждали результаты изысканий. Не все обладали одинаковым опытом, а может быть, не всем одинаково везло с находками. Тех, кто был глубоко огорчен отсутствием находок, несмотря на ежедневное обследование территории, мы старались ободрить воспоминаниями о наиболее замечательных открытиях минувших лет. Я рассказал историю о выступавшей из скалы голове.

Увидел я ее в одном из ущелий Нэмэгэту в раскаленном закутке, полузадохнувшийся от зноя. Остановился как вкопанный, долго всматривался и соображал, не лучше ли хорошенько протереть глаза. Издали могло показаться, что какое-то животное высунуло голову, размером с конскую, из отверстия в скале. Вблизи оказалось, что это череп с почти полным комплектом зубов. Они были похожи на затупившиеся карандаши, сильно сточенные и разной длины. Зубы стирались от растительной пищи, но и одновременно росли. Динозавр принадлежал к семье зауроподов, четвероногих травоядных гигантов, достигавших самых огромных размеров. Мы не нашли поблизости ни одной кости скелета. Череп описал Александр Новиньски, выделив новый вид: *Nemegtosaurus mongoliensis*.

В другой раз это было стадо носорогов. Шесть лет назад мы добрались до Алтан-Тээли, места у западных границ Гоби. Иногда меня охватывают сомнения: происходило ли наяву все, о чем я вспоминаю. Мы смотрели сверху на глубокий разрез земли. Четко вырисовывался брикет разноцветных с сильным наклоном слоев, направленных в небо, подобно развевающимся лентам. А между ними одна почти белая ленточка, протянувшаяся на два километра.

Там было тысяч десять-двадцать животных, а может быть, и тысяч двести. Массивные черепа, крупные зубы со стертой и потрескавшейся эмалью, тазовые и бедренные кости, скелеты ископаемых животных, нанизанные друг на друга и наполненные осадочными породами, а среди них вкраплены скелеты антилоп и лошадей. Мы шли вдоль этого пласта толщиной в полтора метра, и все оставалось без изменений — везде та же концентрация костей. Носороги — не такие древние животные, как динозавры, они принадлежат степной фауне, которая возникла лишь в эпоху эоцена, около шестидесяти миллионов лет назад.

Все они погибли одновременно.

Возможно, волна паводка гнала животных, собрав их со всех окрестностей. Однако можно также предположить, что на плодородной почве в благоприятном климате животные жили огромными стадами, поскольку могли прокормиться. Вода еще долго несла затопленные тела, пока не выбросила их в неглубокую выемку, которая медленно просыхала. Так медленно, что мягкие части тела успели разложиться, а кости — смешаться и плотно спрессоваться, образуя монолит с осадочными породами.

В Алтан-Тээли было пятеро поляков и четверо монголов. Две недели мы вынимали кости, заливая их парафином и бинтуя, предупреждая трещины. Чтобы обнажить один череп, иногда приходилось кайлом и долотом разбивать два других. Когда мы так работали, мне пришло в голову, что хорошо бы вернуться сюда еще как-нибудь, осесть на три-четыре года, построив настоящий дом, извлечь скелеты и расставить по степи несколько сот, а может быть, тысяч, так, как это делают в музеях.

Двадцать четвертого мая, желая показать природе свою независимость и наконец начать упорядоченную лагерную жизнь, мы решили пообедать на открытом воздухе за столом, сложенным из ящичков около домика-кухни. Так мы обычно делали во всех экспедициях. В миг суп покрылся пленкой песка и начал фонтанами брызгать из тарелок под порывами ветра. Делая вид, что все идет, как надо, я попытался поднести ко рту полную ложку супа. Ветер тут же выдул его, суп залил глаза.

В ущельях было то же самое. С полными песку глазами мы ползали в поисках скелетов, прижимаясь к земле. Как-то, лежа таким образом и оскребая долотом песчаник вокруг какой-то кости, я внезапно почувствовал тепло, излучаемое скалой, она была нагрета солнцем. Что-то во мне изменилось, я понял, что песок уже не мешает мне. Чистые сухие красные и белые песчинки набились в волосы, в уши, под рубашку. В соседстве с ними прекрасно можно было жить — они тихонько скользили по лицу и рукам, шелестели в одежде. Я перестал сопротивляться. Мне удалось перейти некую границу, и я на короткое мгновение оказался по ту сторону, вместе с животными, мог спокойно уснуть в углублении скалы и дышать ветром. Я поставил ногу рядом с коготком, лежащим в песке. У него не было рогового покрытия, и миллионы лет назад он был разрушен. Осталась лишь косточка, белая, крючковатая, последний сустав пальца динозавра. Подняв глаза, я увидел чуть выше на склоне хвостовой позвонок. Стал смотреть дальше. Кости были рассыпаны на куче обвала, они падали откуда-то сверху. Я высмотрел их в отвесной стене — что-то торчало на уровне второго этажа. Стал карабкаться к ним, взбираясь по выступам, повис, держась двумя пальцами левой руки и упираясь носками башмаков. Выколупанные из стены кости складывал в шляпу, висящую на шее. Я откопал все кости задних конечностей и часть позвоночника небольшой ящерицы; черепа, к сожалению, не было.

Сойдя со стены, я начал упаковывать кости в лигнин. Они казались мне выточенными из мрамора. Я держал их в руках, поворачивая во все стороны, — гладкие, холодные, тяжелые, чуть-чуть кремоватые, у концов затемненные голубым. Прекрасно обработанное, драгоценное, мерцающее произведение скульптора.

Мне припомнилось время, когда я считал кости, которые видел в музеях, самыми неинтересными вещами в мире. Так продолжалось до тех пор, пока я сам не нашел в пустыне первый скелет. Показал его настоящему палеонтологу. Лицо его со следами усталости от зноя внезапно переменилось, оно как бы натянулось, на нем появилось выражение глубочайшей внутренней сосредоточенности. Я понял, что в его воображении скелет уже покрывается мышцами, мышцы — кожей, становится

реальным живым существом. Он читал по этому скелету о связях с другими родами, видел, как животное меняется с течением веков в соответствии с переменами в окружающем мире.

Каждая кость была совершенством формы и структуры, ее искривления представляли собой наиболее целесообразные, идеально смоделированные плоскости и утолщения. Она была сотворена для нагрузки определенной силы, к ее отросткам крепились мышцы и сухожилия, по впадинам проходили кровеносные сосуды, через отверстия — нервы. Ее сочленения были устроены так, чтобы наилучшим образом выполнять свое назначение. Скелет образовывал остов, переносящий ловкое и подвижное животное, служил частью живого организма.

Вечером в кухонном сарайчике под неотступным взглядом участников экспедиции Зофья готовила яичный ликер ко дню рождения Тересы: со спиртом были смешаны сахар, яичный порошок, сгущенное молоко и ванилин. Войтек заучивал поэму, которая пелась на молитвенную мелодию и была сочинена к этому торжественному событию Марысей. А я, закрывшись в палатке, рисовал лавровый венок тоже по проекту Марыси. Сидел при свече, в спальном мешке, под двумя одеялами. Руки совсем растыли, уснул около полуночи, когда пошел снег. Было ноль градусов.

Утром я обнаружил под навесом за палаткой снежный сугроб. Остальной снег успел испариться. Заспанный Войтек выглянул из своей палатки. Он несколько оживился, когда после обмена утренними приветствиями и замечаний о погоде нам пришла в голову мысль сбегать еще до завтрака на вершину скалы, господствующей над лагерем, и взглянуть на Нэмэгэту. В мгновение ока мы преодолели короткое ущелье, поднялись по плотному песку дюны и — выше в гору, по склону. Открылся горизонт. Весь педимент был под снегом. Гребень Нэмэгэту, горная цепь Тост, расположенная с южной стороны долины, и вершина Хугшу — все выбелены, с резкими контурами, снежно-ледяные, их грани и впадины словно отлиты из стекла с черными прожилками. Воздух чистейший, небо цвета сапфира, а под ним, в ущельях, песчаники, пылающие густо-красным.

Войтек был ветераном четырех экспедиций в Гоби.

Огромного роста и медвежьей силы, он вызывал восхищение у малорослых монголов, ценивших физические достоинства, тем более что их традиционными героями всегда были борцы. Каждый год в дни национального праздника вся страна следила за их состязаниями.

Однажды проездом в Далан-Дзадгад мы пошли с Войтеком в баню. Когда я вышел из кабины, на газоне перед домом разыгралась живописная сцена. В центре без рубашки стоял Войтек, так как ту единственную, что была на нем, он выстирал и сушил на заборе. Его окружили женщины, работавшие в бане, и, задирая головы, причмокивая, разглядывали мускулы:

— Сайхан хун... — говорили они. — Сайхан!..

— Что они говорят? — с тревогой обратился ко мне Войтек.

— Тебе лучше не знать этого, — ответил я и еще несколько дней заставил его просить перевести эти слова, вынуждая оказывать мне мелкие услуги. В конце концов я так распалил любопытство Войтека, что он согласился вымыть мой котелок после обеда. За эту цену я открыл ему, что «сайхан хун» значит «красивый мужчина».

В свободное время он занимался конструированием суперзмея, приспособления, которое должно было поднять в воздух фотоаппарат, чтобы запечатлеть раскопки с высоты птичьего полета. После очередной неудачной попытки для улучшения самочувствия он вслух предавался мечтам о создании аппарата из велосипедных колес и паруса. Все это оживляло интеллектуальную жизнь в лагере, поскольку в такие минуты все его население старалось придумать и обосновать множество причин, из-за которых функционирование этого сооружения будет невозможно. Однако он то и дело возвращался к своему замыслу, словно ему не давала покоя мысль, что сила гобийских ветров пропадает понапрасну.

Войтек был способным скульптором, и в его задачу входило придание пластических форм реконструкциям найденных нами динозавров по мере описания скелетов специалистами.

Мы выбрались в сомон с Эдеком и Янеком, чтобы пополнить запасы хлеба. Пересекли котловину, преодолев горы Ноэн с черными вершинами, похожими на заусенцы. Дома под зелеными крышами стояли высоко;

шли от них — кучка юрт, как стадо седых овец на лугу. Редкие прохожие сновали, казалось, бесцельно. Но когда я начал по слогам читать вывески, уклад здешней жизни сразу стал ясен: «гуанз» — «столовая», «зочид буудал» — «гостиница». Почта, магазин, булочная. «Талх эмэгтэй» («Хлебная женщина») продала нам десять буханок свежесыпеченного хлеба. «Ус эрэгтэй» («Водный мужчина») налил в бидоны свежей воды, которую он для удобства хозяек развозил в бочке, влекомой верблюдом. «Ясельная женщина» сушила на веревке одеяльце. Но мозг поселка и всего сомона, района, равного по территории пяти польским воеводствам, располагался в обычной юрте.

Я вошел. Верхние жерди были окрашены красным. С них свисала лампочка, на полу постелен ковер, стояли два стола и сейф. За столами сидели двое мужчин в шляпах, смоля папиросами. Встали, приветствуя меня, затем секретарь сомона предложил мне сесть. Спросил, где в этом году размещается лагерь экспедиции, слушал, нежливно наклоняя голову, но в то же время не прерывал чтения какого-то циркуляра. Я пригласил его посетить наш лагерь, пообещав приехать за ним на машине.

— Явна! — вмешался по-монгольски младший чиновник, радостно вскочив со стула. — Едем!

Секретарь терпеливо прикрыл глаза, сделал легкий жест рукой. Выражение его лица ясно говорило, что он ни в малейшей степени не воодушевлен подобной перспективой.

— Мы уже приезжали к вам, — произнес он. — В прошлом году.

Вечером было тихо, небо в звездах. Мы отмечали в лагере день рождения Тересы, фальшиво пели хором у костра, а потом солировал Балик, аккомпанируя себе на гитаре. Исполнял песни Окуджавы: «Мне жаль, что по Москве уже не мчатся сани...» Мы грустили вместе с ним. И без всякого сомнения, это было самая обычная боязнь перемен, заставляющих нас делать усилия, несущие с собой хлопоты. Нам хочется остановить, задержать старые добрые времена, которые мы хорошо помним, под предлогом, что они были чище, дружелюбнее к людям. Наша тайная мечта — это мечта о том, чтобы мир, познанный однажды, остался неизменным. Наша грусть о прошлом — это грусть усталых людей.

Утомительные поиски костей, часы, проведенные на четвереньках. Мы чувствовали себя уставшими. Целый день поисков давал иногда один череп млекопитающего, несколько черепов ящериц, немного разрозненных костей. Найти что-нибудь становилось все труднее, даже Зофье и Тересе, которые до сих пор могли похвастаться наиболее обильными сборами. Вся территория уже была истоптана, везде виднелись следы ног и ударов молотка. Мы пришли к заключению, что наступило время перебраться на новый плацдарм, в Хэрмин-Цав, который был уже известен находками останков динозавров. Можно было надеяться разыскать там и млекопитающих.

Хэрмин-Цав находился в шестидесяти километрах к юго-западу от нашего лагеря. Погода стояла отличная, казалось, лето уже наступило. Днем жарко, до тридцати градусов, и два вечера подряд термометр показывал двадцать один градус. Решив, что перемена неслучайна, мы даже натянули над столами тент, чтобы есть в тени. Едва закончили эту операцию, с равнины надвинулась желтая мгла. Над ней столбами разрастались тучи табачного цвета. Солнце превратилось в белесый кружок. Ураган обрушился на лагерь и заполнил палатки пылью. Всю ночь он хлопал брезентом с таким шумом, что никто не сомкнул глаз. Уже выдавшая виды, круглая, похожая на юрту палатка Циприана с угрожающим треском начала рваться. После полуночи Циприану пришлось свернуть ее и перейти в кухонный домик. Невыспавшийся, он на следующее утро за завтраком повествовал о своих ночных злоключениях, как бы слегка разозленный, но не тем, что вообще произошло, а тем, что это произошло в несогласованное с ним заранее время.

Кроме него, от погоды больше всех страдал Анджей. Человек, любящий во всем порядок и систему, он ничего так сильно не жаждал, как размеренной жизни. Тем временем бури опрокидывали палатки, путали часы завтраков, обедов и ужинов, нарушали весь распорядок дня. Самое скверное, это, не давало ему необходимого, по его мнению, времени для работы с коллекцией ящериц, ежедневного основательного осмотра и перетряхивания своих ящичков и рюкзаков. Анджей твердо знал,

где что находится. Конечно, для коллекции, которой он исследовал, такая аккуратность пошла на пользу, а мы могли быть уверены, что она упакована и описана наилучшим образом. Анджею предстояло заняться научной обработкой этого собрания, и он радовался: черепа и скелеты сыпались, как из рога изобилия.

Тридцать первого мая небо с утра было чистым. До десяти часов мы трудились на погрузке «стара». Грузили лиггерное оборудование, провиант, бензин. Везти все это собирались Зофья, Тереса, Войтек, Томек, Эдек и я. Сначала к центру впадины, к источнику Наран-Булак, который выходил на поверхность у самой вершины холма и не высыхал в течение всего лета. Вода шла сюда под давлением из более отдаленных мест, расположенных выше, пробиваясь сквозь слои складчатых пород.

К источнику я отправился по узкой полоске луга вверх по склону холма. Родник бил хрустальной струей. Рядом, за изгибом хребта, на пологом склоне стояли две юрты, а возле них — небольшое стадо верблюдов, связанных друг с другом веревкой. Первая юрта была пустая, из второй вышел монгол в полном облачении: в лапах дэли, в сапогах, всегда готовый отправиться в путь.

— Сайн байн уу? — спросил он, не дожидаясь моего приветствия. — Все в порядке?

— Сайн! — ответил я. — Сайн байн уу?

Мы немного поговорили, он уже знал о приезде нашей экспедиции в котловину, от глаз аратов трудно скрыться.

— Яс, — сказал монгол. — Кости, — и повел рукой вокруг.

Значит, и он знал, что мы ищем. Гобийские пастухи с незапамятных времен считали останки динозавров, которые находили довольно часто, костями драконов. Хорошо зная анатомию домашних животных, поскольку любой из них с детства разделяет коз и баранов, они не считали окаменелости созданием неживой природы, которые случайно приобрели форму скелетов животных. Они хорошо различали назначение костей, узнавали лопатку, ребра, позвонки, челюсти, кости стопы. Беда была только с размерами. В этой стране никто не видел животных, раз в сорок превосходящих по величине барана, возможно, кроме слонов в каком-нибудь караване, иду-

щем из Китая. И чтобы не оставить факта без объяснения, они — не без помощи лам — поверили в легенду о крылатых драконах, носившихся в воздухе высоко под облаками. Чудовища порождали грозы, сражаясь друг с другом и издавая громоподобное рычание. Победенные падали на землю и погибали. Миф был тем более правдоподобен, что благодаря ему можно было объяснить природу грозы и грома, наводящих страх.

Мы слушали этот рассказ со снисходительной улыбкой. А между тем что-то, а снисхождение в этом случае было совершенно неуместно. Объяснение, придуманное несколько сот лет назад, было на удивление рациональным для своего времени. Особенно это становится ясно, если сравнить его с представлениями об окаменелостях, распространенными в те времена в Европе: наши предки считали их обычными камнями, форма которых — чистая случайность, или, в лучшем случае, останками людей-великанов. Монголы же не сомневались в том, что это кости животных. Для них скелет, лежащий среди песков, воспринимался как скелет. Что тут удивительного, что они поселили живых обладателей скелетов в воздухе, у себя над головой, раз уж никогда не встречали их на земле, в своей степи?

Мужчина коснулся пальцем бинокля, висевшего у меня на шее. Я снял ремешок, и он поднес бинокль к глазам. Причмокнул. Потом порылся за пазухой и показал мне свой. Это был один отпиленный окуляр с поцарапанными, почти матовыми стеклами. Держа оба бинокля в руках, он сделал знак, как бы желая обменяться. Затем со смехом вернул мне мой бинокль, посерьезнел.

— Дам тебе за него трех коней, — произнес он коротко.

Цена была неплохая. Имея трех коней на смену, я мог бы двигаться по пустыне со скоростью грузовой машины. Я никогда не забуду одну встречу поблизости от Улан-Батора. Из долины появился худенький старичок на приземистой крепкой монгольской лошадке. Он пересек дорогу, по которой мы ехали, и поднялся на холм. Десять минут спустя мы увидели старика далеко впереди. Пока догоняли его, он снова свернул на тропинку между холмами и исчез из виду, а минуту спустя его спина снова маячила перед нами на значительном расстоянии.

Как мне сказали, хорошая лошадь может скакать с небольшими перерывами в течение десяти часов, делая по тридцать километров в час. На грузовике в пустыне нам редко удавалось преодолеть больше двухсот пятидесяти километров в сутки.

Набрав в бочки свежей воды из родника, мы отправились дальше по основному сайру котловины, ведущему на запад. Позади остались песчаники Наран-Булака и Цаган-Хуша. Желтоватые, местами светло-пепельные, они образовывали ряды башен и башенок, заостренных ветрами подобно носовой части морских судов. Одна из них была похожа на голову сфинкса.

Эдек за рулем и Зофья рядом с ним — в открытой кабине, остальные разместились в кузове машины, стоя на ящиках с грузом. Брезент был поднят. Приходилось опираться на руки, согнувшись дугой, всем телом сопротивляться крену, встряхиваниям, толчкам. Иногда такая езда продолжалась часами и все-таки никогда нам не надоедала. Без усталости, под палящим солнцем, мы смотрели сощуренными глазами на палево-желтый горизонт и выпуклость земли, незаметно уплывающей вдаль. Желание говорить пропадало. Углубившись в себя, каждый из нас пребывал в каком-то оцепенении, слившись с этим пространством света и теней. Исчезали мысли, заботы, желания. Видимый мир сливался с сознанием и затоплял все, что в нем когда-то было.

Так можно погружаться только в музыку. Мы вслушивались в симфонию пустыни и степи, исполнявшуюся красками песка, неба, контурами скал, султанами пыли.

Скрылся Нэмэгэту и его продолжение — цепь Алтан-Ула. Перед нами раскинулся плоский, раскаленный солнцем край, расплывчатый от зноя, пронизавшего воздух. На этой пустынной плоскости возвышалась одинокая черная пирамида, словно покрытая эмалью. Впереди нас, разбегаясь во все стороны, мчались джейраны, едва касаясь земли, мелькая белыми задами. Вдали обрисовалась темная полоска, откос какой-то возвышенности. Машина ползла зигзагами между холмами по направлению к ней, плоским носом пробивая заросли саксаула.

Хэрмин-Цав — платформа, поднятая над равниной. Она засыпана черным гравием и вылущена внутри в виде полукруглого амфитеатра, открытого на запад. С остальных трех сторон эта вмятина не видна, вал из осыпей

скрывает ее от мира. Мы минуем гребень, и перед нами открывается впадина, подобная перламутровой раковине, переливающейся кармином и всеми оттенками розового цвета. У входа в нее сторожами стоят красные вышки, в глубь амфитеатра ведут два ряда «индийских храмов», соединенных причудливыми «карнизами» всех размеров, переброшенными с одной громады на другую.

Мы въезжаем туда — на просторные площади, украшенные иглами и столбами из песчаника, фигурами, похожими на человеческие, усеянные обломками, которые раскалываются под тяжестью «стара», как керамические черепки. В отдалении внезапно возникает зеленое пятно. Сначала нам непонятно, что это: стена, окрашенная минералами, или живая растительность. Машина пытается пробиться к пятну через ухабы, но вскоре упирается в обрыв. Мы спускаемся по куче камней вниз, и нас охватывает полумрак и подвальный холод. На песчаной отмели виднеются стертые следы крупных животных. Осторожно двигаемся по каменному руслу от одного поворота к другому, и вдруг над нашими головами смыкается шелестящий свод из мягких, гибких, как страусовые перья, ветвей тамариска, тихо развевающихся в воздухе при малейшем дуновении ветра.

Ущелье утопает в зарослях, по дну бежит ручеек и исчезает в песке. Вдруг что-то забило в кустах, дрогнули ветви. Мелькнули желтые пятнистые бока и черная полоска спины дикого осла — кулана, и кустарник вновь сомкнулся за умчавшимся животным.

Солнце садилось. Мы разложили спальные мешки возле машины.

Назавтра наметили обследовать как можно больший участок территории. День четвертого июня был знойным с рассвета. Я едва поднялся с матраца, уже истомленный и слабый, как после горячей ванны. Слишком яркий свет заставлял смотреть только вниз, под ноги. Я направился к оползню у северной кромки, совершенно ослепленный, ориентируясь, как насекомое, по светлым и темным пятнам. Добравшись до стены, углубился в тень, ощущая такое облегчение, словно это была холодная вода. Тень вела меня вверх по обрывистой расселине, по каменным глыбам. Опомился у вершины и наконец пришел в себя: кругом пустое пространство. Я стоял на узком гребне над пропастью, ветер бил в глаза. Подо

мною громоздились десятки ярусов, террасы, балконы. Далеко внизу парил орел. Теперь я стал различать формы и краски застывшей от зноя впадины — геологическую запись прошедших времен.

Я опустился на колени и склонился над пропастью. У ее края, впрессованные в каменную плиту, виднелись пластинки карапакса, верхнего панциря черепахи размером с две ладони. Нескольких многоугольников не доставало, ветры и морозы вылутили их. На большей осе она за пределами панциря белела верхушка черепа животного. А может быть, это просто камешек? У меня не было инструментов, чтобы обнажить находку, поэтому я выложил рядом пирамидку из камней.

Сошел на нижний ярус — более древний слой осадочных пород. Здесь песок был смешан с зеленоватым илом, а на скалах виднелась сложная сеть иероглифов, переплетенных, как макароны. Это были следы деятельности червей, обитающих в донном иле. Они сверлят его всем телом, всасывают минеральные вещества, перемешанные с органическими, переваривая последние. Я заметил в песчанике разрезы коротких и широких каналов, как бы норки, наполненных другим материалом. Когда-то они служили укрытиями для рыб или ракообразных, которые те вырыли в дне водоема. Не было сомнения, что здесь восемьдесят миллионов лет назад бурлила жизнь. Я нашел в скале карман, полный хорошо сохранившихся раковин с целыми замками и ясно различимой резьбой со стороны брюшка и со стороны спинки моллюска.

Теперь можно было идти обратно. Долина дышала зноем, как доменная печь огнем. По спине то и дело пробегала дрожь, перед глазами мелькали черные мушки. Температура несколько градусов — и до бочки с водой не дойти.

Остальные члены группы также занимались обследованием местности. До полудня никто не нашел остатков сухопутных животных. Несколько следующих самых жарких часов мы вынуждены были провести, лежа в тени машины, потягивая теплую, отдававшую металлом подсоленную воду. Пытаясь отбить запах, мы смешивали ее с лимонным соком и консервированным компотом. Только в шесть вечера, когда земля немного остыла и перестала жечь ноги сквозь подошвы башмаков, выбрались наконец из тени.

Целью взобрались на холмы, засыпанные странными глыбами, похожими на куски шлака из гигантской печи, — спекшиеся обломки. На первый взгляд они казались полами. Спустя несколько минут кто-то крикнул, что нашел кусок кости. Такие же сообщения стали поступать со всех концов поля. Песчаник был темный, как бы посеревший или загрязненный. Мы переворачивали глыбы, чтобы осмотреть их снизу, разбирали холмики из камней. И когда истекло время, необходимое для того, чтобы «пристреляться» к этому месту, мы один за другим стали различать фрагменты скелетов. Трудно было определить, кому они принадлежали, пока Тереса не притащила крупную беловатую глыбу. Даже издали можно было узнать череп протоцератопса с челюстями в форме высокого клюва.

Мы по-настоящему оценили находку только после того, как Зофья и Тереса более детально обследовали череп и пришли к выводу, что мы имеем дело с новым, неизвестным ранее видом этих динозавров, представители которого меньше размерами, чем протоцератопсы, реконструированные по находкам в Баин-Дзаке.

Солнце заходило, уже не грея, и обливало холм огненно-красным светом. Камни отбрасывали длинные тени. Склоненные фигуры выбирали из россыпей все новые черепа и кусочки скелета, поддающиеся описанию. На этой самой территории обитало стадо протоцератопсов, отделенное от нас бездной времени. На песчаном грунте среди озер, а может быть, в извилинах реки, они паслись в кустах, обрывая листья и побеги. Несколько десятков, а возможно, и несколько сот этих животных. Их небольшие размеры (полная их длина не превышала полутора метров) позволяли прокормиться всему отряду на общей территории. Объединение в стадо давало им хорошую защиту.

При ходьбе они опирались на четыре ноги, хотя передние конечности у них были чуть короче — наследство, доставшееся от предков, бегавших на двух задних конечностях. Протоцератопсы отошли от подобного способа передвижения скорее всего вследствие развития черепа. Его длина достигала почти трех четвертей длины туловища. Своеобразный воротник еще больше увеличивал его размеры. Воротник был похож на широкий диск, возвышавшийся над шеей и спиной. Диск представлял

словно как бы два костяных обруча, обтянутых кожей. Это приспособление сначала служило для крепления мощных мышц шеи и челюстей. Со временем воротник расширился и стал выполнять роль щита, прикрывавшего шею, которая легко подвергалась повреждениям.

Наиболее своеобразная черта протоцератопса состоит в том, что передняя часть его черепа сформировалась в виде высокого сплющенного клюва, напоминающего клюв чудовищного попугая. Вероятно, он был покрыт роговой оболочкой. У взрослых особей на носовых костях клюва находится явно выраженная выпуклость. Это самый первый зачаток различной формы рогов, которыми впоследствии были вооружены потомки протоцератопсов — цератопсы, динозавры рогатые.

Протоцератопсы, эти карлики, принадлежащие к могучему роду рогатых динозавров, обладали самыми крупными головами относительно размеров тела. Они шарляли в густых зарослях, отсекая ветви острыми зубами, похожими на маленькие раковинки. Если они жили на песчаных территориях — а на это указывают многие признаки, — то клювы могли служить им для выкалывания корневищ растений, покрывавших дюны. Такие корневища образуют густые сплетения влажных питательных корешков под верхним слоем песка.

Они далеко разбредались по обширному пастбищу, но, если из-за холма внезапно выскакивал хищник, довольно проворно убегали. Протоцератопсы способны были делать крутые повороты, чтобы уйти от погони и успеть присоединиться к стаду. Кто знает, может быть, сбившись вместе, при взаимной поддержке, они даже пытались отогнать хищника, угрожая ему открытыми клювами и шипением. Взрослый протоцератопс с его роговыми челюстями, загнутыми, как острые крючья, вероятно, был достаточно грозен для любого животного таких же габаритов.

Самка выгребала в теплом песке углубления, чтобы отложить в них продолговатые яйца четырнадцати сантиметров в длину. Она складывала их двумя-тремя концентрическими кругами. В кладке случалось до двадцати яиц. Засыпанные песком, они пребывали в укрытии вплоть до благополучного вылупливания детенышей. Однако это бывало далеко не всегда. Яйца могло смыть ливнем, или они становились добычей других динозав-

ров, которые шныряли поблизости. Как знать, возможно, до них добирались и млекопитающие, хотя и были размерами меньше яиц, но все же вполне способны проколоть скорлупку острыми зубами и выпить содержимое.

Если же не происходило ничего страшного, то спустя некоторое время выглаженный ветром песок начал шевелиться, подниматься, осыпаться. Из-под него выползали существа в несколько сантиметров длиной, с треугольными головами, облепленные песчинками, осколками скорлупы, ослепленные светом. Те, что находились во внутреннем круге, немного отползали, чтобы дать место следующим, вероятно, они вылуплялись с некоторым перерывом во времени. Детеныши обсушивались, пробовали свои мышцы, открывали и закрывали маленькие пасти, выгибали хвосты, делали первые шаги, привыкая к своему телу. Через несколько минут они уже были способны самостоятельно питаться. Основная информация о том, что и как делать, поступала к ним через гены родителей. Остальное приносил опыт — тем, кто переживал первый, самый трудный период до значительного изменения в размерах. А пока они оставались легкой добычей для других плотоядных хищников. Вблизи вод им угрожали крокодилы. На открытом пространстве — двуногие проворные динозавры метрового роста, велоцирапторы, на бегу внезапно нападавшие на свою жертву, подхватывая ее передними лапами с гибкими пальцами и острыми когтями. Не исключено, что молодые протоцератопсы искали защиты в стаде взрослых. Тогда им легче было избежать внезапного нападения. Получив своеобразное предупреждение об опасности, они могли притаиться под кустом, в тени, в то время как взрослые особи отвлекали на себя внимание хищников.

Над «полем протоцератопсов» опустилась душная жаркая ночь. Я лежал и не видел ничего, кроме освещенной звездами бездны над собой. Меня разбудил шум ветра. Он гудел среди башен останцев, как в корабельных мачтах.

Двумя днями позже мы начали обследование очищенных от камней и песка плит у въезда в Хэрмин-Цав, под красными столбами. Они торчали кверху, как многоярусные заготовки для скульптуры — обтесанные, но не

законченные. Над ними дымкой поднимался оранжевый свет, словно кто-то подсвечивал их рефлектором.

Войтек первый отыскал среди камней более десятка яиц рептилий, похожих по величине на перепелиные, с хорошо сохранившейся скорлупой.

Сначала нам показалось, что это черепаши яйца. Минуту спустя Тереса позвала нас, чтобы показать череп ящерицы размеров игуаны. Сросшиеся с прочной скалой слегка раскрытые челюсти обнажали два ряда целых мелких зубов с тремя выростами, покрытых блестящей эмалью. Вскоре и Зофья нашла такую же, только не в стене, а в грунте; верхняя челюсть черепа выступала поверх горизонтальной каменной плиты. Я стал вырывать вокруг нее ложбинку, чтобы отделить вместе с куском скалы. Зофья пропитывала череп клеем, а Тереса и остальные отправились в горы. После нескольких ударов молотка вслед за черепом стали обнажаться другие части скелета, и вот уже перед нами весь скелет ящерицы длиной в шестьдесят сантиметров. В легком изгибе выстыли позвоночник и хвост, четыре ноги с изящными, расставленными в стороны пальцами. Казалось, что животное прикорнуло на солнцепеке и больше не проснулось.

В это время откуда-то примчалась Тереса, и уже издали было видно, что она осторожно несет что-то в вытянутой руке. Опустившись на колени рядом с нами и не говоря ни слова, она подала Зофье обломок скалы величиной с лимон. Мы несколько секунд всматривались в добычу, стараясь понять, что так взволновало Тересу. Может быть, здесь кусочек черепа млекопитающего, а то и весь череп? Зофья повернула в руке находку, и тогда я понял. Весь этот камень представлял собой череп. Белела обнаженная черепная кость с ярко выраженными швами, сбоку прорисовывалась нижняя челюсть с мощными резцами, загнутыми в форме сабли, покрытыми желтой эмалью. Типичный череп многобугорчатого млекопитающего — мультитуберкулата. Но каких размеров! Почти с кролика! Таких мы еще не видели в Гоби.

Череп — восьми сантиметров в длину. Зубы нижней и верхней челюстей плотно сжаты в положении прикуса. Здесь, на месте, не разделив их, мы не в состоянии были проверить число бугорков на зубах. Если бы их было больше, чем на зубах многобугорчатых из Баин-Дзака,

это могло бы служить доказательством того, что осадочные породы Хэрмин-Цава более молодые, чем породы Баин-Дзака. Разъединить челюсти в лагере было невозможно, это требовало тщательной лабораторной работы, которая могла быть выполнена только в Варшаве. И все-таки сам размер черепа служил косвенным показателем молодости пород. В процессе эволюции этих млекопитающих с течением времени они начали увеличиваться в размерах. Для окончательного вывода нужны были еще хотя бы несколько экземпляров.

Строение черепа мультитуберкулата обнаруживало такое поразительное сходство с устройством черепов современных грызунов, что, казалось, путем простого сравнения можно было бы восстановить картину образа жизни этого древнейшего млекопитающего, хотя грызуны не являются потомками мультитуберкулатов, ветвь которых угасла в третичном периоде. Сходство анатомического строения говорит о том, что и жизненные потребности, а также климат и окружение были одинаковыми.

Млекопитающие из Хэрмин-Цава могли обитать в зарослях и кустарнике на берегах здешних рек и озер, выкапывали в чащобе норки, кормились по ночам, спасаясь от жары и хищников. Они были покрыты шерстью, а строением тела и конечностей скорее напоминали крупную крысу, чем кролика, у которого задние лапы приспособлены к длинным прыжкам. Они питались травой или листьями. Из наблюдений Зофьи следует, что детеныши мультитуберкулатов, так же как и современные нам детеныши сумчатых, проходили период созревания в брюшной сумке самки. Наиболее грозными противниками млекопитающих были небольшие мощные динозавры размером с индюка или кенгуру, а поблизости от воды — крокодилы.

Система терморегуляции травоядных мультитуберкулатов, как и насекомоядных млекопитающих, в тот период была еще несовершенна. Благодаря постоянной температуре тела (недавнее достижение в их развитии), они не реагировали на охлаждение воздуха, однако полагают, что они все еще испытывали затруднения при необходимости охлаждения тела. У них еще не было потовых желез, а также механизма выделения тепла посредством глубокой вентиляции легких с помощью дыхания. Вынужденные передвигаться в жарком клима-

те, особенно днем, они перегревались, утрачивали способность к обороне или бегству. Именно в этом следует усматривать причину, по которой в течение нескольких доисторических эпох эти животные не увеличивались в размерах: небольшому по объему телу легче было освободиться от избытка тепла. Возможно, как раз поэтому и течение всего третичного, юрского и мелового периодов млекопитающие занимали необычайно скромное по сравнению с динозаврами место в животном мире. Правда, система терморегуляции позволила им развить нервную систему и ускорить сложные физиологические процессы. Однако динозавры, не менее ловкие в движениях, достигали больших, даже гигантских, размеров и целиком овладели средой обитания, оставив млекопитающим лишь немногочисленные экологические ниши.

Динозавры не испытывали трудностей при освобождении от избыточного тепла. У них не было изолирующего покрова — оперения, шерсти и, скорее всего, жировой прослойки. Они имели сравнительно тонкую, иногда покрытую чешуями или костными пластинами кожу. Подвижные, легко охлаждавшиеся даже в очень жарком климате, они царили на всех континентах Земли. Преобладание динозавров послужило причиной тому, что млекопитающие не смогли распространиться на другие жизненные территории, развить новые формы, приспособленные к обитанию в различной среде, и конкурировать с динозаврами в овладении пастбищами и местами для охоты. Необходим был необъяснимый катаклизм, который пронесся над планетой, смет динозавров с лица Земли и без вреда прошел над головами млекопитающих, чтобы они могли воцариться повсюду.

Пелена белых туч заволокла небо. В воздухе разлился туман. Мы чувствовали себя как в душной, насыщенной влагой теплице. Назойливо жужжали лохматые мухи. Поиски других ископаемых животных вокруг места, где Тереса нашла череп млекопитающего, не увенчались успехом. Кончился запас воды, и после полудня нужно было возвращаться в лагерь.

По дороге спустила крышка, и мы остановились, чтобы поправить поломку и переночевать. Пока снимали колесо, все разговоры только и вертелись вокруг един-

сѣвенного и так прекрасно сохранившегося черепа млекопитающего, который мы везли с собой, упаковав в коробку с ватой. Этой находкой палеонтология определяла новое, одно из немногих в мире место обитания млекопитающих мелового периода.

После оранжерейной дневной духоты наступил чуть теплый, мягкий, безветренный вечер. На бархатных песках там и сям зеленели кусты саксаула. Шлепая ногами, пришли откуда-то верблюды и удалились, оставив на ветвях кустарника клочья шерсти.

Когда наступили глубокие сумерки, я отошел со своим матрасом на несколько десятков шагов и устроился на ночлег. Где-то совсем рядом с шумом взлетела саксауловая сойка, уселась на кончике ветки, запела, позвала кого-то чистым голосом флейты, вспорхнула, показывая свое сизо-кофейное оперение с белыми полумесяцами на крыльях. И песня и полет были частью ничем не нарушаемого безмятежного покоя. Это состояние покоя одинаково ощущали и люди и животные. Я улегся и закрыл глаза. Вокруг остывали пески, угасали последние блики красного света.

Среди ночи я проснулся от запаха саксаула, исходящего от его маслянистого сока и зеленой мякоти. Ветер с шуршанием нес мимо спального мешка кусочки аргала. Долго еще слушал я тоскливое протяжное рыдание верблюдов.

7

Однажды мы вспомнили, что в прошлом году в «сайре с пещерой» Веслав Мачек нашел, как ему показалось, черепаху. Где-то высоко в стене торчал беловатый контур в форме эллипса, похожий на срез панциря. Экспедиция уже свертывалась перед отъездом на родину, и на более подробное обследование не оставалось времени. Черепаха должна была быть огромной, так как овальный контур, по мнению Веслава, был больше одного метра диаметром.

Теперь мы начали его искать. Я взобрался на узкий гребень между двумя расселинами и в бинокль рассматривал окрестные стены. На кости не было и намека. Внимание ослабло, мысли стали разбегаться. Я глубоко осознал вдруг, что передо мной земля, лишенная расти-

тельности, словно впервые сделал это открытие. Ничем не оскверненная поверхность — именно в этом состояло великолепие здешнего пейзажа. Это была чистая, облагороженная пустыня, по сравнению с которой растительность казалась чем-то заурядным, зеленый цвет — банальным. Здесь обнаженные скалы были выдержаны в настоящих тонах, пески — серые, горы и холмы — в гамме хрома и красного. Небо сливалось с землей, становясь с ее продолжением, тень от тучи ползла по пустыне. Мчались столбы песчаных вихрей, над ними сверху, не достигая земли, пыльной паутиной свисали полосы дождя.

Вечером, стуча зубами от холода, мы собрались в кухонном домике. Вокруг палаток раскинулась застывшая пустыня. В белом свете луны холмы и камни были подобны глыбам льда. Мы единодушно решили, что с мыслями о «черепаше Веслава» придется расстаться, и приступили было к составлению плана второй экспедиции за млекопитающими в Хэрмин-Цав, как вдруг заговорил Балик.

Скупость в рассуждениях и разговорах — ценная черта палеонтолога, но Балик иногда злоупотреблял ею. Он вообще редко вступал в беседу, а если у него была какая-нибудь новость, не спешил сообщить ее. Он пережидал, пока все наговорятся на десяток маловажных тем, и только потом, в момент, когда наступает вдруг всеобщее молчание, выкладывал свою новость таким бесстрастным тоном, будто не придавал ей никакого значения. Так было и на этот раз.

— Мне кажется, — как бы с неохотой произнес он, — я нашел эту черепаху.

Его заявление явно не дошло до сознания присутствующих, поэтому он попытался подкрепить свое сообщение:

— Циприан тоже ее видел.

— Что-то там есть, — протянул Циприан таким тоном, как будто тоже не верил в находку. Он порылся в карманах. — Я тут собрал несколько щитков панциря, они валялись в месте выветривания у подножия скалы. Взгляни, — он протянул Тересе горсть обломков.

— Хм... — раздалось минуту спустя, — панцирные динозавры имеют с черепахами ровно столько общего, что и те и другие относятся к рептилиям... И много там того?

— Много! — уверяли они. — На высоте в скале виден разрез всего тела. Ты думаешь — панцирный?

— Тут и думать нечего! — воскликнула Тереса. — Вы только посмотрите на эти шипы... Есть панцирный!

На следующее утро Ендрек вытаскивал из-под брезентового навеса нашего склада доски, гвозди, веревки, лопаты и кайла, необходимые для работ по извлечению «черепahi». Он проделывал это с выражением грустного самоотречения на лице, которое выступало у него каждый раз, как только он приближался к этой куче ящиков с инструментами, баков с гипсом, тюков древесной шерсти, банок с различными клеями. При распределении обязанностей в экспедиции мы поручили заведовать складом тому, кто был меньше всех способен отказаться от этого, — самому молодому члену группы. Ендрек был еще студентом, но того редкого типа, о котором задолго до защиты диплома известно, что он всю жизнь будет заниматься научной работой. В соответствии с этим он был рассеян и непрактичен, как пресловутый ученый из анекдотов. Если ему случалось задать мне вопрос чисто технического свойства, он произносил его извиняющимся тоном, полным сожаления о том, что он отвлекает меня от дел, да и сам занимается такими малоинтересными предметами, как гипс и лопаты. Мы вознаграждали себя во время вечерних дискуссий на темы о печальном будущем человечества в нашем убийственном мире, в которых, кроме нас двоих, никто не участвовал.

Мы добирались до «сайра с пещерой» кружной дорогой, удобной для «стара». Скелет находился не в самой стене, а в подпирающем ее останце и был хорошо замечен со дна ущелья на шестиметровой высоте. Он не мог быть полным. Овальный контур обрисовывал разрез панциря, частично уничтоженного эрозией. Но что там находилось еще — передняя или задняя часть туловища, — издали невозможно было определить.

Чтобы добраться до скелета, мы соорудили леса, подобные тем, какие я однажды видел у рабочих-китайцев, штукатуривших дом в Улан-Баторе. Сбили из досок две «виселицы» четырехметровой высоты. На доски, идущие горизонтально, положили настил под самым динозавром, вплотную к стене. Это двуногое сооружение, укрепленное только крестовиной, не вызвало у наших никакого доверия, и мне пришлось первым взобраться на

него, чтобы убедить остальных, что оно вполне надежно. В мгновение ока рядом со мной оказался Войтек, и мы молотками выдолбили в скале гнездовины, укрепив в них доски лесов. Через несколько дней на этих лесах работали по пять человек одновременно. Впрочем, мы сразу же забыли об утлости нашей постройки.

Кости едва проступали сквозь песчаник. Тереса рассмотрела их вблизи и обнаружила крестцовые позвонки и обломок тазовой кости. Виднелся также щиток панциря с мощными шипами. К тому же расположение этих частей уже было нарушено оползнем скального слоя, вызванным дождями. Это тоже исключало возможность заранее определить, что находится в глубине стены — передняя часть скелета или задние конечности. Надо было начинать работу со снятия кровли, верхней части останца, которая двухметровой шапкой лежала на скелете. Мы с Войтеком встали по обеим сторонам на выдолбленных в скале ступенях и начали отбивать скалу. Она была не слишком твердая, ломалась подобно спрессованной соли. Отработанная порода ручьем опадала вниз, засыпая и таким образом укрепляя основание лесов. При этом она размельчалась в порошок, и красные тучи его поднимались с потоком воздуха вверх по стене, поворачиваясь к нам и засыпая глаза. Мы работали, почти ничего не видя от пыли.

Последний слой снимали не кайлами, а маленькими долотами и шпателями. Напряжение росло, мы неотрывно смотрели на уменьшавшийся слой породы. Нам все время приходилось удерживать себя от искушения снять слишком толстый слой, что грозило порчей скелета. До меня едва доходило ощущение острой боли в коленях, упирившихся в неровности скалы.

Наконец показался он. Песчаник стал отходить от желтоватой поверхности с красным налетом. Острие шпателя царапнуло по этому налету и оставило на нем светлый след. Это уже были кости. Первые опознавательные знаки — выпуклости величиной с каштан, расположенные по несколько штук в ряд вдоль предполагаемой оси тела. Вплотную к ним подходили толстые и широкие треугольные шипы, наклоненные вершинами в сторону скалы. Мы обнажали их один за другим по всей длине позвоночника. Растущее напряжение сразу упало, когда мы вдруг не обнаружили очередного позвонка.

Нас постигло разочарование. Очень многие скелеты были неполными, так как отдельные их части легко отрывались течением реки до того, как туловище заносило илом. Тем не менее мы продолжали искать, чтобы полностью удостовериться, и панцирь снова нашелся.

Мы увидели массивную пластину, шершавую и пористую. Так могла выглядеть верхняя черепная кость. Я взглянул на часы и пришел в себя. В лагере наступило время обеда. Потягиваясь, разгибая спины, мы с чувством силы и уверенности в себе сознавали, что нет ничего важнее открытия.

«Стар» выехал из ущелья и, сделав огромную дугу, углубился в узкую горловину, ведущую к спрятанному в скалах лагерю. В этот момент я заметил чужую машину. Она резко вырисовывалась на фоне неба у возвышенного края педимента. На крыше кабины стоял человек и, заслоняя рукой глаза, смотрел вокруг. Это мог быть только Пэрлэ, он искал лагерь. Войтек выскочил из «стара» и побежал к нему напрямик. Пэрлэ заметил его, спрыгнул с крыши, скатился с откоса. Они встретились на бегу, быстро обнялись, после чего Пэрлэ продолжал бежать к нашей машине, а Войтек — к его, чтобы показать Сайнбилигу дорогу в лагерь.

Мы получили письма из дому и газеты двухнедельной давности. Не забыл Пэрлэ и о свежем хлебе. Но к концу обеда за грушевым компотом разговоры снова вернулись к «панцирному». Мы быстро поели, почитали письма и, несмотря на зной и жар, бьющий от песков, снова сели в машину.

Последний обнаженный нами костный щиток оказался не цельным, как нам представлялось при первом осмотре. Под песком обнажилась толстая кость, состоящая из четырехугольных выпуклостей, похожая на плитку шоколада. Работая иглой и кисточкой, Тереса продолжала очищать эту часть скелета, остальные стали расширять очищенную раньше полосу вдоль позвоночника. Около девятнадцати часов Тереса освободила боковую часть черепа с глазной впадиной и носовое отверстие. Несколько минут спустя показалась нижняя челюсть. Мы отбежали, чтобы с расстояния увидеть ее кремовую поверхность с еще не очищенными деталями. Казалось, перед нами покоится не скелет, а целое животное, сохранившееся в том виде, в каком восемьдесят миллионов

лет назад оно бродило по этому краю. Верхняя часть черепа имела форму трапеции с двумя шипами, похожими на упиленные рога, чуть отклоненные сзади. За черепом можно было видеть панцирь, как бы уложенный поперек, которые охватывали все тело, как кольца, тщательно подогнанные одно к другому, вооруженные шипами, шишками, наростами.

Стало очень холодно, потемнело.

— Хотелось бы мне знать, — произнес я, стуча зубами, — каким образом это сухопутное животное оказалось в реке?

— Оно определенно не могло быть унесено полкой водой, — заявил Томек. — По характеру осадков видно, что течение здесь было слабое, дно мелкое. Такой гигант не в состоянии проплыть здесь.

— А если сильное наводнение?

— Сомнительно. Течения и водовороты паводка должны были оставить следы в осадочных породах, в них встречались бы более грубые наносы, скопления гравия, и не только этот песок. Он же не крупнее сахарного.

— Похоже на то, что животное само вошло в воду, — сказала Тереса. — Возможно, оно пыталось перейти реку по мелководью, но завязло в мягком илистом дне, которое не выдержало тяжести его тела.

Тересе, работавшей над этой группой пресмыкающихся, сразу бросилось в глаза, что прежние реконструкции панциря, которые производились посредством составления отдельных разрозненных щитков, не соответствовали его истинному виду во многих деталях. Шишковые наросты с боков панциря в действительности были направлены вперед, а не назад, как их располагали в лаборатории. Однако нам не суждено было узнать строения и цвета кожи, обтягивавшей некогда панцирь, а сейчас абсолютно не сохранившейся.

Опустилась тьма, и нам пришлось расстаться с чудовищем. В лагере было решено ознаменовать открытие торжественным ужином и бутылкой рябиновки. Стало так холодно, что мы развели костер в кухонном сарайчике на песке и грелись у огня, подкладывая в него веточки душистого арца, которые собрал Янек. Пэрлэ сообщил, что власти сомона готовы бесплатно предоставить нам юрту. Единственно, о чем они просили, это о двух мешках гипса — для скульптуры в честь пятидеся-

тилетия Республики. Было всего шесть градусов. Луна белая, как солнце, светящее сквозь матовое стекло. Из-за горной цепи по темному небу валами надвигались на лагерь еще более темные тучи.

В воскресенье мы совершили вылазку в горы. Из лагеря отправились в восемь утра на «старе» и за час проехали по дну котловины двадцать километров. Ближе к центру поверхность была гладкая; чем выше по склону, тем крупнее камни, покрывающие его. Нэмэгэту под прозрачным небом казался то черным, то синим, склоны ровными валами вырастали из основания горной цепи. Местами их пересекали долины, словно парадные ворота в страну гор. Мы вошли в одно из ущелий по гравию, нанесенному сезонными водами. Прямо над нами, на скале, внезапно появились козероги с саблевидными рогами, заброшенными в виде лука назад до половины спины и снабженными кольцеобразными утолщениями. Мы стали карабкаться вверх, чтобы настичь животных, скрытых базальтовыми скалами. Однако, несмотря на то что ветер дул в нашу сторону и животные не казались встревоженными, они удерживали постоянную дистанцию, отходя к обрыву.

Тереса, Эдек и я взобрались на высокие островерхие, покрытые короткой травой горы. Они составляли хребет горной цепи, с двух сторон ограниченный скалами. Над травяными полями поднималось еще несколько одиноких скалистых вершин. С высоты двух тысяч четырехсот метров над уровнем моря мы заглянули за Нэмэгэту, в уголок, именуемый Ширэгин-Гашун. Там была пустыня, мглистая, размытая, палевая, рассеченная сайрами, расплывчатыми, как полосы акварели на мокрой бумаге. Мы видели голову песчаной бури, несущейся вдали, и одинокие смерчи на равнинах, медлительные, ленивые, стоящие между небом и землей. Там все было размыто, лишено четких контуров. Мир предметов, не отделенных друг от друга, неуловимо переливающихся в иной мир материи, расплавленной в зное, трепещущей, иногда сгустившейся в какую-то форму лишь для того, чтобы вновь расплыться.

Травяные просторы раскинулись на многие километры. Изредка пробегали между камнями лисы, столбиками стояли, посвистывая, у своих норок грызуны. Здесь они были собраны в небольшие колонии. Из-под ног

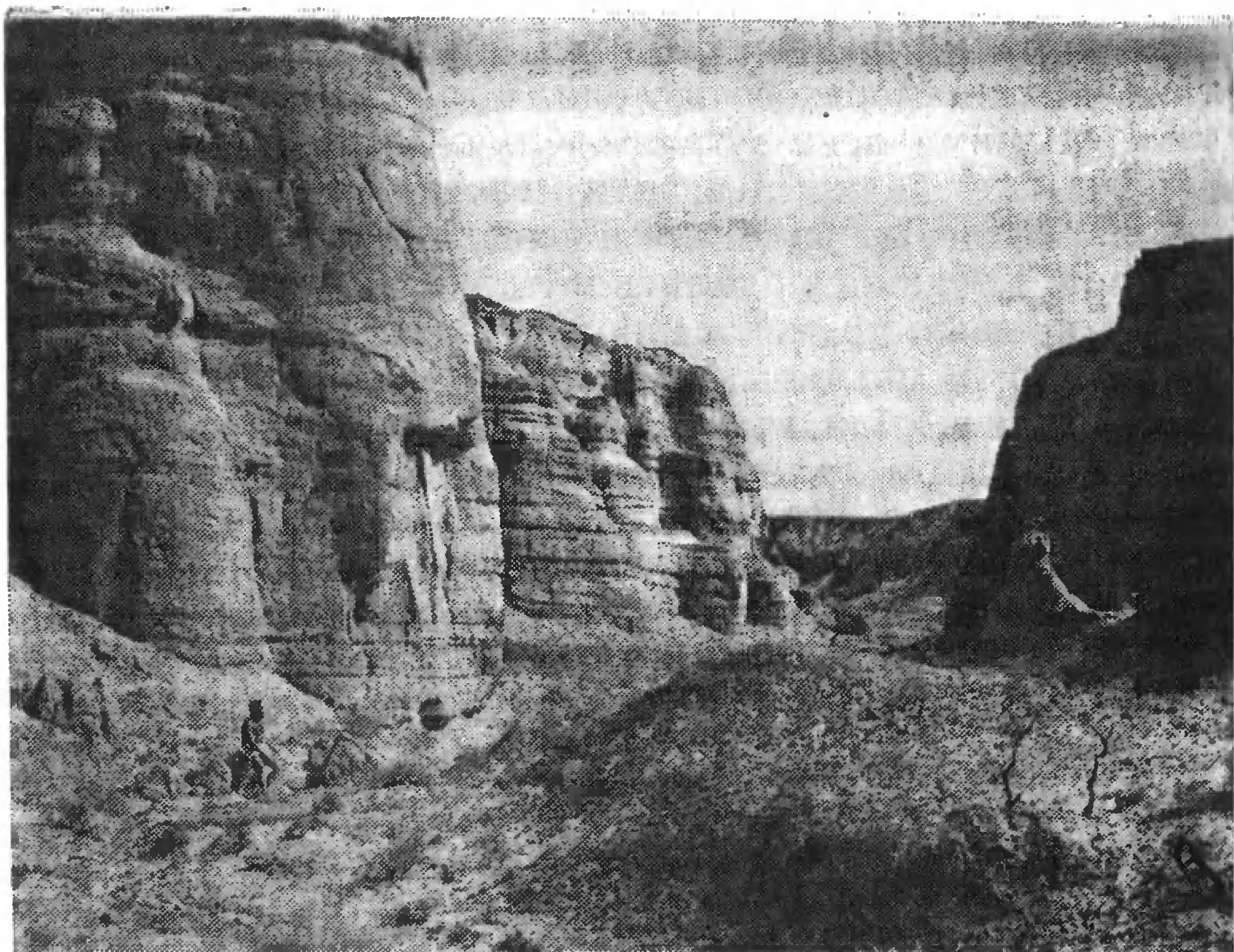
испархивали крошечные певчие птички. На перевале наткнулись на мертвого кулана. Стрекошущая саранча тучами поднималась из травы. Стуча крыльями о жесткие поднятые надкрылья, эти маленькие сверкающие белые пропеллеры пролетали в воздушной струе несколько метров. Когда же садились и складывали сапфировые внутри крылья, то мгновенно исчезали из виду, становясь серыми и пятнистыми, как высохшая земля.

Мы уселись отдохнуть в выемке, где благоухал арц. Или собранный в траве лук-резанец и головки дикого стенового чеснока. Далеко за полдень сошли вниз по крутому склону расселины, по уступам и сбросам, по угольно-черным стенам. Расселины были покрыты травами, источающими запахи шалфея, перца и какие-то еще незнакомые ароматы. Трепетала на ветру листва густого кустарника. На уступах скал валялись сухие прутья да черепа козерогов, присыпанные щебнем. Ущелье привело в широкую долину. Мы спугнули серых крупных, как индюшки, куропаток — те переполошились, раскудахтались, окружили стайку цыплят, уводя их от опасности. Малыши покатались по траве, словно клубочки пуха.

Возвращались переполненные этим миром, пронизанные светом вершин, пропитанные их запахами. Я чувствовал себя настолько свободным от всего, чем жил раньше, что, вернувшись в долину, вне всякого сомнения, способен был слиться с любой культурой — носить бурнус, деревянные сандалии, сидеть на пятках в мечети, а может быть, надеть перуанское пончо, платок из шерсти альпаки, попивать кукурузное пиво, пасти лам.

Вероятно, Нэмэгэту — одно из мест, которое выбирали святые и пророки, чтобы искать очищения и просветления в этой пустыне. Именно просветления, озарения, потому что это место непригодно для глубоких размышлений. Здесь надо совсем немного времени, чтобы мысли угасли, а память поблекла. Остается лишь то, что перед глазами: выпуклая поверхность планеты, океан воздуха, а по ночам — Галактика. И только они питают сознание.

Последующие дни с раннего утра до позднего вечера мы возились с «панцирным», единодушно считая его одним из интереснейших экземпляров всех наших экспедиций. Он затмил на несколько дней другие находки

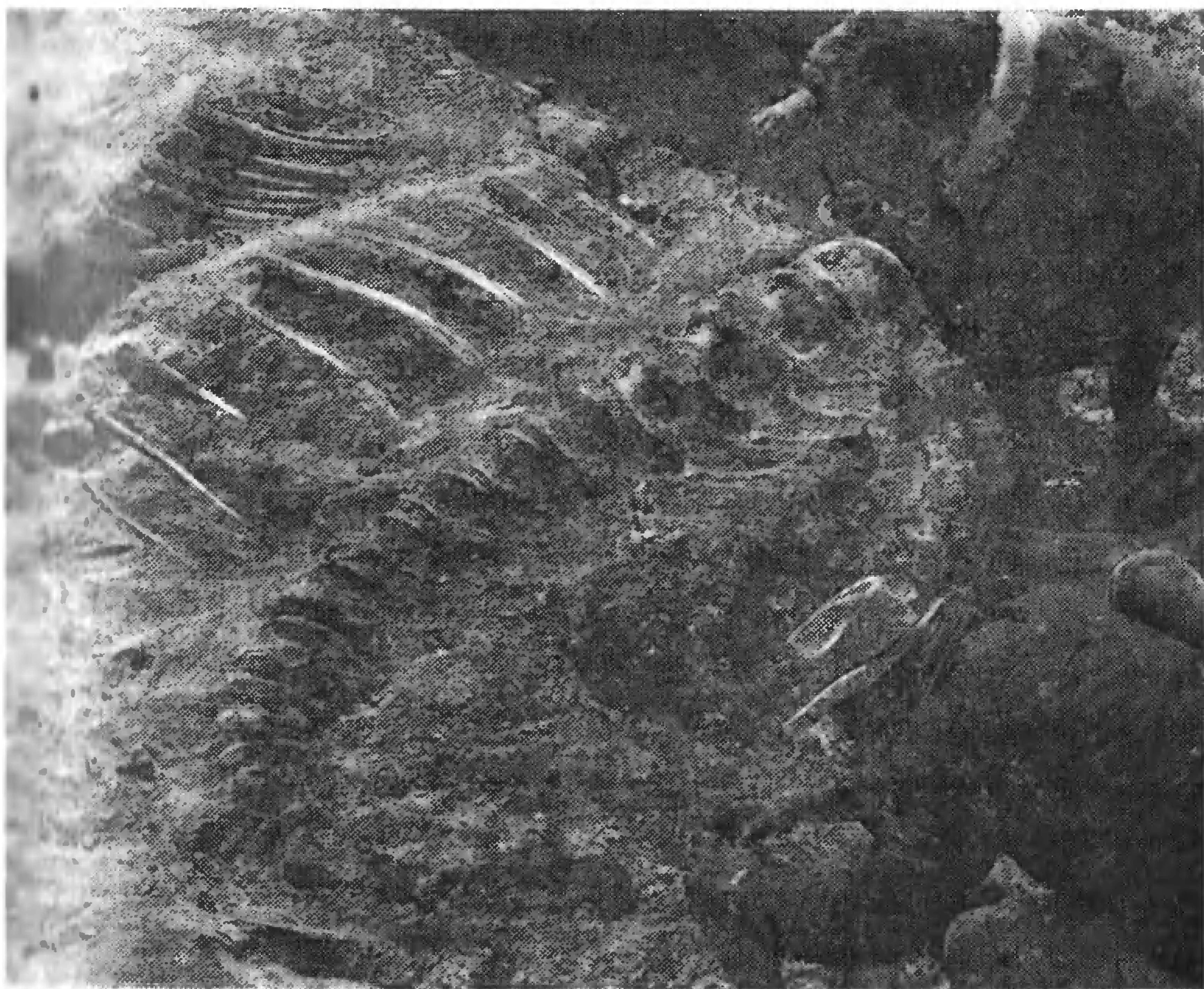

«Стены» Нэмэгэтинской впадины, изваянные эрозией в песчаниках мелового периода

остатков млекопитающих, хотя поиски их продолжались, и каждый день приносил один, а то и два экземпляра.

Когда череп «панцирного» был целиком освобожден от породы, он оказался таким же огромным, как бронзовые головы драконов, стерегущих вход в храмы Улан-Батора. Его оборонное назначение было очевидно. Разросшиеся толстые кости защищали скрытую под этой глыбой маленькую нижнюю челюсть с миниатюрными зубками. Они заслуживают именно такого определения — уменьшенный вариант резных раковинок пятимиллиметрового диаметра. Небольшие глазные впадины, накрытые костными буграми, были похожи на смотровые щели в броне танка. Трудно представить себе хищника, способного укусить такую голову.

Мы обнажали все новые щитки панциря, предохраняющего бока животного, наблюдали, как меняется форма наростов, делающих панцирь более мощным. Некоторые из них имели форму пирамидок, окруженных у основания

Расчистка скелета динозавра.

кольцом шарообразных утолщений. Щитки складывались в кольца, опоясывающие туловище и заходящие одно за другое; при этом они, обеспечивая свободу движений и возможность роста тела животного, не срослись друг с другом. Мы отметили, что со стороны брюха щитки были тоньше и прирастали к ребрам. Кроме того, нами было найдено в песке много костных наростов неправильной формы, не связанных со скелетом, похожих на застывшие капли воска, вылитого в воду. Вероятно, они росли прямо из кожи динозавра и служили дополнением к основному панцирю, а когда кожа погибшего животного разложилась, погрузились в осадочные породы.

По нашим расчетам, динозавр имел не менее пяти метров в длину вместе с задней частью туловища и хвостом, которые, к сожалению, не сохранились. Это была взрослая особь с развитой способностью обороняться от хищников, наверняка имевшая на своем счету множест-

во успешно отбитых атак. Однако молодые панцирные динозавры, которые еще не достигли таких размеров и такой толщины панциря, часто становились жертвами тарбозавров. Ведь взрослый тарбозавр, самый крупный сухопутный хищник, достигал четырнадцати метров в длину, а голову мог поднять на шесть метров над землей! Он передвигался в полупрямом положении на мощных задних ногах, тогда как его передние конечности были маленькими и слабыми. Судя по скелетам тарбозавров, которые мы нашли до этого в котловине, они представляли собой значительную угрозу для травоядных.

Череп «панцирного» был слегка сдвинут по отношению к остальному скелету, и его ничего не стоило отделить. Удалив песчаник между черепом и первым кольцом панциря, мы вынули два шейных позвонка, и теперь стало возможным обить череп досками, сделав ящик, и залить его гипсом. Затем этот монолит весом в полтонны предстояло спустить со скалы. Тем временем мы составили документацию в фотографиях и рисунках освобожденного от породы скелета и опять начали готовиться к выезду в Хэрмин-Цав.

Вечером в лагере занимались «борьбой». Темнота наступила рано — полевая работа стала невозможной. И вот при свете костра Пэрлэ боролся с Самбу, а потом мы с ними. Победа в этих состязаниях доставалась им довольно легко, так как каждый монгол с раннего детства тренировался в различных приемах этой борьбы.

Я мало знаю зрелищ столь же впечатляющих, как состязания по борьбе, которые я видел на стадионе в Далан-Дзадгаде в 1963 году в день национального праздника. Под клубящимися сине-фиолетовыми тучами стояли на ветру широкоплечие с выпуклыми животами борцы, широко расставив кривоватые ноги, похожие на столбы, согнувшиеся под тяжестью тел. Ветер трепал за их спинами розовые шлейфы одежд, блестела натянутая на мускулах кожа, смазанная маслом. Стадион гремел, когда сходились в схватке пары, раздавались глухие стоны, грохали тяжелые сапоги с загнутыми сверху носками.

Утром одиннадцатого июня, в пятницу, я отснял на пленку работы по выемке «панцирного», а в десять тридцать сел в «стар», где меня ждали Зофья, Анджей, Ендрек, Пэрлэ и Эдвард. Мы во второй раз отправились в Хэрмин-Цав. Однако теперь не стали въезжать в лабиринт выщербленных в скалах сайров, а кружили вокруг плоскогорья, ведя поиски у откосов с южной стороны.

Здесь мне пришлось быть свидетелем находки одного из самых диковинных черепов Гоби. За несколько дней до этого нам попались голова-шлем, или голова-таран, пахицефалозавра, клювы и воротники протоцератопсов, но на этот раз перед нами предстала голова — щипцы для орехов. Мы копошились среди каменных россыпей и услышали возглас Ендрека: «Вот так чудо!», который в мгновение ока собрал нас вокруг него.

Он держал в руке череп, половину которого составляли беззубые челюсти. Когда я рассмотрел их получше, то пришел к выводу, что они, пожалуй, больше напоминают чудовищный газовый ключ для захвата труб. Никто из нас не сомневался, что этот челюстной аппарат приспособлен для раздавливания. Кроме того, животное обладало острым зрением, о чем свидетельствовал значительный диаметр глазных впадин, и хорошо развитым мозгом, заключенным в удлиненной черепной коробке необычайно большого для динозавра объема. Рост животного не превышал одного метра, насколько можно было судить по размерам головы.

Зофья и Тереса без труда установили, что это овираптор, уже известный по прежним находкам в Гоби и описанный несколько лет назад на основе очень плохо сохранившегося неполного черепа. В этом смысле найденный Ендреком экземпляр представлял собой несравненно лучший материал для исследований. К сожалению, до сих пор не были известны остальные части скелета, что серьезно ограничивало возможность каких-либо выводов. Можно было предполагать, что динозавр питался яйцами других пресмыкающихся. Яйца некоторых видов наверняка были сравнительно мягкими, покрытыми кожистой оболочкой, как, например, у современных змей или черепах. Однако, несомненно, существовали и

другие — покрытые твердой известковой скорлупой. Вероятно, именно такие яйца давил своими беззубыми челюстями овираптор.

Подобную гипотезу, так сильно действующую на воображение, можно было бы принять без опаски, если бы не одно «но». Скорлупа яйца должна была быть настолько тонкой, чтобы «птенец» динозавра мог одолеть ее изнутри. А если птенец своей маленькой головкой со слабыми мышцами был в состоянии пробить яйцо, то зачем овираптору такой мощный давящий аппарат, даже если принять во внимание, что разгрызть жесткую скорлупу снаружи гораздо труднее, чем разбивать ее изнутри? Может быть, он питался вовсе не яйцами, а, например, двустворчатými моллюсками, створки которых действительно трудно раздавить, или разгрызал твердые семена? Эти вопросы останутся без ответа, пока новое открытие не прольет на них свет.

Можно было лишь удивляться разнообразию форм челюстей динозавров. Каждый вид пищи, растительной или животной, находил у них своего «специалиста». Следовало ли удивляться тому, что млекопитающие, которые в своей эволюции шли впереди на несколько шагов от динозавров, проиграли в состязании за освоение материковых территорий обитания, потеряв возможность быстрого успеха в дальнейшем развитии? С определенного исторического момента их эволюция была просто-напросто заторможена динозаврами, которые не давали им выйти за пределы, установленные слишком ограниченной средой обитания.

Достаточно сказать, что если бы развитие млекопитающих проходило в соответствии со схемой эволюции других групп животных, человек мог бы появиться на сто десять миллионов лет раньше. Каким был бы тогда мир в наше время?

Вторая поездка в Хэрмин-Цав оправдала и другие наши ожидания: наконец-то мы нашли большое число млекопитающих. Сначала нам попался череп размером с кроличью голову, похожий на тот, который раньше нашла Тереса, потом — мелкие черепа величиной около двух десятков миллиметров, принадлежавшие кроликам мелового периода — насекомоядным и многобугорчатым млекопитающим.

Очередная находка несколько иного рода вынудила

меня вернуться к мысли о челюстном аппарате обвиратора. Необходимо было понять, каким богатым источником питания для них являлись яйца. Сухие песчаные отмели были буквально нашпигованы ими, и это вполне естественно для мира, в котором господствовали яйцекладущие рептилии. Поэтому не было ничего удивительного, что для определенного хищного вида такой корм был основным. Даже не употребляя никакой дополнительной пищи, он мог не опасаться голода.

Однажды вечером мы остановились на ночлег под скалой, похожей на сфинкса. Началась пыльная буря, и можно было наблюдать, как песчинки шлифуют эту скалу, одиноко торчащую среди пустыни. Они ударялись о камень и отскакивали, окутывая сфинкса дымкой. Повернувшись спиной к ветру, я на себе ощутил силу их удара. Пока еще день не угас окончательно, затерянные в буре, мы все-таки пытались что-то искать под ногами. Я заметил яйцо, наклонился и увидел другое. Величиной с перепелиные, с гладкой толстой скорлупой, они треснули лишь настолько, чтобы наполниться илистым осадком.

Поднимаясь вверх по склону в поисках слоя, из которого они высыпались вместе с выветренной россыпью, я набрал их столько, что едва мог унести в обеих руках. Вскоре пришлось сделать для них мешок из рубашки, но нужного мне слоя я так и не нашел, осыпь завалила материнскую скалу. Однако повсюду вокруг валялись сотни осколков и тысячи раздробленных скорлупок. Невозможно было определить, какие животные отложили их: крокодилы, черепахи или некрупные динозавры.

Напрашивался вопрос: по какой причине не вылупились детеныши из такого множества яиц? Проще всего предположить, что кладки были залиты паводком или покрыты слишком толстым слоем осадка. Те яйца, которые были отложены вдали от реки, могли быть засыпаны движущимися песками. Возможно, будущие исследования микроструктуры скорлупы подскажут другой ответ.

Подобным исследованиям были подвергнуты яйца, найденные в южной Франции, из которых динозавры не вылупились. Результаты оказались поразительными. Скорлупки происходили из четырех очередных слоев осадка. Самые молодые — 2,8 мм толщиной, а самые

поздние — только 1,4 мм! А это означало, что они были не в состоянии обеспечить эмбрионы необходимым количеством извести для развития скелета. Таким образом, детеныши не могли из них вылупиться.

Высказывалось предположение, что причиной этого отклонения были гормональные нарушения у самок динозавров, а они, в свою очередь, могли возникнуть из-за чрезмерной скученности популяции. Животным не хватало корма в высыхающем зеленом оазисе, не связанном с другими пастбищами.

Это вполне могло произойти и здесь, на пра-Гоби. Однако данное явление носит обособленный характер, имеющий несомненно лишь местное значение, и не объясняет основной загадки, связанной с динозаврами: причины вымирания группы животных, развивавшихся так успешно на протяжении долгих периодов в жизни планеты.

Там, где вымиранию животных не способствует деятельность человека, причиной их исчезновения служит чаще всего неспособность адаптации к изменившимся условиям. Так пытаются объяснить исчезновение динозавров. Действительно, в меловом периоде условия изменялись, но... Изменения происходили в продолжение всего мела, то есть семидесяти миллионов лет. Горообразовательные процессы выдавили горные цепи, известные современности, возникли цветочные растения — совершенно изменился состав флоры, то есть вид пищи травоядных, и все-таки динозавры прекрасно развивались на этом фоне, и еще никогда в прошлом успехи их развития не были так полны, их доминирующее положение так прочно, как в конце мелового периода. И вот, именно в этот момент они исчезают. Никаких следов этих животных не найдено в более поздних осадках. Что еще было загадочно — ведь после мела подобные условия сохранялись на земле еще какое-то время. Только на этой земле уже не было динозавров. Почему же все-таки не выжили хотя бы некоторые виды? Даже если принять во внимание постепенное понижение температуры в период мела, разделение на климатические пояса, близкие к современным. Но ведь все это длилось чрезвычайно долго, к тому же часть динозавров обитала в такой среде, которой изменения почти не коснулись.

Ссылаются также на конкуренцию между динозавра-

ми и млекопитающими, в которой последние одержали верх, что более чем сомнительно. Млекопитающие, существовавшие в одно время с динозаврами, были крошечных размеров и не составляли слишком многочисленных популяций. Наверное, некоторые из них кормились яйцами динозавров. В естественных условиях подобное обстоятельство может привести, самое большее, к ограничению численности вида, но никак не к полному его исчезновению.

Таким образом, все это дает право думать, что вымирание было процессом сложным, и его нельзя объяснить одной причиной. При этом исчезновение динозавров не было столь внезапным, как кажется нам, смотрящим через призму времени. Скорее всего они исчезли не сразу, а малыми группами, в течение тысяч, а может быть, сотен тысяч лет, на различных территориях, а такие периоды очень трудно определить в геологической записи.

9

Мы вернулись в Хулсан. Большая часть скелета «панцирного» имела уже вид гипсовых монолитов. Последний из них, самый тяжелый, весил почти две тонны и дожидался спуска со стены, с вершины останца. В ходе работ там образовался довольно большой карниз, а внизу под скалой возникла пирамида из размельченной породы. Благодаря этому обрыв стал не так страшен. Да и ящик спускать было не очень трудно. Вопреки всем ожиданиям погрузка его на машину продолжалась каких-нибудь четверть часа, хотя подготовка шла довольно долго.

Мы решили спустить ящик под его собственной тяжестью, надо было только придать ему нужное направление и не допустить излишней скорости спуска, ибо двухтонная махина, падающая с высоты двухэтажного дома, разбила бы грузовик вдребезги. На вершине скальной стены мы вбили два стальных лома, к ним протянули два каната, на которых был закреплен петлей монолит. Соединение канатов было сделано так, что двое людей могли регулировать скорость спуска груза. Чуть сдвинутый с места монолит немного быстрее, чем хотелось бы, соскользнул по двум доскам, как по наклонным

Двухтонный монолит с костями «панцирного» погружают на «стар

рельсам, прямо на машину, выломав при этом доску, но рессоры выдержали удар.

Со спокойной совестью можно было признать, что в Хулсане выбрано все. Кроме наиболее крупных экземпляров, мы имели коллекцию почти из двухсот ящериц, бесчисленное количество яиц различной формы и размеров, несколько земноводных и, самое главное, семьдесят млекопитающих. Собиравшиеся день за днем по одному, по два черепа, они в конце концов составили богатую коллекцию, которая вместе с найденными ранее экземплярами, без сомнения, стала крупнейшим в мире собранием черепов млекопитающих мезозойской эры. Настало время перенести поиски в Алтан-Улу.

Тереса и Войтек устроили прием в честь завершения работ по выемке «панцирного». Был подан ликер из яичного порошка и пряник, испеченный в форме на кост-

ре. Приближалось воскресенье. На кухне дежурили Перлэ и Эдек. Они решили доставить упакованные коллекции и монолиты в Гурван-Тэс, а оттуда привезти козу. Когда она появилась в лагере, любители животных по главе с Войтеком немедленно развернули акцию по спасению ее жизни. При этом они с большим трудом могли обосновать, почему защищают козу, а мясные консервы едят с удовольствием, не говоря уж о рыбных: ведь рыбы — вообще дикие творения. Они также не в состоянии были вразумительно объяснить, что делать с козой — отпустить в пустыню на верную смерть или отправить назад, к хозяину. Тем временем Сайнбилиг, который не понял ни слова из разговора, с остро наточенным ножом отправился за скалу, где в тени было привязано злосчастное животное. Мы приготовили хушууры и пироги с мясом по-польски и на несколько часов погрузились в гастрономические наслаждения.

Двадцать первого июня после завтрака, погрузив оборудование на машины Эдека и Сайнбилига, мы отбыли в Алтан-Улу. Отправились Тереса, Анджей, Войтек, Балик, Самбу и я. Необходимо было найти место для лагеря. Тяжелые машины сползли на дно впадины и двинулись на запад. Вокруг проносились песчаные вихри. У сухого желоба колодца топталось стадо верблюдов, и мы остановились, чтобы напоить их. Они испытывали такую сильную жажду, что, завидя нас, не сдвинулись с места. Когда брызнула вода, все верблюды разом прильнули к бетонному желобу. Я вошел в середину стада. Вблизи верблюды в их летнем убранстве, вернее без него, выглядели бесформенными монстрами, обтянутыми жесткой серой или коричневой кожей, покрытой струпьями и редкой шерстью. Пухлыми мохнатыми губами животные с прихлебом всасывали воду, со свистом дыша в желоб ноздрями, крылья которых после выдоха расслаблялись и глубоко западали.

Напившись, они отряхивали морды, стискивая зубы, и тогда мягкие, как старая резина, губы под собственной тяжестью неимоверно растягивались, словно вот-вот оторвутся от десен. Во все стороны летели капли воды и брызги желто-зеленой травяной жвачки.

Я видел вблизи их раздвоенные копыта величиной с тарелку, раздутые, похожие на клубни колени, и на всем теле: шее, заду, брюхе, между передними ногами —

продолговатые, как земляные орехи, или крупные, со сливу, скопления клещей. Головками, подобными маковым зернам, они впивались в кожу, их тельца были наполнены кровью, словно бурдюки. Я посмотрел под ноги. На вытоптанной земле среди навоза шмыгали худые голодные пустые клещи. Натыкаясь на копыта, они торопливо начинали взбираться вверх.

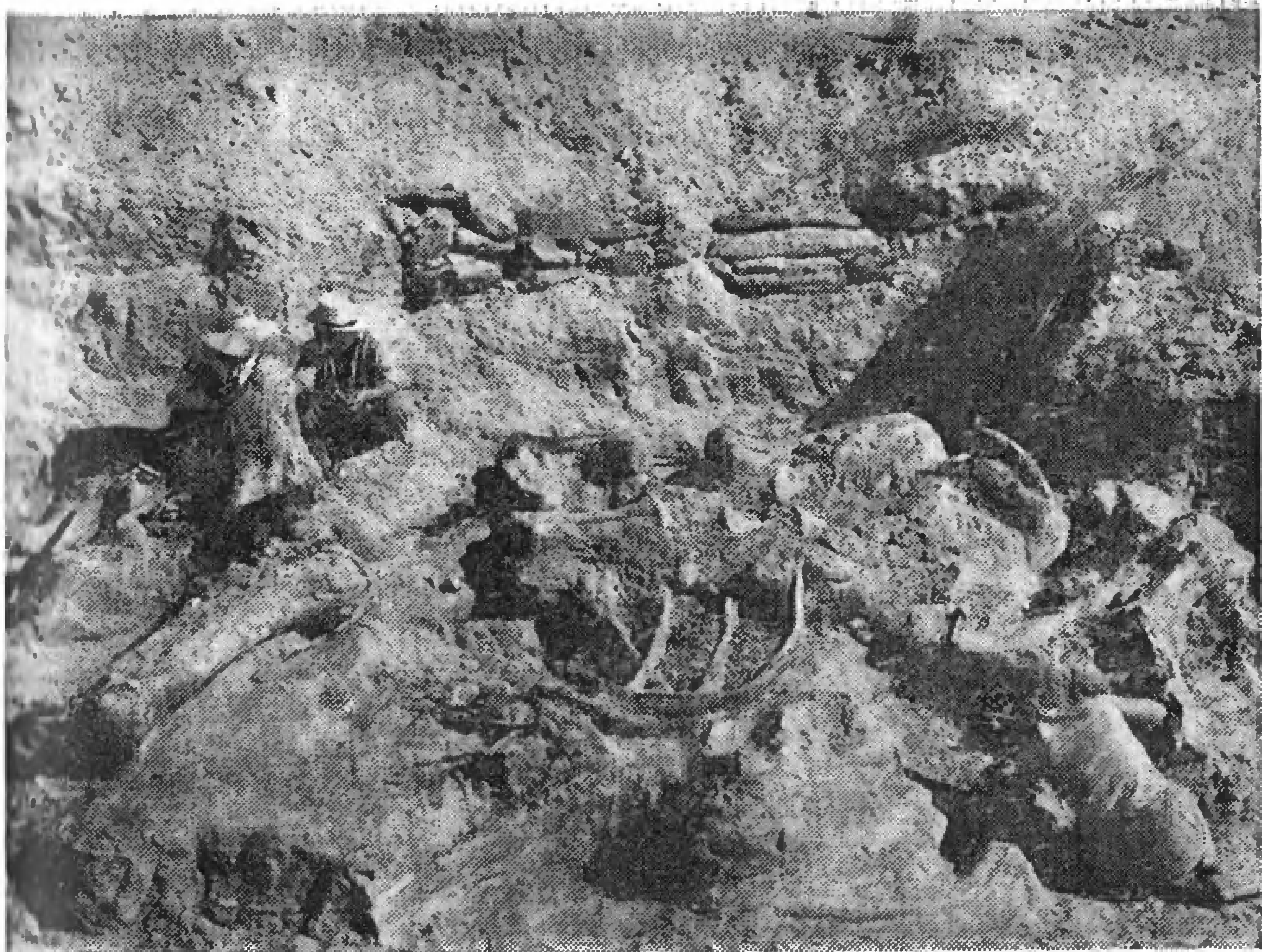
Преодолев тридцать километров дороги, ведущей в Наран-Булак, мы свернули на север и снова поднялись на край впадины, образованной здесь горной цепью Алтан-Ула.

Место для лагеря выбрали в излучине, окаймленной с трех сторон холмами и открытой к югу в сторону впадины. Ночь была тихая, без малейшего дуновения ветерка. Мы хорошо выспались, не спеша позавтракали — Анджей облагодетельствовал нас роскошным кофе, банку которого извлек из своего рюкзака. Почти у каждого из нас хранилось какое-нибудь лакомство, привезенное из дому. Оно обнаружилось лишь в том случае, если сотрапезники способны были должным образом оценить достоинства блюда или напитка.

Предаваясь воспоминаниям, мы прошли несколько сот метров и приблизились к откосу по нашему следу, сохранившемуся с 1965 года, когда мы откопали самый крупный из найденных нами скелетов травоядного динозавра-зауропода. Мы свозили его кости к месту, куда могла добраться машина, приспособив для этого разбитую жестяную бочку, которую тянули на веревке, как сани. Прорытая нами дорога сохранилась до сих пор.

Мы нашли тогда зауропода случайно, когда насыпали пирамиды из камней для обозначения измерительных точек. Рышард Градзиньски составлял топографическую карту местности, а я помогал ему. На одной из высоких террас мы заметили темно-коричневые обломки костей сумчатой структуры. Они были сильно разрушены. Рядом, наполовину засыпанное, лежало что-то похожее на колоду. Мы стали рассматривать ее, приняв за окаменевший ствол дерева, но оказалось, это кость конечности. Весть об этом была принесена нами в отдаленный лагерь. В течение десяти дней мы снимали верхний слой и выкопали невероятное количество мелкого песчаника.

Перед нашими глазами на большой площадке покоился скелет. Его длина составляла почти двадцать

Расчистка скелета зауропода в Алтан-Уле в 1965 г.

метров, голова не сохранилась. В холке динозавр достигал высоты слона. Одни только бедренные кости были полтора метра в длину. Окаменев, они весили по двести килограммов.

То, что я рассматривал тогда, меньше всего напоминало животное. Просто невозможно было вообразить, что это остов, который когда-то держал живое существо. Погруженная в пыль, передо мной лежала инженерная конструкция, созданная из костных элементов в соответствии с принципами, применяемыми при проектировании стрел кранов и пролетов мостов из бетона и стали.

Зауроподы имели самые большие размеры среди сухопутных животных. Более крупные создания не смогли бы передвигаться, поскольку тяжесть тела превышала бы сопротивляемость костей, мышц и связок. Их вес не позволял им делать прыжки, отрывать от земли все четыре конечности. Прыжок с высоты, вдвое превышающей рост, что с легкостью проделывает человек, для зауропода завершился бы гибелью. Его неимоверно утяжеленные конечности со сплошными костями плотной структу-

ры играли роль подпор, несущих силу тяжести вдоль оси. Насколько эта роль важна для скелета, поддерживающего тело, легко себе представить на примере кита: выброшенный на мель, он гибнет. Груда мышц и жира сплющивается, легкие сдавливаются, дыхание останавливается.

Однако задние ноги зауроподов служили не только подпорами, но и ловкими эффективными органами движения, снабженными сложной системой мышц, сетью нервов и кровеносных сосудов. Передние ноги были несколько короче. Каждая пара конечностей соединялась плечевым и тазовым поясами. На этих двух подпорах лежал пролет позвоночника длиной три метра. К нему был подвешен груз мышц всего туловища, а также ребер, охватывающих грудную клетку. Пролет состоял из отдельных элементов, позвонков, сложенных таким образом, что они опирались друг на друга большей частью своих поверхностей.

Позвоночник не оканчивался в области таза, а продолжался за эту опору и уходил в мощный хвост, мягко спадавший на землю. В передней части он тоже несколько опускался вниз, к передним конечностям. Таким образом, позвоночник, выполнявший роль балки, был слегка выгнут кверху. Конструкция этого типа работает так, что в нижней части разреза балки действуют силы натяжения, стягивающие материал, а в верхней — растягивающие. При этом чем выше балка, тем больше подъемная сила, толщина балки имеет второстепенное значение. Именно по этой причине позвонки динозавра имели значительную высоту. Чтобы избежать увеличения собственной тяжести конструкции, округлое тело каждого из позвонков сохранило небольшой диаметр и только выпустило кверху отростки, похожие на палки, которые увеличивали высоту «балки» на добрую четверть метра. Тесно соединенные позвонки, состоявшие из цельной кости, легко переносили сдавливающую силу, сопротивлялись сплющиванию. В то же время в верхней части «балки», там, где возникает растяжение и массивная структура не нужна, действовали сухожилия, натянутые на отростки, беря на себя нагрузки растяжения подобно стальным канатам.

Шея работала по совсем иной схеме: это была балка, имеющая опору лишь с одного конца, так же как стрела

Пэрлэ занят расчисткой бедренной кости зауропода в Алтан-Уле

крана. У нашего зауропода она была вынесена на три метра от опоры. И так же как подъемные краны, снабженные стальным тросом, который приводит их в движение, шея была укреплена мощным сухожилием, проходящим от плечевого пояса до основания черепа. Чтобы обеспечить место сухожилию, каждый отросток шейных позвонков разделился, отклонившись в стороны в форме буквы V и образуя канал, по которому протянулся этот живой трос.

На конце шеи, далеко впереди туловища, находилась костяная коробка черепа — голова. Ее можно было и высоко поднимать над землей и низко опускать, легко поворачивать во все стороны. Голова удивительно маленькая, если принять во внимание ее многоплановое назначение.

Здесь помещалась главная диспетчерская, мозг рептилии. Тут вдыхался воздух и находились датчики, поставляющие сведения из внешней среды: органы осяза-

ния, слуха, зрения. Наконец — жевательный аппарат, пропускавший массы растительной пищи, размельчавший ее, чтобы она могла беспрепятственно продвигаться по змеевидному пищеводу. Кроме того — акустический аппарат, с помощью которого динозавр сотрясал воздух, чтобы заявить местным зауроподам о своем существовании, своем праве на собственную территорию, о своем страхе и желаниях.

Голова зауропода значительно больше лошадиной, но намного меньше, чем у слона или гиппопотама. Относительно же размеров его туловища она поразительно маленькая, при этом ажурная, легкого строения, с большими отверстиями для глаз и челюстных мышц. Для мозга оставалось совсем немного места. Поэтому животное можно себе представить в виде чудовищного автомата, управляемого рефлексами и инстинктами. Удивительно, как зауроподы могли пропитаться, располагая таким незначительным по величине челюстным аппаратом, снабженным к тому же мелкими округлыми зубами. Вероятно, это было возможно благодаря слабому обмену веществ у рептилий. Не обладая постоянной температурой тела, зауроподы потребляли значительно меньше энергии, чем потребляют, например, слоны или киты. Как же при столь скромном питании могли вырасти такие гиганты? Рост требует строительного материала. Рептилии обычно живут подолгу. Кто знает, может быть, зауроподы и не жили по сто или двести лет, но, как все пресмыкающиеся, продолжали расти на протяжении всей жизни. Так что у них было достаточно времени, чтобы постепенно, одно десятилетие за другим, прибавлять в весе. Вероятно, эти найденные нами наиболее крупные особи были в годах.

1

В предпоследний изнурительный знойный день июня я взбирался по откосу, который, казалось, состоял из пепла — такой серой была пустыня в потоках света. Соленая, едкая влага собиралась вокруг глаз, ремешок от часов набряк и пропитался ею, как губка. До обеденного перерыва оставалось еще не меньше часа. В лагере уже стояла юрта, привезенная из сомона, тентистая и прохладная, с подвернутыми стенками. Растянувшись на деревянном полу в холодке, под толстым войлоком, мы отдыхали там, словно в другом климате.

Ветра не было, а мгlistые тучи усиливали парниковую жару. Вверху надо мной раздался голос Войтека. Он высунул голову из-за гряды, разделяющей ущелье. Белая фуражка потемнела от пота, под ней — усталые глаза, но в голосе слышался оттенок оживления.

— Иди сюда! — кричал он. — Я покажу тебе кое-что! Я влез на гору.

— Ты когда-нибудь был здесь?

— Нет, — ответил я, заглядывая вниз с обрыва. — Я не знаю этого ущелья. Что-то не припомню этот свежий цвет...

— Идем? — он сбежал вниз, затормозил на каблуках и сразу же крикнул, склонившись над камнем, большой плоской плитой: — Я нашел орнитомима!

В песчанике виднелся шнур позвонков и тонкие удлиненные кости орнитомима, динозавра, похожего по своему строению на птицу.

Войтек провел пальцем по костям.

— Таз, — перечислял он, — здесь хвостовые позвонки, с другой стороны как бы плечевая кость, а здесь, — он поднял глаза на монолитную стену ущелья, от которой отвалился камень, — эти два кружочка похожи на зад-

ние конечности в разрезе, бедренные кости, значит, голени и стопы могут быть целые — там, глубоко в стене.

— Похоже на то, — отозвался я, — что ты нашел лучший скелет из тех, что попались нам за три дня в Алтан-Уле...

— Посмотрим еще, — оживился Войтек, — пошли дальше по ущелью!

Казалось, жара отступила по этому сигналу: манило новое, неизвестное! Глаза снова обрели способность видеть. Я ощупывал взглядом свекольные стены, кости, разбросанные на дне, в осыпях. Поворот, мы прибавили шаг. Я давно уже так пламенно не искал камни. Этот камешек я заметил издалека, он лежал на дне по продольной оси ущелья, узкий, полукруглый, словно выгнутая дугой спина большой кошки. Я приблизился, ничего не говоря Войтеку, который шел выше по наклонным плитам. Увидел ряд позвонков, погруженных в камень. Это и вправду была спина! Крикнул. Войтек сбежал со склона, и мы встали по обе стороны скелета. Светлые прутья ребер, лежащие на них лопатки, плечевые кости, позвонки со спинными отростками, торчащими, как миниатюрные палицы. Эти отростки сразу позволили определить находку: зауролоф — очень молодая особь, не достигшая зрелости. У взрослых зауролофов, которых уже находили в Гоби, те же отростки достигали метра в длину. Найденный только что скелет по размерам был немногим больше скелета барана.

До полного роста зауролофа ему было далеко — пятнадцать метров по линии позвоночника.

Блок, в котором находился скелет, оторвался от стены и сполз вниз по осыпающемуся склону. Я осмотрел подножие свекольной скалы и нашел торчащую в ней нижнюю челюсть зауролофа, которая снизу была хорошо заметна. Вполне возможно, что позади нее скрывается и остальная череп. Несколько выше тянулись дугой светлые пятнышки, которые мы сочли за ребра, видневшиеся в разрезе.

В ста метрах отсюда ущелье замыкалось осыпями. Мы взобрались на гору. Вдали, на высокой террасе, присела Зофья, работая шпателем и кисточкой над плохо сохранившимся скелетом молодого орнитомима. Анджей и Циприан пытались сложить мелко рассыпавшуюся

бедренную кость крупного динозавра. Они с облегчением приняли весть о новой находке. Все сбежались в незнакомое ущелье, пришли даже двое рабочих, которых Харлэ нанял в сомоне для помощи при земляных работах. Большинство людей отсутствовало, они отправились в очередную вылазку в Хэрмин-Цав.

До сих пор нам попадались лишь отдельные кости зауролофов, не было у нас и его черепа. Находка приобрела еще большую ценность из-за юного возраста зауролофа, так как чаще всего находят стариков, и все знания о зауролофах основаны на исследовании взрослых скелетов. Опираясь на прежние открытия, можно было представить, что эта местность кишела взрослыми зауролофами одинаковых размеров. В действительности же численно должны были преобладать молодые. Для рептилий характерно большое количество производимых на свет детенышей и огромная их смертность в раннем возрасте. Таким образом, в здешних осадках молодых зауролофов должно быть немало. Если же они не сохранились, то, возможно, потому, что их более тонкие скелеты подвергались разложению, не успев окаменеть. Однако это объяснение неубедительно, поскольку более мелкие протоцератопсы сохранились целыми стадами на различных стадиях развития.

Мы отбивали лишние куски скалы и пропитывали кости клеем. Часть камня отпала, словно скорлупа. Мы увидели темную поверхность, как бы присыпанную сажой в форме шариков-горошин. Это была кожа рептилии, не похожая ни на чешуйки, ни на щитки, а скорее на зернистую штукатурку. Зауролофы — единственные среди динозавров, которых находят с остатками кожи. Возможно, это говорит о том, что у них она была более толстой и жесткой, чем у остальных, и могла служить защитой от зубов мелких хищников. В Америке найдено несколько мумий утконосых динозавров, к которым принадлежат и зауролофы. В общей сложности это дало неплохой материал об их образе жизни. Мумифицироваться могут сухопутные животные, тела которых высыхают на солнце в достаточно сухом воздухе. Кожа водных животных, которые гибнут в воде, разлагается, так же как и все мягкие части тела.

Это рассуждение не вызывало бы сомнений, если бы у зауролофов не были обнаружены плавниковые пере-

перепонки между пальцами передних конечностей — приспособление, как нельзя лучше свидетельствующее о том, что водная среда не была для них чуждой. Правда, может быть, одно не противоречит другому? Они могли обитать на суше, пастись в зарослях, а в воде прятаться от хищников, отплывая на глубокие места. Данная гипотеза тем более убедительна, что перепонки на передних конечностях не приспособлены для длительного плавания. В воде больше нужны задние конечности или хвост. Именно они обеспечивают животным скорость передвижения и маневренность. У зауролофа перепонки служили не столько для движения в воде, сколько для того, чтобы придать нужное положение непропорциональному неприспособленному к постоянному пребыванию в водной среде телу. Высокий, сплюснутый хвост зауролофа, способный двигаться из стороны в сторону, вероятно, был органом, обеспечивавшим скорость во время плавания.

Мы обнажили передние конечности зауролофа. Они были значительно короче задних и более тонкого строения. Та же пропорция сохранялась и у взрослых особей, имевших вес до пяти-шести тонн. Им часто приходилось передвигаться на задних ногах, в полупрямом положении, с головой на высоте семи метров — это позволяло издали заметить хищника. Паслись они, опираясь на короткие передние ноги с пальцами, кончавшимися плоскими полукруглыми косточками. Отсюда возникла потребность то часто и низко склоняться к земле, то снова высоко поднимать туловище. Позвоночник животного — это балка с креплением в середине в виде задних конечностей, движение осуществлялось с помощью суставов. При такой системе «балка» — несущая тяжесть тела — подвергается опасности перелома в точке крепления, поэтому именно здесь должна быть наиболее мощной, а этого можно было достичь лишь увеличением высоты ее разреза, и как раз такое усиливающее приспособление мы видели у зауролофа. Отростки позвонков в центральном отделе позвоночника достигали высоты восемьдесят сантиметров. Связанные сетью сухожилий, они образовывали ажурную конструкцию, способную переносить колоссальные нагрузки. •

Мы продолжали трудиться до полной темноты, потому что вечер был самым лучшим временем для работы:

остывала земля, свет был мягкий, солнце не жгло кожу, ветер стихал, пустыня погружалась в молчание. Зофья плохо себя чувствовала: опять началась острая боль в ухе, которое она подлечила неделю назад. Надо было ехать в Далан-Дзадгад, а может быть, и в Улан-Батор, но пока что она и слышать об этом не хотела. Выемку черепа зауролофа мы назначили на завтра.

Ночью выпало несколько капель дождя. Утром песок в лагере был истоптан ежами. Они сновали около помойки, кухни, под столами.

После завтрака Батма Нэмбо, проделав глубокие ниши, очистил киркой камень вокруг челюсти зауролофа, еще торчавшей в скале, после этого с ножовкой приступил к работе и я. Присев у стены, выпилил блок мягкого песчаника. Вместе мы вытащили его из гнезда на подложенный кусок фанеры. В стенках пустой ниши не было и следа костей. Значит, череп, если он сохранился, должен находиться в вынутой глыбе. Тонким шпателем и кистью я стал снимать темно-красные песчинки слой за слоем. Появилась светлая кость, постепенно принимая форму черепа. Мы узнали стиснутые челюсти, потом переднюю часть пасти, сплюснутую наподобие утиного носа с утолщением на конце. Итак, у нас было последнее доказательство, что животное принадлежало к зауролофам, динозаврам, которых называют также утконосыми. Именно для этой группы характерна такая особенность строения черепа. В то же время она подтверждает идею о вероятности водного образа жизни. Плоские клювы приспособлены для разгребания ила дна рек, ручьев и озер.

Продолжая очищать череп, я обнажил его боковую поверхность, контур глазницы и носовую кость, переходящую в высокий отросток-рог, торчащий посередине лба. Между челюстями показались «обоймы» зубов. Четыре плотных блока. Каждый состоял из нескольких сот зубов, образующих похожую на жернова трущуюся поверхность. Верхние и нижние зубы, наискось заходящие друг на друга, постоянно терлись, представляя собой самоочищающие устройства. При этом по мере стачивания одних зубов изнутри вырастали новые, не допуская ни малейшей щели в «обойме». Подобное строение зубов и челюстей имеют современные нам травоядные животные, у которых ряды верхних и нижних зубов на всем

их протяжении соприкасаются. Только при этом условии жевательный аппарат может действовать продуктивно, ломая и растирая волокнистые стебли растений.

Размеры и строение костных глазниц черепа свидетельствовали о том, что зауролоф обладал крупными, хорошо развитыми глазами. Было установлено, что каналы для глазных нервов имеют значительный диаметр. Это также свидетельствовало об остром зрении, таком же, как у птиц. У динозавров и у хищных птиц еще одна общая черта. И те и другие внутри очень крупной глазницы имеют диск из тонких окостеневших пластинок, заходящих одна за другую, подобно диафрагме в фотоаппарате. Пластины неподвижны. Возможно, это наследие, доставшееся от примитивных рыб, и служат они для защиты роговицы глаза. Вероятно, роговица была довольно велика и поэтому подвергалась опасности повреждения, оболочка же прикрывала ее, оставляя лишь щель для зрачка. И это обстоятельство также свидетельствует о сухопутном образе жизни. В воде им было бы спокойнее, а зрение имело бы меньшее значение — у водных животных оно развито слабо. Но и это еще не все. В костных отростках утконосых динозавров найдены крупные каналы и впадины, по которым проходил вдыхаемый воздух. Если, как полагают, эти добавочные носовые поверхности были покрыты обонятельным эпителием, это означало бы, что животные обладали необычайно тонким обонянием, что несовместимо с водным образом жизни.

При наличии таких противоречивых свидетельств и вопросов каждая находка, которая могла принести дополнительные детали и открыть новые пути исследования, становилась необычайно ценной. Тем большие надежды мы связывали с нашим юным зауролофом.

За ближайшим поворотом ущелья работали Анджей, Войтек, Пэрлэ и Самбу, раскапывая скелет орнитомима. Им помогал рабочий-монгол Мягмар. Мы слышали их голоса и время от времени приходили взглянуть на обнажавшиеся части скелета. Непомерно длинные задние ноги рептилии были приспособлены к быстрому бегу, что служило, пожалуй, единственной защитой от врагов. В движении издали он, наверное, напоминал современного страуса, отличаясь лишь длинным, как у гигантской ящерицы, хвостом. Короткие передние конечности закар-

чивались трехпалой кистью, и они, что совершенно очевидно, не были предназначены для ходьбы. Подвижные гибкие пальцы с когтями, казалось, приспособлены для хватания, стискивания, возможно, для раздиранья. Нетрудно представить, как орнитомим срывает плоды с деревьев, разгребает землю в поисках насекомых, хватается мелких ящериц, разыскивавших моллюсков среди камней в неглубоких ручьях. Когда орнитомим низко наклонял голову, хвост обеспечивал ему равновесие, служа противовесом. Голова небольших размеров, удлиненные, похожие на клюв челюсти лишены зубов.

Благодаря всем нашим находкам мы могли представить себе, как выглядела эта местность в меловой период. В то время динозавры здесь жили в лесах, которые показались бы нам очень знакомыми. Тогда уже произрастали вербы, тополя, березы, клены, ореховые деревья и рододендроны, а среди них — местами более примитивные хвойные деревья. Это разнообразие было следствием революции в растительном мире, которая произошла в начале мелового периода и привела к возникновению цветковых растений. Однородный до этого растительный мир обрел множество новых видов, а это, в свою очередь, дало разнообразную и обильную пищу, благодаря чему динозавры получили возможность специализироваться в способе питания, что послужило причиной к увеличению числа различных групп травоядных.

Орнитомимы, вероятно, занимали экологическую нишу, подобную той, которую занимают современные страусы. Длинноногие, легкого строения, быстро бегавшие, они наверняка держались вдали от густых лесов, жили на открытых просторах саванны, где легко могли убежать от врагов. Такие крупные плотоядные динозавры, как тарбозавры, охотились в зарослях кустарника, возможно, в редких лесах, но скорее всего — на открытых пространствах. Они были слишком громоздки и тяжелы, чтобы пробираться сквозь лесную чащу. Кроме того, их постоянные жертвы, крупные травоядные динозавры, обитали вблизи рек, болот, мочажин, служивших им единственной защитой от хищников, если они вовремя замечали опасность, успевали покинуть пастбище и укрыться в воде. Но она тоже не давала полной гарантии на спасение, особенно для животных небольших размеров. Озера и болота были населены крокодилами. Неко-

торые виды имели размеры более десяти метров и, возможно, питались мясом.

На пространствах между реками, на твердом надежном грунте, обитали панцирные динозавры, обладавшие мощной защитой в виде панциря и хвоста-дубины. Леса и поляны были местом обитания пахицефалозавров, животных с чудовищно разросшимися костями черепа. Пищей им служила листва деревьев. И та и другая среда были населены также более мелкими пресмыкающимися — ящерицами, змеями, черепахами. В воздухе проносились летающие рептилии и птицы. А под ногами динозавров — в траве, в кустах, в подлеске — шмыгали крошечные млекопитающие. Бегали они и по ветвям деревьев. Некоторые из них были предками нынешних животных.

Что произошло в том мире? Что привело динозавров к гибели на пороге новой эры? Растительность уже не менялась существенно, климат также не подвергался резким изменениям. Может быть, причиной стала складчатость Земли? В мезозое, эре динозавров, континенты были такими плоскими и ровными, что мелкие реки и озера широко разливались. Вокруг них динозавры получали достаточно корма, укрывались в воде, а обширные равнины благоприятствовали передвижениям гигантов, искавших новые пастбища. В начале третичного периода, когда развились процессы альпийского горообразования, поверхность материков подверглась значительным изменениям. Исчезли безбрежные озера, реки втянулись в долины, потекли по руслам с высокими берегами. Доказательства этих изменений мы находим при исследовании осадков третичного периода, наступившего после мела. Однако была ли гибель динозавров связана с ними или нет, на этот вопрос пока ответить нельзя. Кроме этого предположения, существует немало других, в такой же мере ненадежных.

Самое жаркое время дня мы отводили для обеда и отдыха. Под полотняным навесом, где были расставлены столы, температура достигала тридцати пяти градусов. Зной просачивался сквозь полотно. Сразу же после еды, обессиленные, мы вползли в юрту и вповалку улеглись на досках. Я оказался между Мягмаром и Бат Нэмбо,

— Ты учишься в школе? — спросил я Мягмара.
— Мхм... — сонно пробормотал он.
— Он не понимает, что ты говоришь, — вмешался Пат Нэмбо.
— Ты понял? — обратился я к Мягмару.
— Мхм... — ответил он.
— Он уже не учится, — объяснил его товарищ. — Ему уже семнадцать, и он пойдет в армию. Везет ему!
— А ты что, тоже хочешь в армию? — удивился я.
— Я уже слишком стар, — ответил он. — Пятьдесят. И семья на шее. У меня никогда нет денег, — признался он. — Я пришел работать к вам без гроша. Все, что было, оставил жене. Ей скоро родить, а у нас уже трое... — он мягко улыбнулся.

Во второй половине дня мы вынули два позвонка из позвоночника зауролофа, разделив надвое скальный блок. Заднюю часть обстроили ящиком, кости обложили лигнином, а ящик залили гипсом. На большее не хватило времени. Началась такая сильная буря, что мы помчались в лагерь спасать палатки. Когда клубы пыли рассеялись, наступил вечер, и пришла пора заняться ужином.

Вечером улучшились условия радиоприема. Однако мы безрезультатно пытались поймать сигналы времени. На коротких волнах слышались китайские массовые песни. Шла также передача из Пекина на испанском языке для Латинской Америки, из Ватикана для Польши, из Польши для Скандинавии, из Лондона на «специальном английском» для развивающихся стран, из Соединенных Штатов для Чехословакии, из Албании для Советского Союза, а Люксембург давал музыку для всего мира.

Переправить в гипсовом монолите орнитомима, которого нашел Войтек, не представлялось никакой возможности. Скала с вмурованным в нее скелетом была слишком хрупкой, рассыпалась в руках и не служила достаточно хорошей защитой для костей. Поэтому мы извлекли их по одной, пропитали клеем, обернули бинтами и обложили лигнином. «Утконосый» был запакован в три монолита. Два из них весили почти до двести килограммов, так что возникла проблема их погрузки в машину. Самый короткий путь, по мнению Войтека, — это втянуть ящики на гребень высотой в тридцать мет-

ров, разделяющий два ущелья, и затем спустить их с другой стороны, куда мог подъехать грузовик. Мы решили осуществить подъем при помощи ручной лебедки с подъемной силой в полторы тонны, укрепленной вбитыми на вершине стальными стержнями.

2

Во время работ над орнитомимом Зофья почувствовала себя совсем худо, и мы решили, что откладывать лечение опасно. Боль в ухе разрывала ей голову. Поэтому уже в полдень мы спустились в лагерь. Я начал готовить машину в путь, сменил масло, добавил тормозной жидкости, пополнил запас бензина в баке и канистрах. Мы взяли в «мусцель» Пэрлэ в качестве переводчика.

В Гурван-Тэс мы прибыли под вечер. Сначала я подъехал к домику радиостанции.

На столе лежали письма, часть адресована нам, часть русским. Отсюда мы сделали вывод, что в котловине скоро появится советская экспедиция.

Пришел Будэ и согласился устроить нас на ночлег в клубе артели. Просторный зал был заставлен стульями: здесь демонстрировались кинофильмы. Я спал на освежающей сквознячке у порога. Пэрлэ улегся на стульях, а Зофья в глубине зала на сцене с плюшевым занавесом, под киноэкраном позади стола президиума.

Мы проснулись утром, когда лучи солнца упали на графики, на которых было запечатлено развитие соляной артели и рост добычи соли, а также виды поселка, нарисованные мелками, — скорее всего произведения местной детворы. В девять мы были уже в пути, на колее, ведущей по центру впадины. Под безоблачным небом в отвесных лучах солнца мир казался плоским и серым. Нас охватила сонливость, но при постоянной тряске пассажирам не удавалось вздремнуть.

— Мацэй, — обратился ко мне Пэрлэ, — ты много бывал в разных горах. Какие тебе понравились больше всех?

— Хатан-Хаирхан, — ответил я без колебаний.

— Шутишь! — засомневался монгол.

— Честно! — искренне уверил я, потому что и впрямь никогда в жизни не видел ничего подобного этой горной группе Заалтайской Гоби. — Ты бывал там?

— Нет.

— Тогда не удивляйся.

Первая гора имела форму пирамиды высотой с четверть километра и была повернута к нам ребром, вторая — разорвана пополам трещиной до самого подножия, а за ними — остальная горная цепь, не очень большая. Горы были сложены из гранита, выглажены ветрами и похожи на бронзовое литье — тяжелые, отполированные, с металлическим блеском. Ни пыли, ни щебня, ни осыпей, ни трещин — цельные, массивные формы. Мы поднимались вверх по округлому, как бы оплавленному жаром карнизу, сотни метров над пустыней, выше стен «пирамиды» гладких, как зеркало, без малейшей зацепки для глаза. Под солнцем проплывали тучи, и в менявшемся освещении гора казалась покрытой глазурью, то льдом, а то отлитой из черного мрамора. Нас удерживала на склоне только сила трения резиновых подошв, там не было выступов, на которые можно было бы поставить ногу. Из-за отсутствия деталей эти горы снизу казались большими глыбами. Лишь добравшись до вершины, мы ощутили их истинные размеры.

В пять часов вечера приехали в Далан-Дзадгад. Врачи уже не принимали. Остановились в гостинице. Там нас встретила дежурная в розовом тюрбане. На столе стояла китайская медная ваза на трех ножках и с двумя ручками. В ней тлели веточки арца, наполняя гостиницу голубоватым дымом и терпким запахом. В ресторане нам подали мясную лапшу. Стены украшали две большие картины — натюрморт и пейзаж. Они были написаны по заказу властей сомона местными, а может быть, специально для этого приглашенными художниками. Картины монгольских художников обычно отличались живыми, насыщенными, но не яркими красками, с преобладанием темных, мрачных тонов. Краски были положены крупными мазками, изображения иногда обводились темным контуром. Преобладали пейзажи — особенно скалы, нередко — борьба жеребцов: животные с развевающимися гривами и раздутыми ноздрями, встав на дыбы, сшибались передними копытами. Много было картин, воспроизводивших схватки самцов верблюдов во время зимнего гона: покрытая снегом степь, животные, готовые напасть друг на друга, — ощеренные зубы, выкатившиеся из орбит глаза, на лбу — клочок шерсти.

Больница в Далан-Дзадгаде помещалась в большом, выбеленном, одноэтажном здании. В коридоре вдоль неровно оштукатуренных стен стояли стулья, соединенные в блоки по пять штук. На них у дверей кабинетов сидели больные. Их лица темны и сморщены, как печеные яблоки: сюда приходили главным образом старики. Мы тоже присели, дожидаясь своей очереди. Стены здания толстые, с плохо обозначенными углами, деревянные двери настолько низки, что приходилось наклонять голову.

В коридор выглянула сестра и тут же скрылась, потом вновь появилась и пригласила нас в кабинет без очереди. Это не вызвало ни ропота, ни косых взглядов. Кабинет ослепил нас своим блестящим, недавно покрытым лаком, светло-оранжевым полом и выкрашенными ультрамарином панелями. Лицо врача было несколько одутловатым, как бы надутым, состоявшим из одних выпуклостей. Веки, словно набитые ватой, опускались вниз, оставляя лишь темные щели. Нос круглый — луковицей.

Врач выслушал нас — он понимал по-русски, — осторожно осмотрел ухо, потом по-монгольски сказал Пэрлэ, а тот перевел Зофье, что лучше поехать в Улан-Батор, поскольку повреждена барабанная перепонка и образовалась щель во внутреннее ухо, что очень опасно для жизни.

В скверном настроении мы покинули больницу. Отвезя Зофью в гостиницу, мы с Пэрлэ отправились на аэродром купить билет до Улан-Батора. Сразу же за поселком, в степи, стояла мачта с полосатым рукавом и домик, будто сложенный из кубиков. Крутая лестничка по внешней стене вела в башенку. Мы всунули голову в темноватое помещение, наполненное радиоаппаратурой. За столом сидел начальник аэродрома.

— Вы что? — буркнул он.

— Товарищ начальник... — заикнулся растерянно Пэрлэ.

— Нам нужен билет, — вмешался я.

— Потом, — услышали мы. — Мест хватит. Успеешь.

— А что с машиной? — поинтересовался я, потому что на аэродроме не было видно ни одного самолета.

— Как что? — удивился он. — Машин много. В четырнадцать часов улетает из Улан-Батора...

Мы вернулись в гостиницу. Спустя некоторое время,

шювь съездив на аэродром, узнали, что самолет прибудет в шестнадцать тридцать и сразу же вылетит обратным рейсом. В семнадцать Зофья сидела в самолете. Мы надеялись, что она вернется через несколько дней. Я и Пэрлэ стояли под фюзеляжем двухмоторной машины и смотрели, как идут по трапу араты, тяжело поднимая ноги и подвертывая повыше полы дэли.

Зофья выглянула в иллюминатор, улыбнулась нам и на прощание помахала рукой. В эту минуту ей было, наверное, особенно тяжело. Она всегда стремилась держать руку на пульсе всех событий экспедиции, даже самых незначительных, жила экспедицией больше, чем кто-либо из нас. Видимо, эта женщина жила по принципу, что дело только тогда может быть стоящим, когда его творец сливается с ним. Экспедиция была ее детищем. Самолет развернулся, взметнул тучу пыли и, не выруливая на старт, поплыл над степью.

Под вечер я сидел в гостинице над своими бумагами, когда с крыши вдруг ручьем потекла вода, заливая стекла. Там, наверху, прорвало резервуар. Довольно далеко от гостиницы, около юрты, на корточках сидела старушка. Увидев воду, она начала кричать, махать руками. Из юрты вылез старик с двумя тазами и побежал на кривых ногах к струе, которую сносило ветром.

И только сейчас, выглядывая из окна, я сообразил, что гостиница получила новое украшение — скульптуру. Несколько недель назад я видел, как ее возводили. На просторной площади перед главным входом — верблюд, присевший в несколько неловкой и, как мне показалось, двусмысленной позе. Однако в глазах Пэрлэ это была типичная боевая поза верблюда-самца, угрожавшего своему сопернику.

Пэрлэ признался мне, что пишет стихи, но прочитать не пожелал, сказав, что они неудачные. Я знал, что многие монголы пишут стихи. Культура степей и кочевий породила культуру устной речи. Здесь не читали, а слушали, не писали, а говорили. Рассказ заменил кочевнику газету и стал настоящим священнодействием. Приезжий никогда не спешил сразу выложить новости. Сначала все усаживались в юрте, пили, ели, сквозь зубы цедили слова, готовясь к истинному пиру: долгому, внимательному слушанию. Рассказ повторялся раз, другой. Рассказчик подбирал более яркие выражения. Слушатели

медленно постигали их значение, зная, что вскоре кто-то из них сядет на коня и поскачет передать весть дальше. Каждый старался запомнить все до малейших подробностей, чтобы его рассказ был не хуже, а лучше предыдущего.

Монголы всегда любили стихи и песни, хранили их в памяти и передавали в неизменной и совершенной форме. Знатоки поэзии до сих пор привлекают к себе всеобщее внимание. Едва написав эти слова, я осознал, что в них только половина истины. За этой любовью монголов к слову кроется нечто большее. Еще в середине XIX века они были знакомы с книгой, с письменным словом лучше, чем какой-либо другой народ мира! Эту забытую, закамуфлированную искаженными представлениями истину напомнил мне Ринчен, отец палеонтолога Барсболда. Их дом в Улан-Баторе был именно таким, каким мы представляли себе жилище профессора старой школы. Диваны, кресла, книжные полки, письменный стол, заваленный стопками бумаг и книгами. Профессор Ринчен в переливающимся дэли, с молочно-белыми волосами, падающими на плечи, то и дело опускал руку под кресло, чтобы придержать ежа. Этот зверек, которого Барсболд привез из пустыни, не давал покоя собаке. Мы беседовали в тишине, нарушаемой лишь топотанием ножек ежа, все ближе подступавшего к креслу, где у ног профессора дремала такса. Внезапно раздался отчаянный визг, ошалелая собака заметалась по квартире, задевая боками мебель, еж бросился вдогонку.

Профессор сообщил нам, что пятьдесят процентов мужчин прежней Монголии были буддийскими монахами. Из них лишь небольшая часть жила постоянно в монастырях. Большинство после посвящения возвращались в мир, жили в степи, заводили семьи. Но дело не в этом. В монастырях обучали тибетскому языку и тибетской письменности, кроме того, десятая часть монахов училась писать на родном монгольском языке. Пожалуй, нельзя назвать ни одной страны мира или хотя бы Европы, где бы половина мужчин владела иностранным языком и письменностью. Этого не было даже в период наибольшего распространения латыни.

Остальная молодежь, не связанная с монастырями, также училась. В поселках существовали государственные школы, окончание которых давало право служить

в административных учреждениях. В степи работали передвижные школы, располагавшиеся в палатках. В них многое заучивалось на память, ибо каждый поступавший в монастырь обязан был читать наизусть тридцать пять длинных тибетских текстов и их монгольские переводы. Возникли навыки в заучивании текстов, уважение к книге. Может быть, поэтому в современной Монголии так любят читать, сочинять стихи, песни, диалоги.

На следующий день после вылета Зофьи было воскресенье. Мы остались в гостинице до понедельника, чтобы позвонить в Улан-Батор и узнать диагноз. Весь день я писал открытки. Вечером мы долго лежали, не могли уснуть. Кровати душераздирающе скрипели, даже если никто не шевелился: сетки были растянуты так, что напоминали гамаки. Мне все время казалось, что я спиной касаюсь пола. Кроме того, под самым окном допоздна болтали бабы, у юрт лаяли собаки и приходили под окно пить из лужи. В глубокой тишине я различал их осторожные шаги по гравию, а затем слышал, как они лакают. Раз, быстро топоча, прибежала коза, плюхнула копытами по воде и начала неряшливо и жадно хлебать. Едва задремал, как над моей головой заговорил репродуктор. Было шесть утра — я вскочил, выключил его, но потом так и не смог заснуть.

Нас соединили очень быстро. Зофья находилась в квартире монгольских друзей. Расстроенным голосом она сообщила, что для лечения барабанной перепонки ей необходимо лечь в больницу минимум на две недели, поэтому она решила лететь в Варшаву, но вернуться до окончания работ. Зофья, даже больная, помнила о мелочах, касающихся экспедиции. Она просила передать множество поручений членам группы. Научное руководство Зофья доверила Тересе. Мы двинулись в обратный путь.

Я притормозил у автобазы и заказал машину для перевозки наших коллекций из Гурван-Тэс, когда закончатся работы. Остальную часть дня мы ехали с большой скоростью, почти без остановок, пока не показались юрты соляной артели. У первого ряда жилищ мотор заглох, поглотив последнюю каплю бензина.

Мы долго сидели в юрте Будэ. Нас без конца угощали чаем с молоком. Я то и дело запускал руку в пиалу с рассыпчатым печеньем и сахаром, клевал носом после

целого дня, проведенного за рулем. Однако Пэрлэ все-таки затащил всех в клуб поиграть в пинг-понг. Сил у меня не было. Хорошо, что появился кто-то из здешних монголов и взялся за ракетку.

3

Утром приехал на велосипеде какой-то незнакомец, заглянул в клуб, где мы спали на полу, и сказал:

— Там у вас в лагере несчастный случай.

— Что такое? — Мы сели в спальных мешках.

— Ну... — пытался он объяснить. — Что-то плохое.

— Но что же все-таки?

— Такое что-то, — путался он. — Несчастный случай.

— Кто-то погиб? — прямо спросил Пэрлэ.

— Нет! — замахал он руками. — Так плохо не случилось. Батма Нэмбо сломал ребро.

— Откуда ты знаешь? — спросил я, выскакивая из мешка.

— Потому что его отвезли в сомон. А Мягмар, с ним ничего не случилось, он только поцарапался, бросил работу, поймал в степи верблюда и вернулся домой...

— Ерунда! — вмешался Будэ, стоя позади приезжего. — Мягмара нет в поселке.

— А Батма Нэмбо сломался, — упирался тот. — Я еду прямо из сомона. Он там лежит у себя дома.

Не долго думая, мы отправились в сомон. Дети проводили нас к юрте. Пэрлэ дернул ремешок, вошел без стука. Из отверстия вверху падал свет, освещая помещение. На полу, на куске войлока лежал Батма Нэмбо. Он проснулся, услышав голоса, и, увидев нас, попытался подняться. Но боль исказила его лицо, он вскрикнул и упал на подстилку. Мы присели рядом.

— Ничего страшного, — успокоил он нас. — Я немного разбился, а ребро само заживет.

Распахнув рубашку, он показал забинтованную грудь.

— Все-таки что там случилось? — недоумевали мы.

— Поддай нам чаю, — обратился Батма Нэмбо к жене. Она стала разжигать в печурке саксауловые ветки, а Бат начал свое повествование.

— После вашего отъезда Самбу и Сайнбилиг построили подъездную дорогу к сайру, а Войтек приспособо-

бил веревку. Мы укрепили ее на вершине. Монолит с зауролофом положили на лист жести, вырезанный из бочки, и стали поднимать, высота не меньше тридцати метров. Шло очень медленно, а у самой вершины мы схватили канат руками, чтобы перетащить монолит через гребень и опустить с другой стороны на грузовик. Нам было семеро, и когда мы дернули канат разом, он лопнул. Все опрокинулись на спину и кувырком полетели вниз — там было очень круто. Я упал на уступ, потом свалился вниз. Те, кто был без рубашек, ободрали спины. Я не мог двинуться. Когда все пришли в себя, меня спустили вниз, посадили в тени, а сами закончили работу. Потом отвезли меня в лагерь. За ужином Войтек поймал ежа. Ночью мне было так плохо, что я не сомкнул глаз, поэтому на другой день после обеда меня привезли сюда. На мое место взяли Энхэ, девушку для работы на кухне.

Кирпичом, завернутым в тряпку, жена Батма Нэмбо наколола чая, высыпала его в кипяток, булькавший в горшочке, залила молоком, слила в чайничек, разлила в фаянсовые пиалы и стала подавать их гостям левой рукой, касаясь ее локтя пальцами правой, что было знаком уважения к гостям. Мы пили чай с сахаром вприкуску.

— Ложись и поспи, — предложил мне Батма, видя, что глаза мои слипаются.

Я не дал себя уговаривать и вытянулся рядом с ним на ящике, который жена застелила одеялами. Засыпая, я все еще чувствовал, что меня покачивает, как во время езды по неровной местности.

Перед заходом солнца мы достигли лагеря. Первым нас приветствовал «беглец» Мягмар. Лагерь казался пустым, обезлюдившим, группа еще не вернулась из Хэрмин-Цава. Мы вновь выслушали рассказ о несчастном случае и новых находках. Анджей нашел целую конечность взрослого зауролофа, а Войтек — часть скелета хищного тарбозавра. Их уже извлекли и запаковали.

На следующий день, во время полдника, приехала группа из Хэрмин-Цава, возглавляемая Тересой. Похудевшие и загорелые, ребята один за другим выскакивали из «старара». Их радость по поводу замечательных коллекций, которые они собрали, угасла, когда они

узнали об отъезде Зофьи и прочитали письма, где, вероятно, были не очень утешительные вести из дому. О несчастном случае в лагере они тоже не знали. Только к вечеру хорошее настроение восстановилось.

Из Хэрмин-Цава была привезена неслыханная добыча. Девятнадцать черепов млекопитающих и шестьдесят ящериц, кроме того, около двух десятков черепов крупных пресмыкающихся, близких к ящерицам; три черепа небольших крокодилов, скорлупа яиц и много протоцератопсов. Примерно половину срока, проведенного в Хэрмин-Цаве, днем было знойно, а ночью душно. Потом стало пасмурно и время от времени шел дождь. Два дня, когда у подножия одной скалы ребята находили по несколько десятков черепов и скелетов, прошли, как в лихорадке. Легче было пережить разочарования последующих четырех дней, которые не принесли никаких открытий. Но на обратном пути в Наран-Булак у источника они увидели палатки советской экспедиции. Знакомые палеонтологи дружески приветствовали их, пригласили отобедать. Ребята вымылись в лагерной бане и приняли приглашение в гости на следующее воскресенье.

Отправились мы туда рановато, поэтому, чтобы дать хозяевам возможность подготовиться, остановились за холмами, не доезжая до Наран-Булака. День был безветренный, и я думал, что они должны были слышать шум подъезжавших машин за час до прибытия. Наш лагерь был расположен выше, и ехать надо было по склону, открытому в сторону Наран-Булака. Когда наконец в положенное время мы приехали на зеленую лужайку, встали перед выстроенными в ряд палатками и вышли из машин в наших лучших экспедиционных нарядах, в лагере еще шли приготовления. В кухне распоряжались Нармандах и Бадамгарав — сотрудники палеонтологической лаборатории. Ловя носом запахи жареного мяса и глотая слюну, мы разыграли по матчу в пинг-понг и в футбол с хозяевами, старавшимися скрасить наше ожидание.

Прием состоялся в юрте, в большой тесноте и толкучке при свечах, с обильными едой и питьем. Много и оживленно говорили, пели то польские, то советские песни. С трудом преодолев стихийное, как обычно бывает у русских, гостеприимство, нам удалось выехать к себе только в час ночи.

Мне казалось, что я только-только уснул, а уже пора было вставать: восемь утра. На этот день мы назначили шезд в Ширэгин-Гашунскую впадину, таинственный и пустынный край, лежащий по другую, северную сторону горной цепи Нэмэгэту. Там не было ни пастухов-кочевников, ни поселков, ни колейных дорог, ни джейранов, ни путников.

4

С полотенцем на шее я высунулся из палатки, собираясь идти к бочкам с водой, стоявшим возле кухни. Я мог выбирать одну из двух дорог вокруг холма, отделявшего меня от остального лагеря. Холм изолировал от звуков вечерней болтовни, а потом и храпа. Можно было пройти влево по сайру с размытыми плитами. Путь был удобен, наверху стояла палатка Томаша, всегда плотно закрытая в это время. На мое приветствие Томаш ответил не сразу, тоном, который должен был убедить меня в том, что хозяин палатки давно одет, умыт и готов к завтраку. Обычно он добавлял что-нибудь мрачное насчет погоды, но из палатки не показывался.

На противоположном склоне устроился Пэрлэ. Я застал его перед зеркальцем, поставленным на камне: он причесывался гладенько на пробор, как примерный ученик. Дальше стояла юрта, служившая клубом и местом сиесты, еще ниже, у подножия сайра, примостился домик-кухня, перед ним бочки и куча саксаула, здесь было место для костра.

Однако я пошел направо, более трудной дорогой, взобрался на перевальчик и по мягкому грунту, по склону холма, добрался до большой палатки, думая, что придется будить ее обитателей. Но Войтек, обнаженный до пояса, делал утреннюю гимнастику. Он поднимал над головой ось опрокидной вагонетки с двумя колесами, которую привез из Гурван-Тэса. Циприан все еще не мог расстаться со спальным мешком. Услышав мое приветствие, он отозвался сонным, но необычайно мощным голосом.

— Послушай-ка, — сказал он, — побудка должна быть дифференцирована.

— Как это понимать?

— Очень просто. Каждому из нас нужно разное

время для приготовления к завтраку. Я, например, — пояснил Циприан, — могу идти к столу прямо из спального мешка. Зато могу поспать лишние четверть часа.

— А какая экономия воды... — добавил я.

— Экономия! Я не так уж много расходую!

Я пересек округлую долинку и спустился к кухне. Палатки расположились по дуге. За скалистой грядой разместились Самбу с Сайнбилигом, Энхэ с Мягмаром. Завтрак готовил заспанный Ендрек с лицом, подобным градовой туче. Ему помогала ласковая, как утренняя заря, Марыся, единственная из всех, кто охотно приходил на помощь сверх дежурств. Они расставили на столе под полотняным навесом нарезанные сыр, хлеб, колбасу. Энхэ месила в кухне овсяные лепешки. Эдек чистил зубы, поставив стакан на бампер «старара». Он все время спал в кабине, так и не поддавшись уговорам перейти в палатку. С места в карьер мы стали обсуждать, что заберем с собой в Ширэгин-Гашун. Нам было известно, что там нет воды, и надо везти все необходимое для жизни.

После завтрака мы нагрузили машину. Поехали Эдек, Тереса, Войтек, Пэрлэ, Томек и я. В Гурван-Тэсе Пэрлэ выскочил из машины и отправился в юрту Будэ. До сумерек было еще далеко, и мы отъехали в пустыню, чтобы переночевать среди холмов. Не спеша разбили лагерь, чувствуя себя беззаботно, как на пикнике, и радуясь, как всегда в подобных случаях, отъезду из многолюдного лагеря и переменам в надоевшем распорядке жизни.

Сорвался ветер, и нас начало засыпать песком, поэтому Эдек поставил машину бортом к струе воздуха. На борту мы укрепили кусок брезента, половину его расстелили на земле, а на нем разложили матрацы и спальные мешки. Сразу сделалось тише, ветер свистел где-то поверху, и ничто не мешало смотреть на звездное небо.

— Вот это жизнь! — вздохнула Тереса.

— Подожди, — как всегда зловеще отозвался Томек, — скоро налетят комары...

Ему не удалось испортить нам настроение, хотя то, о чем он нас предупреждал, вполне могло случиться. Мне пришлось однажды пережить комариную ночь в пустыне.

В 1965 г. мы ехали в Западную Монголию в Алтан-Тээли к местонахождению костей носорогов. На ночь остановились в сухой местности на покрытых травой холмах. Расстелив спальные мешки, мы улеглись на них, но укрываться не стали, поскольку были измучены дневным зноем, да и вечер стоял жаркий. И тут-то на нас налетели тучи комаров. Они набросились внезапно, вмиг одежда, руки, лицо, шея покрылись сплошной копошащейся массой. Они не кусали, а грызли, раздирали тело. А мы, вместо того чтобы бежать, залезли в мешки, застегнув их на молнии, и накрыли лица. Это был самый плохой выход из положения. Никто не отважился высунуть носа наружу, хотя жара была невыносимая. Прошло минут двадцать, пока я управился с насекомыми, забравшись в мешок. Моя кожа, покрытая кровавой кашицей, горела, словно ее облили кислотой. Когда же, полузадохнувшись, я улегся неподвижно, почти не дыша, то услышал грозное, громкое, как тарактенье моторного велосипеда, жужжание комариной тучи, повисшей над моей постелью. Оно не смолкало до рассвета. Агрессивные, кровожадные, обезумевшие от голода, остервенелые комары готовы были сожрать меня немедленно. Далеко за полночь я немного задремал, но меня тотчас разбудила резкая боль: передовой отряд разбойников норвался через какую-то щель в укрытие. Я задыхался, обливаясь потом. Вокруг раздавались стоны. Утром, когда солнечные лучи осветили спальные мешки и температура внутри наших убежищ поднялась еще выше, мы едва живые лежали в таких мокрых мешках, будто их вынули из воды. На рассвете комары улетели. Жужжание стихло. Эрдэнибулган звал на помощь. Лицо его распухло и походило на дыню, глаза исчезли.

Немного придя в себя, я попытался установить, откуда прилетели комары. Трудно было понять, где они водились — ведь вокруг ни ручейка, ни озера. Я направился по волнистым холмам к месту, по которому, как мне показалось, недавно прошел пожар. Я увидел серую, словно засыпанную толстым слоем пепла, землю. Этот слой и составляли комары. Они сотнями покрывали траву, пригибая ее к земле; сидели друг на друге, образуя толстый ковер. Теперь я чувствовал себя сильнее комаров. Солнце стояло уже высоко, его яркие лучи пригвоздили насекомых к земле. Я пнул ногой кучу и

увидел, что они, не в силах взлететь, опадали, как хлопья пепла.

Вся эта вылазка на запад была похожа на путешествие в нереальный мир. Мы искали Цагаан-Нуур (Белос озеро); судя по карте, оно было где-то близко. Я вышел из машины и углубился в толщину тумана, окутавшего пустыню. Ветер колдовски шумел над головой, а под ногами волнами светлой пыли плыла земля. Я ступал словно по тучам, как бы парил над землей, в пространстве без форм и контуров. Лишь солнечные лучи то и дело обгоняли меня, прочерчивая светлые полосы. В какой-то момент туман под ногами сгустился и превратился в жидкость. Не останавливаясь, я снял ботинки и по щиколотки погрузился в бархатистую гладь. Молочно-белая жидкость дрожала и колебалась, как бы в конвульсиях, пытаюсь отделиться от мглы. Я брел все дальше, сам не зная зачем, увязая сначала по икры, потом по колено, затерянный в озере, не разбирая сторон света, не зная, где берег, какой величины озеро.

Поднимаясь на возвышенность между двумя скалистыми стенами, мы увидели табун полудиких лошадей. «Стар» вползал на гору полдня, и вместе с ним испуганные шумом мотора бежали лошади. Длинная вереница кобылиц и жеребцов с развевающимися гривами сопровождала нас в течение нескольких часов. Она змеей вползала на холмы, то опережая машину, то отставая от нее. Иногда лошади останавливались как вкопанные, всматриваясь в нас налитыми кровью глазами, раздували ноздри и вновь все разом пускались вскачь. Табун был похож на многоногого дракона, опутанного гривами и хвостами. Они не знали усталости, ноги их были словно тугие пружины. Бег давно потерял для них смысл и продолжался без цели, просто ради движения. Они роняли клочья пены, спины их лоснились, из-под копыт летели комья дерна.

Утром Пэрлэ ждал нас возле юрты Будэ. Взяв курс на Ширэгин-Гашун, мы двигались вверх, к перевалу между массивами Нэмэгэту и Сэврэй.

Приблизившись к горам, мы установили, что пере-сечь перевал напрямик невозможно, поскольку обе цепи заходят друг за друга. Тогда мы свернули и направились параллельно им, по коридору, усыпанному гравием, нанесенным сезонными ливнями. Ущелье и склоны были

покрыты мелкими обломками серого камня. Казалось, здесь начиналась пустыня в полном смысле слова, пустыня, где не встретишь ни единого человека, и тем не менее вдали, довольно высоко, на самом повороте сайра показалась одинокая юрта. Нам хотелось купить барана, и мы с Пэрлэ вышли из машины. Юрта небольшая, ее можно было бы уместить на двух верблюдах при перевозке. Из трубы поднимался дым. Вокруг валялось несколько костей, постромок из шерсти, овечий навоз. На четырех вбитых в землю колышках лежала груда шкур. Так их оберегают от грызунов. Юрту окружала сложенная из камней стена, к ней примыкал каменный сарайчик. Животных не было видно. Войдя в усадьбу, Пэрлэ и я почти столкнулись с молодой и стройной монголкой и на мгновение забыли, зачем пришли. Впервые за многие недели мы увидели женщину с накрашенными губами. Пятно кармина было как призыв. Она хлопотала в юрте, готовила чай и, как нам показалось, ловила наши взгляды. Мы залезли в юрту, расселись на войлоке и забыли о том, что нас ждут пять человек и что работает невыключенный мотор. Однако баранов у нее не было. Кроме того, на продажу скота требовалось особое разрешение. Они с мужем пасли стадо коз, принадлежавшее бригаде, и число животных, которых выделали для убоя, было строго ограничено.

Открылся вид на Ширэгин-Гашун. На десятки километров глазу не на чем было задержаться. По длинным склонам вдоль гладких педиментов мы приближались к этому безлюдному краю. Его морщинистый лик светился желто-золотым светом, а небеса излучали сияние. Из бесконечного пространства на мгlistую долину низвергались потоки рассеянных лучей. Там, откуда они исходили, где сквозь тучи виднелся солнечный диск, недоставало лишь треугольника всевидящего ока.

Четыре дня мы кружили по котловине, пересекая ее в разных направлениях. Нашли откосы, покрытые чешуйками ржавчины, и конгломерат из спрессованного крупнозернистого галечника. Из почвы выступало множество костей, но местность была словно охвачена инфекцией: кости рассыпались от малейшего прикосновения, превращаясь в такой сухой и мелкий порошок, что его не брал никакой клей.

Одна кость — бедренная, — принадлежавшая дино-

завру огромных размеров, лежала, как на пьедестале, на большой плоской каменной плите, высотой с обыкновенный стол. Кость сохраняла скалу от выветривания, и по мере понижения окружающей поверхности осколок скелета все больше обнажался на своем пьедестале. Он был бело-голубой, покрыт крапинками: кость расслоена на пластинки толщиной с луковичную кожицу. Мы видели, как ветер срывал их и уносил.

Вечером следующего дня над горами бушевала гроза. Она была так далеко, что мы без опасений легли спать под открытым небом, устроившись в сухих песчаных выемках. После полуночи начало накрапывать, и все решили укрыться под «старом». Я откладывал переселение, пока дождь не превратился в ливень. К этому времени лучшие места были уже заняты. Я улегся под радиатором, но на голову капало. Тогда я протиснулся подальше и лег навзничь, касаясь моста головой и стирая с него масло, которое за ночь расплылось по всей пижаме. По голове все время что-то тюкало, приходилось сползать с матраца и передвигать его. Наконец я укрыл лицо курткой и успокоился.

В различных точках долины нам все же удалось найти несколько подходящих экземпляров. Самым интересным из них был полный скелет небольшого хищного, когда-то бегавшего на двух ногах динозавра метрового роста, а также скелет пресмыкающегося, которого мы не смогли определить здесь, на месте.

До возвращения в лагерь мы непременно хотели извлечь найденную Тересой тазовую кость панцирного динозавра диаметром в тридцать сантиметров и ломали голову, как это сделать. Снаружи не обнаружилось почти никаких повреждений, однако внутри кость была ветхой и грозила рассыпаться в руках при попытке приподнять ее. К счастью, она хорошо впитывала клей, разведенный водой. Оставалось только просушить ее. День был пасмурный, с оловянного неба постоянно моросило. Мы применили метод, к которому консерваторы обращаются крайне редко: выкопали вокруг кости канавку, разложили в ней костер из мелких веточек караганы, чтобы выпарить воду. Под влиянием тепла тазовая кость через час затвердела настолько, что ее можно было поднять без опаски. Она лишь немного закоптилась от дыма.

Самолет не прилетал в Гурван-Тэс уже целых три недели. Писем все не было. Явился «Радиочеловек» и развеял наши надежды. Зато он пригласил нас в клуб поиграть в пинг-понг. Нам не очень-то хотелось, но Пэрлэ настаивал — пришлось идти.

Не успел я оглянуться, как уже стоял с овальной ракеткой в руках против незнакомого монгола, прыгающего по другую сторону стола с нахмуренным лбом и чрезмерно блестящими глазами. Слишком сильное желание выиграть оказалось для него пагубным. Под тяжестью взглядов множества зрителей он то и дело терял очки, хотя играл лучше меня. Зная, что дружеские чувства к нашей группе ничто не сможет так подогреть, как мой проигрыш, я не старался выиграть. Однако мой противник так медленно восстанавливал свободу движений, что все-таки проиграл. Я передал ракетку Пэрлэ.

Мне казалось странным соперничество, которое возникает у только что познакомившихся людей. Потом я понял, что другого просто и быть не может. Даже дружеская беседа — не что иное, как соперничество. Ее цель — показать себя с лучшей стороны, захватить преимущество над собеседником. «Может сыграем?» Спортивная или светская игра с ее ритуалом условной борьбы как нельзя лучше способна удовлетворить стремление людей закрепить отношения преобладания и подчинения. Вместо того чтобы подавлять это желание, человек удовлетворяет его с помощью различных игр. Бьет по шарiku или мячу, побивает карты, уничтожает пешки. В этой системе партнер не является объектом атаки, он лишь тот, кто обеспечивает вам волнующие мгновения. Особенно если вы выигрываете.

Мы довольно рано покинули Гурван-Тэс, надеясь к вечеру добраться до лагеря, но на половине пути заметили две юрты — кто-то вспомнил о баранине. К усадьбе приближалось стадо, подгоняемое женщиной. Мы подошли, из юрты высунул голову хозяин, одетый по степному обычаю так, будто вот-вот отправится в путь: в дэли, застегнутом доверху, туго перепоясанный желтым шарфом, в сапогах. Оседланная лошадь стояла под веревкой, натянутой между двумя жердями. Мы с Пэрлэ присели в тени юрты и завели разговор о том, о сем.

Блеск солнца ослаб, лучи пожелтели, краски степи сгустились. В усадьбе пахло навозом. Ветер утих, и в тишине резко раздавалось мычание верблюжат в стаде. Привязанные веревками к колышкам, вбитым в землю, они плакали, обратясь на восток. С еще не проколотыми носами, в намордниках из плетеного волоса, с длинными ногами и огромными карими глазами, обрамленными пушистыми ресницами, они больше походили на плюшевые игрушки, чем на животных. Верблюжатам было по нескольку недель, двигались они скованно, механически переставляя ноги.

Напротив стада, спиной к юртам сидела трехлетняя девочка. Ее не привлек шум мотора. Разговаривая сама с собой, она смотрела на верблюдов, на степь позади них и дальше, на фиолетовую гору Хугшу. Время от времени она набирала в обе руки песок и подбрасывала его. Затем снова сидела тихо, задумчиво, неподвижно глядя на этот единственно знакомый мир, не ощущая его тяжести, уверенная и спокойная.

Я понял, почему так волнуются верблюжата, когда из-за холмов, покрытых похожими на сердечник листиками нитрарии, показались верблюдицы и врассыпную, не торопясь и покачивая головами, стали приближаться к своим детенышам. Первая из них без тени колебания миновала нескольких верблюжат и подошла к своему дитяти, которое уже издали рвалось к ней, перебирая ногами. Она подставила бок, верблюжонок страстно и нетерпеливо ткнулся мордочкой ей под брюхо и принялся жадно сосать.

Пригнали стадо коз и несколько баранов, державшихся особняком. Продавать барана хозяева не захотели — зарезали козу. Мы взяли только заднюю часть туши, оставив им остальное мясо, а также шкуру и внутренности. Пока мы занимались всем этим, хозяин подошел к нашей машине, присел на корточках у заднего колеса, вынул из насечки покрышки комочек глины и растер его пальцами. Он внимательно изучил его, а когда глина совсем рассыпалась, понюхал пальцы и взглянул на небо. В сторону Гурван-Тэса плыло небольшое плоское облако, и мне стали ясны действия пастуха. Погода, обстановка в степи, наличие травы и воды на обширной территории имели огромное значение для хорошего выпаса стада. Животные не могли кормиться

на одном месте слишком долго. Их приходилось гнать на другие пастбища, когда на одном кончался корм, когда степь пожирала грызуны или в пору созревания трава покрывалась вредными колючими семенами. Поэтому пастухам было ценно каждое новое свидетельство об отдаленных пастбищах. Возможно, хозяин хотел отогнать стадо на новые места, расположенные в той стороне, откуда мы приехали.

Если бы это происходило полвека назад, мы прибыли бы сюда не на машинах, а на верблюдах, тогда опытный пастух многое смог бы узнать об условиях выпаса на протяжении всего пути каравана. Ему рассказали бы об этом состоянии шерсти лошадей и верблюдов, их навоз, моча, поведение. Но машина?.. Монгол тяжело поднялся, вытирая руку о дэли. Он спросил о лошадях: не попадались ли нам шесть кобылиц и белый жеребец. Два дня, как они пропали. Когда «стар» двинулся с места, он тоже вскочил на коня, пустился галопом и скрылся из виду.

Мяса мы купили мало, поэтому, вместо того чтобы ехать в многолюдный лагерь, вскоре остановились поужинать среди саксаулов.

На следующий день уже недалеко от лагеря мы встретили машину Сайнбилига. В кабине сидели Циприан и Самбу. Они везли ящики со скелетами «панцирного» и зауролофа, чтобы сгрузить в Гурван-Тэсе, а до этого хотели заехать в сомон за хлебом. В семнадцать «стар» добрался до лагеря.

За полдником мы отчитывались друг другу о проделанной работе, и, когда принялись перечислять наши находки, оказалось, что поездка была весьма удачной. Мы привезли немало любопытных фрагментов скелетов, исследование которых могло внести много нового в науку о динозаврах. Я думаю, что мы были несколько избалованы находками, сделанными в наиболее богатых отложениях впадины. В сравнении с ними любое менее обильное местонахождение разочаровывало.

Целый день наша группа провела у скелета панцирного, найденного Циприаном. Скелет находился не в наших глубоких ущельях, а на территории, которую мы называли «Алтан-Ула III», в довольно мелком ущелье, без ярко выраженных стен, среди холмов, покрытых

камнями. На дне рва, по которому раз или два в год стекала дождевая вода, лежал камень из песчаника. На нем вырисовывались дугообразные полосы. Это были ребра животного, по которым можно было определить размеры грудной клетки и объем туловища. В грудной клетке свободно поместился бы человек. Опоясывая камень, ребра сбегались к его нижней части, где, наклонившись, можно было увидеть спинные позвонки. Таз оказался несколько разрушенным, но многие его части еще находились в камне, который был твердым, как металл, и звенел от удара молотка. У основания камень слился со скалой, составляя с ней одно целое. Однако ниже кости скала была настолько мягкой, что крошилась под ножом. Это подтверждало наше давнишнее наблюдение: осадок, окружавший мертвое животное, каким-то образом отвердевал, возможно благодаря элементам разложения. Именно этому процессу мы обязаны тем, что находим остатки скелетов в глыбах, торчащих над скальными плитами, но лишь незначительно разрушенных выветриванием.

Сросшиеся позвонки, которые составляли крестцовую кость рептилии, располагались в самом холме. Под ними должен был находиться хвост, если он не оторвался. Эта часть тела панцирных динозавров, очевидно, играла особую роль. Хвост и его своеобразное окончание были, пожалуй, самой массивной частью скелета и благодаря этому сохранялись в осадке лучше других костей. Поэтому трудно обычно определить, какому виду, описанному на основе остальной части скелета, принадлежит отдельно найденный хвост. В этот раз теплилась надежда, что хвост еще лежал на месте.

Мы начали гигантские земляные работы: отбрасывая лопатами завалы песка, раскапывали холм. Мужчины поочередно копали лопатами, а потом, когда скала стала твердой, разбивали грунт кирками. Тереса и Марыся пропитывали клеем ребра и кости таза. Вскоре там, где оканчивалось туловище, мы докопались до продолговатой формы, погруженной в более мягкий материал. Я обчищал ее лопатой, обнажая все большую часть длинного вала из желто-красного песчаника. Внезапно камень отпал в виде полукруглой скорлупы. Внутри каменной трубы перед нами открылась необычная структура. Все присели над ней, соединив головы.

Хотя я привык к временным отрезкам, которыми оперирует наша наука, но все-таки не мог не задуматься о возрасте находки: верхний мел, восемьдесят миллионов лет назад. Перед нами лежало нечто похожее на свежеприготовленный анатомический препарат: ряд массивных цилиндрических образований — хвостовые позвонки. Они прилегали друг к другу поверхностями, из которых одна была вогнутая, другая выпуклая, как в суставе, что обеспечивало животному движение. Но этот хвост был окружен сеткой из окостеневших светлых, похожих на веточки ивняка, ободранные от коры, сухожилий. И сплетены-то они были корзиночкой — косым плетением. Аналогии, возникавшие при виде этого органа, относились не к области анатомии, а скорее к области механики. Не орган, а приспособление, сконструированное для определенной цели. Чтобы разобраться в нем, надо было освободить хвост целиком.

Мы снова взяли в руки лопаты. Серый зной навалился на пустыню. Время от времени в глазах начинали кружиться темные точки. Кожа покрывалась влагой, соленые струйки сбегали по носу. Наша выемка концентрировала лучи, как вогнутое зеркало. Песок обжигал подошвы сквозь толстые ботинки. Дышать нечем. Под низкой стеной, под камнями разбросаны узенькие, как обрезки черной бумаги, бесполезные тени.

Показался каменный вал — место, где когда-то хвостовые позвонки были покрыты слоем мышц, кровеносных сосудов, нервных волокон и кожи. Из его цилиндрической поверхности выступали кончики белых костей. Очистив один от породы, мы обнаружили шип, похожий на утолщенный акулий плавник. Ряд таких шипов торчал в сплетении сухожилий, но не прикреплялся к ним. В живом организме шипы были соединены кожей. Совершенно ясно, что хвост имел совсем другое назначение, чем хвост двуногих динозавров, который помогал им сохранять равновесие на бегу. Он также не мог служить опорой для туловища, когда животное садилось. Грузная рептилия, заключенная в панцирь, была вообще неспособна присесть, подняв переднюю часть туловища. Таким образом, хвост служил орудием обороны.

Еще не закончив выемку, я зацепил лопатой за кость, не связанную с хвостом. Сначала мы решили, что это конечность «панцирного», но, очистив ее мягкими кистя-

ми, увидели три мощных когтя и узнали лапу тарбозавра, самого крупного хищника всех времен и единственного охотника, представлявшего угрозу для «панцирного». Вероятно, именно существование тарбозавров обусловило необходимость возникновения панциря. Теперь лапа преследователя покоилась в могиле жертвы. Других остатков поблизости не было, поэтому соседство было скорее всего случайным. Вероятно, после гибели обеих кости течением реки занесло в одно углубление. У тарбозавра было три пальца двадцати сантиметров длиной, четвертый, остаточный, рос сзади и соединялся с костями плюсны. Вся стопа от кончиков когтей до пятки насчитывала полметра. Она представляла собой основу столбообразной ноги, одной из двух, служивших передвижению шеститонного туловища. Такая лапа, скрепленная с позвоночником, скорее всего затрудняла движение тарбозавру, особенно немолодому. В то же время челюсти его, подобные обоюдоострым ножам, снабженные зубами, представляли опасность для панциря. Что же служило средством активной обороны у «панцирного»?

Откопав хвост целиком, мы убедились, что он оканчивался утолщением, похожим на сплюснутую булаву. Это была сумчатая кость, которая при жизни животного могла весить до шестидесяти килограммов — не самая крупная из тех, что мы находили прежде. Несколько лет назад нам попался хвост с таким же утолщением, похожим на гигантскую дыню диаметром в шестьдесят сантиметров. Он принадлежал другому виду панцирных динозавров. Животное, конечно, не могло «размахивать» хвостом, отягощенным такой гирей. Плетенка из сухожилий связывала систему в одно целое, укрепляла ее, обеспечивая в то же время значительную упругость. Пружина с маховым грузом на конце! Я видел средневековую булаву в улан-баторском музее. Она снабжена гибкой ручкой, переплетенной ремнями вместе с железным кулаком на конце.

Панцирный динозавр был неспособен делать боковые движения хвостом, но наверняка мог развернуть заднюю часть туловища и молниеносно нанести боковой удар. Его хвост, как гибкая палица, бил агрессора по ногам и в лучшем случае ломал ему голень. Действие этого оружия было весьма эффективным, к тому же при слабо развитых передних ногах тарбозавр передвигался на

двух задних. Повреждение хотя бы одной задней ноги лишило его возможности продолжать атаку. Даже если удар лишь опрокидывал его, он, ударившись всей тяжестью шеститонного тела о землю, оставлял попытку дальнейшего преследования.

Панцирный динозавр из всех представителей животного мира того времени был, вероятно, наименее агрессивным. Его оружие — хвост-палица служил скорее для защиты, чем для нападения.

Стоит помнить, что такие неагрессивные животные существуют и теперь, и это мирное отношение к жизни не мешало и не мешает им успешно развиваться. Панцирные динозавры были неоднородной группой животных, населявших огромные пространства материков. И если они таинственно исчезли с лица Земли, то лишь потому, что им пришлось разделить судьбу всего отряда динозавров.

Мы прервали работу, как обычно, в полной темноте. По дороге к лагерю вспомнили, что нас, вероятно, ждут письма, привезенные Циприаном. Однако машина не пришла. За ужином, сидя под белыми навесами при газовых лампах, отгонявших ночных бабочек, мы всматривались в степь, не светят ли фары.

В холодный облачный день работалось хорошо. Извлечь и упаковать хвост не составило никакого труда. Три натуральные трещины позволили разделить его на четыре части. Предстояла наиболее трудоемкая работа: вывезти скалу с ребрами и тазовой костью. Мы сумели разделить и ее, вбив тяжелым молотом клинья. И все-таки самая тяжелая часть весила более двухсот килограммов. С помощью стального каната, который подтягивался лебедкой, нам удалось передвинуть глыбу на более удобное место. «Стар» повернули задом и втащили в него скалу по наклонным балкам.

На дне рва осталась пустая вмятина. Она может сохраняться в здешнем климате годами. Мы не раз наткнулись на следы своих раскопок 1965 года. Они выглядели так, словно были оставлены несколько дней назад. В полдень вся группа во главе с Баликом направилась к скелету зауролофа. К сожалению, второй раз открыватель не мог отыскать его. Меня это не удивило, поскольку окружавшие нас холмы походили друг на друга как две капли воды. Рассыпавшись цепью, мы

стали прочесывать их во всех направлениях. Балик, на мой взгляд, не очень-то сокрушался, а Тереса и Марыся не отказали себе в удовольствии сделать ряд ехидных замечаний об умении мужчин ориентироваться в полевых условиях. После этого они решили, что мы ищем совсем не там, где надо, и каким-то чудом вывели нас к скелету.

Он и вправду был гигантом. Фрагменты костей выступали из обширной горизонтальной плиты во многих местах. Хотя они сильно разрушились, тем не менее стоило заняться их консервацией. Такое большое число костей будило надежду, что этот скелет почти полный. Трудность представляла транспортировка монолитов, поэтому мы начали работы с поисков подъезда к ним. Единственно возможный путь лежал вдоль не очень глубокого, но длинного, до нескольких сот метров, сайра, в некоторых местах слишком узкого. Необходимо было подготовить дорогу. Мы принялись стесывать склоны, засыпать уступы, расширять слишком тесные повороты ущелья.

Работали до обеденного перерыва. Циприан все еще не появлялся. Он приехал лишь в часы сиесты, когда мы дремали в тенистых уголках лагеря, разморенные жарой и обильной пищей. Задержка стала понятной, когда мы увидели Самбу с забинтованной головой. Янек немедленно забрал его в свою палатку и обнаружил под повязкой резаную, не менее пяти сантиметров рану. Однако нам не удалось узнать о ее происхождении, поскольку ни Самбу, ни его товарищи по поездке не проронили ни слова. Задержка, по их словам, произошла только потому, что пришлось дожидаться почтовой машины. Самолет из-за болезни пилота все еще не летал.

В этот день мы уже не вернулись к зауролофу. Надо было сбивать ящики для скелета панцирного и подготовиться к завтрашнему приему по случаю нашего национального праздника. Мы пригласили советскую группу, которая все еще находилась в Наран-Булаке. А пока соорудили огромный костер из саксаула и спрятали внутри сюрприз.

В праздничный день с утра шел дождь, не переставая ни на минутку. В то время как Самбу с небольшой температурой и с выражением таинственности на лице лежал в палатке, остальные мужчины работали на заготовку

ке ящиков и урывками помогали дамам готовить блюда для вечернего пира. В половине шестого, когда небо прояснилось, с небольшим опозданием приехали гости. Группа явилась не вся. Несколько дней назад у них произошел несчастный случай. Во время работ у отвесной скалы осыпался мягкий песчаник и завалил обломками несколько человек. Одного из них засыпало полностью. Его откопали, но одно ребро было сломано, и кожа во многих местах содрана. Пришлось отвезти пострадавшего в больницу.

Программу вечера открыли соревнования по стрельбе. Мишенями служили консервные банки. Мои коллеги стреляли лучше, чем полагалось гостеприимным хозяевам, и выиграли у гостей.

Затем сели за стол. Он был освещен газовыми лампами и в окружавшей его темноте казался чудом в пустыне. Пестрые скатерти, ряды тарелок и салфеток, сверкающие приборы, разные закуски, салаты, напитки, приправы! Поздним вечером мы перешли в юрту, где нас ожидали кофе и сласти. Балик пел романсы под гитару. Потом разожгли костер. Пламя охватило огромную кучу веток, мы затаили дыхание, ожидая. Раздался треск, как будто разломилось дерево, посыпались искры, взвилась полоска дыма. Таков был конец укрытой в костре ракеты.

5

Утром мы встали немного позже, чем обычно, в восемь часов, и все, кто не был занят в лагере, отправились посмотреть, как доберется «стар» до «скелета Балика». Машина скрежетала и скрипела на поворотах, упорно шлозая на ступы. Под самый высокий из них — ступеньку метровой высоты — мы подсыпали камней. Глубокая нарезка покрышек, как челюсти, захватила край уступа, и машина сдвинулась.

Предварительная очистка плиты, в которой находился скелет, обнаружила закрытую обломками тазовую кость рептилии и выходящую из сустава бедренную кость. Остальная часть конечности могла находиться в скале. Прорисовывались позвонки длинного хвоста. Твердая, как бетон, скала с трудом откалывалась под ударами долота. Но главное открытие состояло в том,

что это оказался вовсе не травоядный зауролоф, а хищный тарбозавр. Извлечь скелет из скалы было крайне трудно, но он сохранился почти полностью, и мы решили продолжать работы.

Длина линии позвоночника от самых мелких позвонков до осколков передней части черепа составляла двенадцать метров. Следовательно, это была взрослая зрелая особь — один из наиболее крупных тарбозавров, известных до сих пор. На плите, в которую он был заключен, легко уместилось несколько человек. Они вполне могли работать одновременно, не мешая друг другу.

Легче всего оказалось обнажить хвост. Тело первых позвонков, расположенных сразу позади таза, было огромным. Сплюснутые с боков позвонки достигали в высоту тридцати сантиметров. Из них почти перпендикулярно, с легким наклоном назад, торчали такого же размера отростки. Их неровные и утолщенные края когда-то прикреплялись к мышцам и сухожилиям. Назад отклонялись и горизонтальные отростки, помещавшиеся с обоих боков позвонка, словно крылья. В отличие от хвоста панцирного динозавра у этого хвоста мы не обнаружили укрепляющего аппарата. Позвонки обладали значительной подвижностью. Большое число мышц обеспечивало гибкость и способность к самостоятельным движениям. На конце хвост был очень тонкий, похожий на кнут. Самые маленькие позвонки имели диаметр карандаша.

Роль этого упругого, довольно тяжелого хвоста казалась очевидной. Животное было двуногим, бегало и ходило в полупрямом положении, следовательно, хвост служил противовесом для передней части тела. Тарбозавр, лишенный по какой-то причине хвоста, не смог бы оторваться от земли. Огромную голову, толстую шею и вместительную грудную клетку, выступавшие далеко за опору (ноги), было бы просто невозможно сдвинуть. Вероятно, тарбозавр мог быстро бегать, настигать свою травоядную жертву, а движения хвоста придавали ему маневренность, обеспечивая туловищу повороты в нужном направлении. Наконец, животное могло опереться на хвост, перенеся на него часть тяжести с ног, когда оно присаживалось с выпрямленным туловищем и головой, поднятой высоко над зарослями, чтобы высмотреть добычу.

По дороге в лагерь мы увидели в одной из многочисленных впадин скелет верблюда. На нем еще сохранились остатки высохшей, как пергамент, кожи, а затвердевшие сухожилия не давали костям рассыпаться. Мы смотрели с высоты кузова на этот полумумифицированный труп, пораженные необыкновенным сходством его положения с положением останков тарбозавра. Оба животных покоились на правом боку. В смертельной судороге подняты к животу задние ноги, спина выгнута дугой, голова запрокинута назад, как бы отброшена на спину.

Это сравнение наталкивало на мысль, что тарбозавр, как и верблюд, окончил жизнь на сухом месте. Его также не тронули хищники: не тащили и не терзали его, что изменило бы положение скелета. Изогнутость спины могла сохраниться только благодаря иссушению сухожилий. Если бы они размягчились от воды, кости были бы расположены произвольно.

Однако самое сильное впечатление на меня произвело само сходство, которое как бы подтверждало, что тарбозавр и вправду был настоящим животным. Подобно верблюду, он был когда-то живым, а потом упал, издал свой последний вздох, скорчился в смертельной судороге, а прежде он существовал, ходил по Земле. Наверное, до этой минуты в моем подсознании таилось сомнение, является ли предмет наших исследований тем, за кого мы его принимаем? Что это были за создания, имеющие теперь форму скелетов, отлитые из камня неизвестно кем и когда? В конце концов у нас нет непосредственных доказательств того, что они когда-то были частью животного мира. Многочисленные свидетельства их существования все-таки говорят больше разуму, чем воображению.

На следующий день работы продвинулись мало. Ясное с утра небо вскоре затянулось тучами. Они поплыли странными валами, подобными морским волнам, и пролились дождем, который шел не утихая до самой темноты. Палатки промокли, обед запоздал, потому что сырые дрова не разгорались. Ночью сорвался ветер и разогнал тучи. В воскресенье солнце залило пустыню. Большая часть группы провела этот день в горах. Я был дежурным по кухне и мог спокойно заняться приготовлением воскресного обеда. В половине восьмого вечера

Я накрыл стол. Крепкий томатный суп с большим количеством сладкого и черного перца; остросладкая, тушенная с абрикосами и миндалем телятина, на гарнир рис. На третье голландский десерт: внизу сухое, пропитанное вином печенье, залитое заварным сливочным кремом, и гоголь-моголь с изюмом, наверху сладкая груша из компота. Затем кофе, чай и «коровки» — конфеты, приготовленные по рецепту русских: нераспечатанная банка сгущенного молока кипятится в воде шесть-семь часов. В ней образуется темно-коричневая, густая, сладкая масса.

В сумерки недалеко от лагеря, среди плоских, как столешницы, скал, я обнаружил чистую светлую лужу. У самой воды на камне сидел большой ворон. Он был один, хотя обычно эти птицы держатся парами. По вылинявшим растрепанным перьям, по облезшим ногам и белой, как иней, полоске вокруг клюва я понял, что ворон очень старый. В его поведении не чувствовалось страха, он только повернул голову в мою сторону. Я уселся рядом, и мы долго смотрели друг на друга. Похоже, он умирал, силы покинули его. Веки птицы тяжело поднимались и опадали. Этот мир уже не существовал для него. Он был на той стороне, куда никто не мог сопровождать его. Полное, совершенно непревзойденное одиночество.

В другой раз я видел одинокую лису. Я проснулся на рассвете в траве. Спальный мешок и вся степь были покрыты каплями росы. Я увидел издалека, как лиса бежала в мою сторону, и, когда приблизилась, понял, что она никуда не спешит, а бежит просто так.

Рыжая, мокрая от росы, с раскрытой пастью, она перепрыгивала через влажные травы, бросалась на спину, словно отбивалась от кого-то всеми четырьмя лапами, щелкала зубами и вновь срывалась с места. Рассвет был прозрачный, чистый, солнце оранжевое, еще холодное.

Нас разделяло метра два, когда лиса меня заметила, поднялась на задние лапы возле спального мешка, быстро перебирая передними в воздухе, и опять помчалась дальше, закинув голову, задрав хвост, опьяненная ранним утром. Лиса была воплощением одиночества, переполнена радостью, которую она ни с кем не разделяла.

В понедельник, во время завтрака, термометр показывал десять градусов. Ветер морозил кожу. Янек установил, что рана на лбу Самбу не зарубцовывается, хотя прошла уже неделя. Он сомневался в том, нужно ли продолжать лечение в полевых условиях. Мы решили отвезти его в Гурван-Тэс, чтобы оттуда через Далан он переправился в Улан-Батор почтовым самолетом. Его повезли Эдек и Пэрлэ, а также Энхэ, помощница по кухне, которая должна была возвращаться домой в сомон. Заодно они забрали очередной груз ящиков с коллекциями. Мы отправили с ними юрту, начав, таким образом, свертывать лагерь.

При разборке произошел неприятный инцидент. Сняв войлочный покров, мы убрали жерди, составляющие остов юрты. Они лучами сходились к центру, к довольно толстому и тяжелому кольцу с отверстиями, в которые втыкались жерди. После того как жерди сняли, оно поддерживалось лишь двумя столбиками и вместе с ними было уложено на земле. Затем мы стали разбирать низкие стенки. В этом участвовало много народу. Не задумываясь о том, что он делает, Циприан оперся ногой об этот обруч, что вызвало взрыв бурного негодования Пэрлэ. Он резко оттолкнул недоумевающего Циприана и стал кричать, что мы, приехавшие с Запада, имеем ложные представления о его народе. Тем не менее здесь, в его стране, существуют древние традиции, и одна из них — уважение к дому.

Действительно, я слышал раньше, что центральное кольцо юрты особо почитается и хранится как священная часть дома. Точно так же в прежние времена в польских хатах почиталась стреха, поддерживавшая балки перекрытия. Ее освящали, вырезали на ней дату постройки, имя божие.

Вскоре они уехали. Пэрлэ все еще был мрачен, хотя гнев его уже прошел.

С каждым часом мы обнаруживали новые детали скелета тарбозавра. Чтобы окончательно выяснить, сохранился ли череп, мы взялись за скальную плиту в противоположном хвосту конце. Поддев ломами почти отвалившийся камень, мы сумели несколько расширить трещину. В ней виднелись зубы. Лежа на животе, я

приставил глаз к щели и отчетливо увидел их — гладкие, светло-коричневые, с более темными пилообразными концами. Однако черепная коробка была сильно повреждена. Среди щебня валялись ее осколки, и нам пришлось просеивать песок, чтобы отделить их.

От центра плиты сообщили, что показалась лопатка. Она дугой лежала на ребрах, касаясь плечевого сустава. Несколько позже обнажилась передняя конечность. Если бы палеонтологи нашли ее отдельно от скелета, они никогда не подумали бы, что она принадлежит животному этого вида, настолько эта конечность была маленькой, как бы усохшей, и такой короткой, что животное вряд ли могло достать ею до собственного рта. Кисть заканчивалась двумя пальцами. Маленькие, тоненькие косточки конечности свидетельствовали о том, что орган отмирал и уже не выполнял никаких важных жизненных функций.

Если бы в Азии когда-нибудь удалось открыть скелеты этих хищных рептилий более позднего периода — а такого еще до сих пор не случилось, — возможно, что они были бы лишены даже этой остаточной конечности. Тогда можно было бы судить, как быстро происходил регресс. Подобное значительное преобразование скелета — процесс, тесно связанный с развитием видов. Мы сами носим под кожей остаток хвоста, а кожа лишь недавно стала голой и теперь покрыта лишь небольшими островками исчезающих волос. Дело в том, что среди окаменевших останков переходные формы встречаются редко. Когда изменение — например, исчезновение передних конечностей — произойдет и это будет удобным для животного, то вид уже в новой форме может вырасти количественно, занять обширные территории и дольше сохраниться во времени. А это создает большую статистическую возможность сохранения скелетов, чем у переходных форм, период существования которых короче и число значительно меньше.

Весьма трудно ответить на вопрос, по какой причине хищное животное лишилось такого эффективного оружия, как передние лапы, снабженные когтями. Начало этого процесса, думается, относится к тому времени, когда тарбозавров еще не было на свете. За сто миллионов лет до появления этих животных их предки триасового периода, текодонты, стали передвигаться на зад-

них ногах. Передние, утратившие необходимость поддерживать тяжелое тело, становились более примитивными по своему строению. По мере того как животное пользовалось ими все реже, этот процесс усиливался.

Есть основания полагать, что тарбозавру необходимо было быстро передвигаться и преодолевать довольно значительные расстояния. Судя по его размерам, он питался такими же крупными, как он, травоядными динозаврами. Пастбище каждого гиганта должно было быть очень большим, поскольку ему требовалось много пищи. Плотность заселения динозаврами была невелика, это служило своего рода оружием против хищников. Чтобы найти жертву для охоты, тарбозавру приходилось осматривать огромные пространства. Когда же он замечал подходящее животное, ему надо было быстро настичь его, пока оно не почувяло опасность и не скрылось в воде, как, вероятнее всего, поступали зауролофы и зауроподы. При столкновении с жертвой он не нуждался в передних конечностях, даже если бы они были чрезвычайно мощными, поскольку он не смог бы с их помощью держать зауропода, равного весу нескольких слонов. Единственное, что в этом случае было эффективно, — это много-тонная масса его туловища плюс значительная скорость. Животное могло ударить врага грудью и попытаться опрокинуть гиганта, пуская в ход свои метровые челюсти, утыканые острыми зубами. Он мог широко раскрывать пасть и способен был одним махом перегрызть шею зауропода или вырвать кусок мяса из спины. Во всех этих ситуациях передние конечности только мешали бы и при столкновении травмировались. Поэтому они, не имея применения, регенерировали.

Огромные размеры и масса доставляли динозаврам много неудобств, но в то же время давали ряд преимуществ. Чем крупнее животное, тем меньшей опасности оно подвергается, а в случае нападения его трудно одолеть. Поэтому оно может жить довольно спокойно, без постоянной настороженности и напряженного внимания, свойственных более мелким видам.

В этот период я стал более внимательно присматриваться к поведению ящериц, единственных обитавших здесь рептилий, доступных для наблюдения. Самым распространенным видом в этой части Гоби была ящерица такырая круглоголовка. Эти ящерицы, длиной не более

десяти сантиметров, всегда привлекали наше внимание забавным поведением. Испугнутые приближением человека, они удирали с такой быстротой, что глаз не успевал уследить за ними: видна была лишь серая полоска на песке. Они внезапно останавливались и стояли как вкопанные, загибая хвост к спине. Это было похоже на ярмарочную игрушку «тещин язык», которая от надувания раскручивается, а потом мгновенно скручивается. Если мы не шевелились, ящерики поднимали голову и смотрели на нас. Через некоторое время, набравшись храбрости, они вбегали в тень, которую мы отбрасывали. Тогда, набравшись терпения, можно было наблюдать, как они меняют цвет кожи. Светло-палевые на освещенном песке, они мгновенно темнели в тени. Без изменений оставались только ярко-желтые пятнышки у глаз.

Более тесное знакомство завязывалось у нас в самое жаркое время дня, в часы послеобеденного отдыха, когда я укладывался на одеяле, в тени, у входа в одно из ущелий, в стороне от лагеря. Я начинал дремать, и ящерицы, осмелев, вели себя так, как ведут в обычной для них обстановке. Зачастую в поле моего зрения попадало три или четыре такие ящерицы. Они укрывались под жалкими редкими кустиками караганы.

Ящерики старались не покидать тени, сидели неподвижно с открытыми ртами — так они избавлялись от излишков тепла. При этом они были возбуждены зноем и охотились на мух. Оцепеневшие от жары насекомые сидели на тенистых веточках, или медленно ползали по ним, либо с глухим жужжанием перелетали с одной на другую. Ящерики терпеливо ждали, пока те приблизятся, в молниеносном броске хватали мух и, раздавив челюстями, проглатывали. Однажды мне удалось увидеть нечто необычное. Муха уселась на спину неподвижно сидящей ящерицы, а затем поползла по ней к голове. Ящерица, которую та щекотала, сидела неподвижно и только моргала глазами. Муха прошла по голове, по открытому рту, спустилась на песок и уселась в нескольких сантиметрах на сухом стебле. Ящерица, взволнованная всем этим, пружиной свила хвост, наклонила голову. Я думал, что она вот-вот бросится на муху, но она не сделала этого, а просто перестала обращать внимание на это лакомство, легла на песок и прикрыла глаза.

Поведение ящерицы позволило мне яснее усвоить

себе одну истину: во время охоты ею руководит не страсть к нападению. Чтобы броситься в атаку, недостаточно просто наличия мухи. Нужна потребность в атаке. Этот маленький хищник был занят только собой, состоянием своего желудка. Если он хватал насекомое, то лишь под влиянием голода. Для самой ящерицы муха не была объектом нападения. Значит, нападение не было следствием агрессивности.

Я попытался представить себе, чем стали бы эти ящерицы, снабди их природа неиссякаемой потребностью в нападении на мух. Если бы в течение миллионов лет их эволюция шла по линии, усиливавшей агрессивность поведения, хищные инстинкты вскоре взяли бы верх над всеми другими. В результате ящерицы под влиянием этой неограниченной потребности стали бы нападать на все, что движется, в том числе и на тех животных, которых они неспособны одолеть. И все оттого, что их целью было бы нападение само по себе. Подобное поведение вызвало бы довольно скорую гибель агрессора. Нет свидетельств того, что поведение современных гобийских ящериц принципиально отличается от поведения их триасовых предков. А это означает, что природа сохранила их агрессивность на том же уровне. И скорее всего это относится не только к рептилиям.

Параллельно с выемкой скелета тарбозавра продолжались столярные работы в лагере. Особенно охотно занимались приготовлением ящичков для коллекций Балик и Циприан. Мы разделили скелет на части, используя естественные трещины. Предварительные расчеты показали, что самый большой ящик с тазовыми костями и конечностями будет весить тонны три. Засомневались, сможем ли мы без крана погрузить его в машину.

«Стар» наконец вернулся в лагерь. Пэрлэ успокоился, гнев его исчез без следа. Он сказал, что все в порядке, груз сложен в Гурван-Тэсе. Рядом с клубом выросла гора ящичков — плоды трудов целого лета. Дожидались самолета — одномоторного «кукурузника». Забрали почту, а на борт посадили Самбу. В сомоне купили хлеба, а на обратном пути заехали в лагерь к русским и привезли от них приглашение на первое августа.

Наступала осень. Несколько дней стояло холодных, хотя небо было ясное. В полдень поднимался ветер и не утихал до вечера. Ночи холодные, тихие, искрящиеся звездами. Залезая в спальный мешок, Анджей увидел притаившегося тушканчика. Забежав в палатку, он не смог выбраться наружу. Зверек был молодой, меньше тех, которые попадались нам в степи, пушистый, покрытый светлой палевой шерсткой, с голым хвостом, который был длиннее тела и оканчивался кисточкой. При прыжках хвост служил рулем: он напряженно откидывался назад, помогая таким образом удерживать равновесие. Задние, как у кенгуру, ноги подобно пружинам выбрасывали маленького, с ладонь, зверька на расстояние до двух метров. Передние лапки он складывал и прижимал к груди. Мы посадили его в ящик с песком, чтобы рано утром сфотографировать и выпустить.

Началась заливка гипсом главного монолита тарбо-завра. Ящик охватывал весь таз, правую ногу и часть хвоста. Мы законопатили обшивку песком, а пустоты внутри прямоугольника принялись заполнять кусками дерева, консервными банками, корнями саксаула, чтобы уменьшить количество необходимого гипса и тем самым — вес монолита. Потребовалось девять мешков гипса и триста литров воды, но и этого не хватило, поэтому работу пришлось прервать. Мы надеялись, что часть воды испарится на солнце, и вес уменьшится.

Во второй половине дня, после того как машина Сайнбилига выехала из лагеря в Гурван-Тэс за гипсом, я пошел с Войтеком в ущелье, чтобы выполнить обещание, данное музеем в Далан-Дзадгаде. Меня просили привести кость динозавра, не очень ценную с научной точки зрения, но достаточно эффектную в качестве экспоната. Мы шли между стенами скал, из которых кое-где торчали недоступные для выемки фрагменты скелетов; по щебневым осыпям взбирались на гряды, разделявшие ущелья, и снова съезжали в их глубину на ногах. Нам не удалось найти ничего стоящего.

Обратно шли в сумерках в полной тишине поодиночке по параллельным хребтам, разделенным сайром, останавливаясь время от времени, чтобы посмотреть на темнеющие горы и отодвинуть возвращение в лагерь.

Потом Войтек скрылся из виду. Я обходил небольшую скалу с разноцветными — оранжевыми, желтыми, белыми — гранями. Нашел немного яичных скорлупок, торчащих в стене. На дне каньона залегли синие тени. В неподвижном воздухе я слышал свое дыхание.

Недалеко от лагеря, там, где кончалась скальная гряда, я искал спуска на террасы, лежавшие на несколько десятков метров ниже, огибая выглаженный ветром выступ песчаника и двигаясь по его тенивой, уже фиолетовой стороне. Шел медленно по висевшему над пропастью карнизу, на котором едва умещались ноги.

В этот момент на карниз из-за выступа прыгнул горный баран, архар. За какую-то долю секунды мы оказались друг против друга. Нас разделяло всего три метра. Я никогда не стоял так близко от дикого барана, а он, вероятно, не был в такой близости от человека. Мы оба отреагировали на эту неожиданную встречу одинаково: неподвижно застыли на месте. Его глаза цвета светлого янтаря, подобные огромным, прозрачным сверкающим камням, уставились на меня, не мигая. Пока я лихорадочно думал, что делать — отойти назад, прижаться к скале? — он размышлял над тем же. Прошли первые секунды взаимного созерцания. Потом глаза дрогнули, он бросил два молниеносных взгляда, один на пропасть, другой на скалу. Оба пути были отрезаны. Он не мог отпрянуть назад: карниз кончался. Баран стоял на самом краю нижней части выступа. Чтобы возвратиться назад, ему надо было развернуться, но для этого не хватало места. Боком и рогами он касался скалы. Ему оставался лишь один путь — вперед.

До меня доходил его острый запах. Он все еще запрокидывал голову. Огромные скрученные, словно корни, рога — две окружности, покрытые узлами и шишками, твердые, как железо, и тяжелые — поддерживала сильная, почти бычья шея. Если бы он ринулся на меня, то смел бы без малейшего труда. Я стал передвигать ногу, осторожно подаваясь назад. Слишком резкое движение могло послужить сигналом к нападению. Три метра, казалось, были непреодолимой границей. Полшага меньше — и чувство опасности заставило бы нас схватиться. Впервые у него дрогнули ноздри — мягкие черные лоскутки. Баран стал принюхиваться, и я понял, что он уже не ударит. Я все еще не спускал глаз с его узкой кости-

стой, покрытой короткой шелковистой шерстью кофейного цвета морды. И вдруг он поднялся в воздух. Сначала присел, потом прыгнул вытянутой струной перпендикулярно вверх, вдоль стены выступа, ударившись о нескопытами. Натянутая кожа на палевых бедрах сморщилась. Посыпались обломки скалы. Подброшенный силой удара, он полетел еще выше, к краю обрыва, зацепился за него, и с лета перешел на горизонтальный бег по выступу. Далеко позади меня промелькнул его зад, и архар исчез из виду.

Мне удалось лечь спать раньше, чем обычно, в десять часов. Я залез в спальный мешок, оставив открытым вход в палатку, через который виднелись звезды и блестящий серп луны. Было семнадцать градусов — температура падала. При свете свечи я еще раз просмотрел полученные сегодня письма. В одном из них студентка факультета полонистики из Кракова с грустью сообщала, что тема ее дипломной работы — моя литературная деятельность. Девушка просила разрешения встретиться, чтобы задать мне кое-какие вопросы. Письмо сильно запоздало. Беседа уже не имела смысла. Ее работа наверняка закончена, диплом получен. А я, вместо того чтобы спать, долго размышлял над тем, как могло случиться, что тысячи, сотни тысяч просвещенных умов на Земле находят удовольствие в исследовании вымышленного мира литературы, и как дошло до того, что их деятельность столь высоко ценится.

Пасмурным утром мы — Тереса, Войтек, Пэрлэ, Анджей и я — втиснулись в «мусцель», чтобы поехать к обнажениям Алтан-Ула II и там наконец собрать что-нибудь для музея в Далан-Дзадгаде. Сначала я придерживался какого-то следа, затем направился напрямик — через холмы и рвы, огибая одинокие стволы саксауля. Когда высокий откос приблизился настолько, что стали четко видны его пестрые краски, нависшие глыбы камней и ворота ущелий, мы ощутили волнующее дыхание, которое обычно исходит от незнакомых мест и освежает воображение.

Мы быстро разбежались в разные стороны и начали поиски. Вероятно, в подсознании каждого из нас таилась надежда встретиться с чем-то необычным. И каждый желал, чтобы эта встреча произошла один на один.

Однако случилось так, что кости оказались на по-

перхности и были видны издали. Все заметили их одновременно. Мы решили, что надо взять два тяжелых, как мельничные жернова, позвонка зауропода, останки четвероногого травоядного динозавра, самого крупного среди ископаемой фауны Гоби, которые попадались чаще других.

Позвонки лежали у входа в короткое ущелье, поэтому мы обследовали склон, чтобы проверить, не свалились ли они сверху, а потом осмотрели и само ущелье, откуда сезонные дожди выносили много материала. Но мы не нашли никаких следов скелета. Может быть, его вообще не было, а в осадке оказались только эти два позвонка, когда-то унесенные рекой далеко от места, где лежали останки зауролофа.

Кроме того, мы упаковали несколько костей небольшого орнитомима, а для музея — заднюю лапу тарбозавра — предел мечтаний. Она белела среди скальной россыпи, желтых глыб песчаника. Мы легко собрали рассыпанные кости, сложили их вместе. Получилась трехпалая нога с острыми когтями, похожая на чудовищную куриную ногу величиной полметра. Состояние костей было на редкость хорошим: не деформированные, твердые, как камень.

Вернулись в лагерь рано, задолго до обеда, и это оказалось кстати. Еще издали мы увидели над полотняной крышей голову верблюда и поняли, что у нас гость. Горбы были покрыты пестрым ковром, на нем лежало седло с притороченным бурдюком, свисали мощные стремяна с предохранителями из толстой кожи для стоп, которые защищали ноги при езде в зарослях саксаула.

— Сайн баин уу! — Здравствуйте! — громко приветствовали мы гостя. За моей спиной Войтек прошептал Балику:

— Это муж Од, они кочуют в котловине, она депутат Большого Хурала.

— Я охочусь поблизости и заехал к вам немного отдохнуть, — объяснил прибывший.

— Вы пообедаете с нами, — объявила Тереса.

— Мне надо уехать до темноты, — ответил тот. — В окрестностях появились волки.

Мы взглянули на него с недоверием.

— Правда! — подтвердил приезжий. — Волки съели шесть верблюдов. Я ходил по следам так долго, пока не

подстрелил одного, но он убежал. Никто из ваших не видел следов?

Мы отрицательно покачали головами.

— Следов много, — продолжал гость, — у дождевого озера среди холмов. Звери приходят на водопой, может быть, попадутся мне.

У него был старый русский карабин с длинным стволом и самодельная деревянная подпорка с развилкой на конце. За обедом спросили его, какие еще звери здесь встречаются.

— Барса уже нет на Алтае, — так по-монгольски назвал он снежную пантеру, — но мой дед, — продолжал гость, — еще часто встречал его в горах. Я сам раз видел эту кошку, как она задрала овцу на зимовье в горной долине и тащила ее по снегу в лес.

— Какой зверь самый опасный для человека? — пожелал узнать Циприан. — Барс или гобийский медведь?

— Верблюд! — неожиданно изрек гость и повел вокруг глазами, чтобы проверить впечатление. Убедившись, что все приняли его слова за шутку, он поднял рукав дэли и показал шрам на локте.

— Это сделал самец-верблюд. Самцы во время гона никого не переносят поблизости от своих самок и преследуют не только других самцов, но и лошадей и всадников. Чтобы всех остеречь, владельцы повязывают на шею таким верблюдам красные шнуры, которые хорошо видны издали.

Он не заставил себя долго упрашивать и поведал нам свою историю. Много лет назад он скакал верхом и оказался в опасной близости от стада верблюдов, когда заметил, что разъяренный самец несется прямо на него. Бежать было поздно. Правда, он пустил коня в галоп, но верблюд мчался быстрее и с каждым шагом догонял его. Зима, снег, ясный морозный день — сорок градусов. Видя, что не уйти, преследуемый схватил толстую деревянную палку, которой обычно погоняют лошадей и, кроме того, в этой части Монголии пользуются для защиты от нападения верблюдов. Палка была короткая, и он держал ее за середину, выжидая удобного момента. Верблюд, роняя с морды клочья пены, раскрыл пасть, чтобы укусить всадника. Тот, не медля, всунул ему в пасть руку, пытаясь поставить палку вертикально между челюстями. Так поступают всегда, и это усмиряет самца.

Но тогда получилось неудачно. Палка соскользнула в сторону и упала на землю. Верблюд схватил наездника за локоть и выбросил из седла, однако не стал догонять бегущую лошадь, а повернулся к человеку. Он лежал на снегу и почти не чувствовал боли: укус был не очень сильным благодаря зимнему дэли. Монгол вскочил и отпрыгнул в сторону. Но самец снова напал на него. Он казался огромным, зимняя шерсть вдвое увеличивала его размеры. Кроме того, он был страшен: покрытая инеем грива, висящие по бокам клочья шерсти, запорошенные снегом, оттянутые губы, обнажающие похожие на лопаты зубы. Он поднял передние ноги, пытаясь ударить ими человека. Однако тот знал, как защищаться в подобных случаях. Нападения верблюдов нередки, и уже маленькие дети, изучившие приемы национальной борьбы, пробуют силы в поединке с молодыми верблюдами. Именно приемы, разработанные для рукопашной схватки, находили здесь применение.

Преследуемый уклонился от копыт животного во время очередной атаки, схватил его за шерсть на боку и не позволил себя отбросить, когда верблюд повернулся. В следующий миг он прыгнул под брюхо верблюда, схватил его за заднюю ногу и изо всех сил стал поднимать ее. Гигант потерял равновесие и плюхнулся в снег задом, перевернувшись на бок. Человек выскочил из-под него и кинулся к передней ноге. Он дернул за нее, прежде чем верблюд смог пошевелинуться, выпрямил и заломил за шею. Борьба была окончена. Кровь ручьем лилась из раненого локтя, но верблюд был обезоружен. Он делал отчаянные попытки подняться, однако все больше прижимал шею к земле. В таком положении он находился несколько часов, пока не успокоился.

После полудня из Гурван-Тэса вернулись обе машины, и, несмотря на мелкий дождь, мы поехали к тарболаву. Наш выезд в Тугрик зависел только от завершения работы по выемке скелета. Несколько человек все еще поправляли подъездную дорогу. Остальные заполняли ящик жидким гипсом, а когда он высох, забили крышкой. Затем надо было отделить блок песчаника от материнской скалы, с которой он все еще был соединен основанием. Для этого мы обвязали основание стальным

тросом и начали накручивать его на лебедку нашего «стара», разрезав песчаник словно пилой. На следующее утро, зацепив трос за ребро ящика, мы подняли монолит. Все бросились осматривать место разреза, так как опасались, что трос повредит выступающие кости. Однако все было в порядке, а с огромного блока, укрепленного в вертикальном положении в ящике без дна, часть песка осыпалась и обнажила поверхность скрытой прежде от глаз кости. Это было другое бедро. Значит, в монолите находился таз и обе конечности.

Монолит стоял на пологом склоне. «Стар» приблизился к нему задом. Мы выкопали яму под задними колесами, так что платформа оказалась почти на уровне земли. Положили на яму две балки, наподобие рельсов, а на них, поперек, три трубы. Трехтонный монолит слегка подтолкнули, он наклонился и упал на ролики-трубы, по которым легко въехал в кузов. Только теперь вторая сторона была залита гипсом и забита досками. Рессоры прогнулись, и машина с трудом заколыхалась по неровному дну. Остатки досок, мешки из-под гипса и великое множество всякого мусора мы тщательно собрали и сожгли, а потом засыпали песком догорающую свалку, довольные собой, нашим отношением к окружающей среде, которое должно было свидетельствовать об изысканной культуре. Едва я почувствовал это, как понял и другое: гордиться здесь нечем. Подобное отношение может быть осознано заново в нашу эпоху, занятую производством мусора, но в действительности оно родилось в древнейшие времена. Наши предки точно так же заматали следы своего пребывания на чужой территории, правда, они тогда еще не были людьми.

7

В последнее воскресенье, проведенное в Алтан-Уле, я взобрался на близлежащую вершину с фотоаппаратом, чтобы сверху снять ущелья и всю впадину. Снимки не выйдут хорошими, поскольку все внизу было размыто, расплывчато, словно залито водой.

Я окинул взором местность, где мы работали с 1964 года. За эти шесть лет здесь ничто не изменилось. Зато в лабораториях ученых, во взглядах на развитие динозавров изменилось многое. В те годы считали, что

у динозавров температура тела не была постоянной. Поэтому они обитали только в районах с более теплым климатом, а их подвижность на протяжении суток зависела от интенсивности солнечного освещения и температуры воздуха. В холодные дни и по ночам, охлаждаясь, они цепенели и едва могли двигаться. Обмен веществ осуществлялся медленно, так же как у современных рептилий. У некоторых из них он иногда составляет лишь несколько процентов от уровня обмена веществ млекопитающих. Но благодаря этому динозавры жили подолгу. Они проводили много времени в неподвижности, лежа. Движения их были неторопливы, скованны, чему причиной был огромный вес. Чрезвычайно маленький мозг, казалось, исключал какие-либо общественные формы жизни. Они паслись поодиночке, не объединяясь в стада.

С таким представлением о динозаврах нельзя больше соглашаться. В Америке были найдены окаменевшие следы, оставленные некогда в песке группой динозавров. Взрослые окружили собравшихся в центре малышей, возможно, охраняя их от хищников. Наверное, стадо направлялось на новые пастбища. Это не очень соответствует образу жизни рептилий. Современные нам пресмыкающиеся не интересуются потомством, а некоторые, такие, как крокодилы, даже пожирают своих малышей.

Американец Бэккер еще раз обратился к детальному изучению стопы и суставов динозавров, а также сочленений мышц и сухожилий. Исследования позволили утверждать, что наши представления о моторных способностях этих гор мяса не совсем соответствуют действительности. Оказывается, динозавры могли быть очень подвижными и, так же как слоны, развивать значительную скорость. Об этом говорит и походка, изученная на многих путях их передвижений. Она гораздо больше напоминает походку млекопитающих, чем рептилий.

Наконец, по внутреннему строению костей один из ученых установил, что динозавры могли быть теплокровными, как млекопитающие. А это несомненно отразилось на их образе жизни, на процессах обмена, на сопротивляемости к изменениям климата. Если бы данное положение было доказано, динозавров нельзя было бы считать рептилиями. С этого момента следовало бы проводить аналогии с млекопитающими.

Я спускался с вершины по расселинам. Освещение изменилось, и лежащий у моих ног скульптурный кусочек планеты, ограниченный обручем горизонта, показался мне мертвым, растерзанным телом, обтянутым сухой, бледной, разодранной кожей в месте зияющей раны, края которой сливались с пространством. Дальше не было ничего, кроме расплывчатого сияния.

У подножия горы возле машины я ждал Тересу, Ендрека и Анджея, бродивших по окрестностям. Первым появился Ендрек. Издали я заметил, что он необычайно оживлен, торопится, то и дело поправляет очки. Он крайне редко выходил из состояния флегматичного покоя до такой степени.

— Меня укусила змея! — заявил он.

— Неужели? — спросил я без тени сочувствия. Сняв шляпу, я удобно разлегся в тени машины.

— Правда! — кричал Ендрек. — На дне сайра я проходил мимо сухого куста, а она выскочила, как пружина, прямо на ботинок и укусила...

— Большая?

— Около метра, очень толстая. Но это не все. Я сразу же отскочил, а змея бросилась за мной прыжками, прыжками. Пришлось убежать...

— След от укуса есть?

Мы внимательно осмотрели ботинок. Среди множества царапин следа змеиных зубов не было. Подошла Тереса. Теперь мы вдвоем взялись подтрунивать над Ендрекком. Бегство всегда вызывает насмешки, хотя зачастую и незаслуженно.

Из отдаленного сайра показалась голова Анджея, покрытая белым платком. Он шел по дну глубокого рва, и видно было только яркое пятно, которое ползло по песку в нашу сторону. Я вспомнил двух охотников-аратов со склонов гигантской горы Арц-Богд в Заалтайской Гоби. Они сидели на корточках около нас в наброшенных на головы длинных, до пояса, словно бурнусы, кусках полотна. Мы удивлялись, что они идут на охоту в нарядах, которые так резко бросаются в глаза. Темными, огрубевшими от ремней из конской кожи и постромок из верблюжьей шерсти пальцами араты сжимали шершавые ружейные стволы с прикладами, выструганными из дерева. Позже они показали, как идут на зверя. Оба одновременно двинулись вдоль склона, где по куч-

кам камней можно было определить норки тарбаганов. Поднялся пронзительный свист, предупреждавший об опасности, и все зверьки скрылись под землей. Охотники чуть пригнулись и пошли на полусогнутых ногах, чтобы казаться меньше. Они передвигались, судорожно подпрыгивая то в одну, то в другую сторону, спускались с горы и вновь поднимались на нее. И таким образом добились своего. Животные внимательно следили за ними из норок. Испугавшись поначалу, они постепенно привыкли и затем стали высовывать головки из нор, хотя белые видения приближались. Не в силах преодолеть любопытство то один, то другой зверек вставал столбиком, чтобы лучше видеть эти неизвестные им снежно-белые пятна.

Захваченный зрелищем, заглядевшись, тарбаган забирался на каменную горку. В этот момент раздавались выстрелы.

Рано пообедав, мы застегнули палатки и снова сели в «мусцель», чтобы отправиться в Наран-Булак на званый ужин в лагерь советско-монгольской экспедиции, рассчитывая на то, что угощение приготовят Нармандах и Бадамгарав. Правда, обе были заняты научной работой, но ведь у себя дома в Улан-Баторе они занимались домашним хозяйством. Мы не обманулись в своих ожиданиях: на стол были поданы наши любимые «бозы» — большие пельмени с мясом, луком и степным чесноком, сваренные на пару. Но я все-таки шепнул на ухо Пэрлэ, что они не идут ни в какое сравнение с теми, которыми он угощал нас раньше.

Расспросили русских о Тугрике, где они работали в прошлом году и куда мы собирались лагерем. Осталось ли там еще что-нибудь? Хозяева уверяли, что мы наверняка найдем пласты песчаника, полные окаменелых останков. Кроме того, тогда они не искали в Тугрике млекопитающих, которые нас особенно интересовали. Там преобладали протоцератопсы и небольшие хищные рептилии. Состав животных несколько напоминал уже известных нам по Баин-Дзаку. Можно было надеяться, что мы найдем там и млекопитающих.

За шумным разговором мы не заметили, как наступил вечер, и нас охватило сильное беспокойство за тех, кто уехал на «старе». Они должны были выгрузить монолит-гигант в Гурван-Тэсе и приехать сюда. Уже много

раз сменили тарелки, а мы все выходили из юрты посмотреть, не светятся ли в темноте фары. Наконец в половине десятого под пасмурным небом черной пустыни мелькнула белая искорка.

Машина подползла к палаткам, фары погасли.

— Уф... — отдувался Эдек, спрыгивая на землю. — Ну и досталось!

— Что с вами случилось? — мы окружили его плотным кольцом.

— Пять часов пролежал под машиной.

— Славно выпался? — иронически спросил Томек.

— Выпался! — вознегодовал Эдек. — Мы выгрузили монолит в Гурван-Тэсе, и едва я выехал из поселка с пустой машиной, полетел тормозной подшипник третьего моста.

— Запасные были?

— Откуда! А потом — менять не в мастерской... Пришлось отсоединить вал передач и хорошенько заделать трещину, чтобы не вытекло масло.

— Я сделал чехол из крышки ящика, — вставил Войтек.

— Быстрее! Быстрее! — стали кричать русские от заставленного стола. — Садитесь! Разговоры потом!

Из объятий хозяев мы вырвались только около полуночи, и то лишь после того, как согласились, что они проводят нас на машинах. Мы долго взбирались на высокие борта «стара», нас поддерживали, уговаривая вернуться к столу. Наконец все были наверху. Эдек, в который раз, завел мотор, и машина тронулась. Я поехал вперед на «мусцеле» с Тересой и Томеком. Русские бегом кинулись к своим легким машинам, обогнали нас, рыча моторами и сигнала. Местность была сложная, совсем незнакомая. Холмы с каменистыми вершинами разделялись глубокими впадинами. Высланные черным гравием, они сливались с таким же черным небом. Светились только полосы от наших фар да огни советских машин. Невидимые, словно духи, русские объехали нас по самому дикому бездорожью, только им известными путями. Лишь ослепительно сверкали лучи от фар, то вонзаясь в небо на виражах, то внезапно укорачиваясь, когда машина проваливалась в сайр и тонула в нем, словно в озере.

Потом машины съехались на дне впадины, где начи-

налась сравнительно ровная местность. Здесь мы в последний раз пожали друг другу руки, и я помчался, не дожидаясь «стара», взбираясь по собственному следу на край впадины. Выбравшись из сайра, мы почувствовали, как в правый борт ударил штормовой ветер. С востока с воем надвигалась буря. Следы колес, полузасыпанные пылью, едва виднелись в лучах фар. Я был оглушен хлопанием брезента и завыванием ветра и думал о полосе мелких песков, отделявшей нас от лагеря. Через несколько минут я достиг ее. Мы не раз увязали, пока не удалось найти колею. Скорее всего ее уже засыпало. На холмах росли высокие саксаулы, из-за которых езда здесь обычно превращалась в слалом. Я рассмотрел кусты. Пригнутые к земле ветром, они белели в темноте. Я включил передний мост и перешел с четвертой скорости на третью. Если мы хотели ночевать в лагере, машина должна была преодолеть пески, не останавливаясь. Когда скорость становилась слишком мала, колеса начинали крутиться на месте, фонтанами разбрасывая песок. Завывая мотором, мы влетели в заросли саксаула. Показался слабый след колеи. Его мешала разглядеть стена из ветвей. Бросаю машину вправо, во тьму, держу на повороте, пока фары не выхватывают из темноты след. Он почти не виден, покрыт мазками светлой пыли. По стеклу бьют оторвавшиеся ветки саксаула. Короткий отрезок по морщинистому склону холма и за ним неожиданно — светлое гладкое поле. И все-таки машина скачет по выбоинам. Земля не видна под движущимся по поверхности песком. Снова стена саксаула. Тычусь капотом в проем между двумя стволами, на полных оборотах беру круто вверх, как лодка на штормовой волне. На гребне бархана — не забыл! — резкий поворот влево, не то свалишься вниз с крутого склона. Ощущаю, как колеса вязнут в песке, потом проскакивают, и «мусцель» врывается в новую полосу зарослей. Ночевали все-таки в лагере.

8

Третьего августа мы в последний раз позавтракали в лагере Алтан-Ула, засыпали мусор и на трех машинах пустились в путь. Позади осталось несколько тропок и утрамбованные площадки, где стояли палатки. Мы знали, что песок занесет их, прежде чем наступит зима.

Перегруженный «стар», частично потерявший тягу, полз по каменистому руслу, осторожно спускаясь по уступам. Миновали еще сохранившееся между холмами озерцо. Как и говорил муж Од, на берегу виднелись волчьи следы, но их уже залила вода.

Мы въехали в глубокий сайр по тридцатиметровому склону, который расползся книзу широкими террасами. Но взобраться на другую сторону, ровную наклонную плоскость, поднимавшуюся под углом в тридцать градусов, «стар» не смог. До сих пор наши машины без труда справлялись с этим. Сейчас, после двух неудачных попыток, «стар» сполз на дно сайра. Пришлось думать, как поднять его наверх. Проще всего, надо было бы уменьшить груз. Однако нам хотелось избежать лишней работы. Подтянуть «стар» на тросе с помощью двухтонки Сайнбилига казалось нам опасным для обеих машин предприятием, и мы решили попробовать подняться по склону задним ходом. Низко опустив к земле плоский радиатор, «стар» пополз вверх и преодолел препятствие.

Обедали у колодца. Отсюда сквозь раскаленный воздух уже виднелись юрты, похожие издали на белые камешки. В Гурван-Тэс прибыли задолго до наступления вечера. Все, кто давно здесь не был, были поражены: у стены клуба, как на товарной станции, лежали горы ящиков, заляпанных гипсом, — упакованные нами фрагменты скелетов. Целый час мы подправляли номера на ящиках и сверяли надписи. Потом пришло время расстаться. «Стар» отправился дальше, в Тугрик. Войтек, Пэрлэ, Сайнбилиг и я остались, чтобы организовать перевозку груза в столицу. Потом нам предстояло присоединиться к группе.

Часть ящиков была сложена в пустом помещении при клубе. Сайнбилиг принес из юрты Будэ ключ от всячего замка, и мы принялись сличать номера на ящиках со списком. Когда ящики, сложенные грудой у стены, откладывали в сторону, я услышал, как позади них что-то с шелестом упало. Пошарив рукой, я вытащил пропылившийся лист картона, на котором было приклеено пять фотографий передовиков артели. Ниже стояли подписи и процентные показатели работы. Среди них — Будэ, «Ясельная женщина», имени которой мы не знали, и старший сын «Радиочеловека».

Для перевозки грузов нужна была двенадцатитонка, и мы попросили Сэмия, «Радиочеловека», заказать разговор с автобазой в Далан-Дзадгаде. Потом ждали, пока разогреется радиопередатчик, слушали, как ветер свистит в креплениях антенны, как стучит по стенам радиостанции песок. Вскоре нас соединили с базой.

— Дарга баих гуй,— заявила телефонистка с базы.— Начальника нет!

Пэрлэ объяснил ей, откуда он звонит, что нам надо, и спросил, кто мог бы заняться нашим делом.

— Би! — без колебаний ответила телефонистка. — Я! Мы забеспокоились. Я попросил Пэрлэ сказать ей, что мы будем звонить еще и чтобы она предупредила об этом даргу, как только тот появится.

— Не надо... — возразил Пэрлэ, но все-таки перевел.

— Сайн, — ответила женщина. — Хорошо.

Оставалось полтора часа. Пэрлэ вернулся в юрту, чтобы попить чаю с молоком и конфетами и продолжить начатую вчера беседу. Он говорил много и не останавливаясь, будто пересказывал содержание прочитанных книг. Мы с Войтеком побежали к колодцу постирать рубашки, потом развесили их на коновязи. На солнце и на ветру одежда высохла за несколько минут. Я все думал, не теряем ли мы понапрасну время, не лучше ли было бы отправиться в Далан и все устроить на месте. Не верилось, что база пришлет машину со слов телефонистки.

В одиннадцать мы снова явились на радиостанцию, уже переполненную людьми, ожидающими связи с отдаленными районами. Они бродили среди газет и журналов, покрывающих пол, присаживались на толстые балки, читая прямо с полу. Сэмия принялся щелкать ключами, успевая говорить с тремя или четырьмя абонентами сразу. В перерывах он подсоединялся к Далану и громко кричал: «Говорит одиннадцатый!» Это продолжалось до тех пор, пока Далан не ответил. Попросили базу.

— Дарга баинуу? — Начальник здесь? — кричал в трубку Пэрлэ.

— Баих гуй! — Нет! — скрипела трубка.

Я покрутил головой.

— Пэрлэ? Пэрлэ? — взывала телефонистка.

— Тиим! Да! — ответил он.

— Сайн, — сообщила женщина. — Водитель уже заливает горючее и выезжает к вам на МАЗе.

Что ж, сказал я себе, у этих людей слово не расходится с делом. Просьба незнакомца, услышанная даже с расстояния в четыреста километров, значит для них не меньше, чем договор, составленный на бумаге в соответствии с буквой закона.

Пэрлэ опять вернулся в юрту, а мы с Войтеком одновременно бросили взгляд на горы Нойэн, а потом друг на друга, подумав об одном и том же. Между безоблачным небом и раскаленной пустыней, дрожа в знойном воздухе, протянулась расплывчатая и туманная лента. Я глянул в бинокль и увидел сплошной каменный часток заостренных вершин, образующих неприступную стену фиолетового цвета. Самая высокая его часть была черная, словно ее прокалили на огне.

До приезда МАЗа оставались целые сутки. Мы взяли запас чистой ледяной воды, ящик с продуктами. Я обогнул соленое озеро и направил «мусцель» вверх по травянистой равнине в сторону гор, лежащих в двадцати километрах отсюда. Мы ехали в неизвестном нам направлении, ибо на нашей карте нанесена лишь темно-коричневая полоска гор, протяженностью в пятьдесят километров и наивысшей точкой в две тысячи четыреста три метра, и не обозначено никаких деталей местности.

Котловина позади вогнутой линией уходила вниз, и соленое озеро на ее пестро-палевой поверхности казалось крошечной капелькой бесцветного лака. Хлестал горячий ветер. Были слышны лишь удары о корпус машины, но его порывы не поднимали пыли. Мы все больше углублялись в степь. Уже целый час, как я не видел вокруг ни одного живого существа — ни птиц, ни грызунов, ни верблюдов, ни лошадей. Внезапно машина въехала в сайр, ведущий в горы. Казалось, что двигаться по его дну, утрамбованному горными потоками, будет легче. Пустыня исчезла из виду, когда мы спустились вниз, направив «мусцель» по наносам гравия. Всмотревшись, я заметил торчащие из грунта рога козерогов и пучки травы, перемешанные с илом. Сайр заканчивался сводом. Проехав под ним между двумя каменными «башнями», мы оказались среди гор, в ущелье, напоминавшем вымощенный плитами двор покинутого замка. Сюда не залетали даже птицы. Машина продвигалась медленно. Я не лю-

бовался пейзажем, а вглядывался в него, стараясь запомнить все, чтобы потом рассказать людям, которые много раз проезжали вдоль этой горной цепи, мечтая осмотреть ее вблизи, и никогда, так же как и я до сих пор, не могли найти времени на это. Мне было ясно: картины, которые разворачиваются вокруг, как на свитке полотна, отпечатываются в сознании, чтобы превратиться в слова. Потом произойдет обратное: слова восстанут в памяти эти картины. Но никто никогда не узнает, насколько далеки они будут от реальности.

Цилиндрической формы, с куполообразными вершинами горы стояли тесно, как частокол, слегка покосившийся в направлении слоев скальных пород. Некоторые из них были похожи на бочкообразные башни. Все — будто из бетона, в который для прочности заделаны обточенные камни. Скала представляла собой крупнозернистый конгломерат. Показался проем, заросший вязами, — потрескавшаяся кора, зеленые кроны, земля, засыпанная листвою. Мирный уютный уголок. Так и тянуло лечь под деревьями, отдохнуть от зноя в тени шумящих ветвей.

Мы пересекли первую цепь, параллельно ей тянулась вторая, словно еще один оборонительный вал из такого же наклоненного частокола. Между «линиями обороны» простиралась луга, поросшие травами. Я направился туда, ища дорогу среди зарослей, целиком скрывавших машину. Потом «мусцель» въехал в тесный проход между башнями стен, словно в лабиринт крепостных укреплений, и мы поняли, что, если нам не удастся отсюда выбраться, — нас никто никогда не найдет.

Бросив машину внизу, мы стали взбираться на группу скал, похожих на трубы органа разной длины или на пучок гигантской спаржи. Вершины их поднимались метров на пятьсот ввысь. Скалы складывались в гигантские ступени, по которым время от времени, стуча копытцами, пробегали небольшими группами дикие козлы. Они появлялись высоко над пропастью то с одной, то с другой стороны. Под ними с шумом осыпались камни. В расселинах, где останцы срослись друг с другом, лежали черные тени, сочились вода.

Мы ночевали в шелестящих травах, обнимавших спальные мешки. По гребню, рядом с луной, шел козел. Луна была не серебристой, а золотой и даже невооруженному глазу казалась висящим в пространстве шаром.

Машина из Далан-Дзадгада перевалила через холмы вскоре после полуночи. Она бесшумно подползла к клубу, влача за собой прицеп на восьми колесах в рост человека. Подползла и застыла. Мы от души пожимали руки знакомому водителю, который возил наши грузы весной. Чуть позже Будэ позвал десять человек, нанятых им заранее. Половину из них составляли немолодые женщины, а из мужчин двое были совсем старики. Я отогнал сомнения в их пригодности для такой работы. Мои соображения не могли быть понятны здешним людям, так как именно старикам было особенно важно раздобыть хотя бы немного денег — ведь молодые и сильные имели постоянный заработок на добыче соли. Вслед за старшими примчалась толпа ребятишек. Они раньше всех схватились за ящики, пытаюсь сдвинуть их с места.

Мы опустили бортики кузова и начали грузить ящики на огромную платформу. Их поднимали с помощью троса, который тянула машина Сайнбилига. Я работал в паре с Войтеком, перетаскивая и обвязывая тросом ящики с монолитами. Среди трудившихся под палящим солнцем людей только мы с ним были без рубашек, остальные — в жарких темных дэли. Они засучивали длинные рукава до локтя, упирались в ящики сучковатыми подагрическими руками, наваливались приземистыми, не по возрасту рано согнувшимися телами. От нагретой шерстяной одежды исходил запах жира. По лицам катился пот, капли падали на песок. Отдыхали все вместе, сидели на ящиках, распрямляя натруженные спины. И снова нас поглотила простота, однозначность и эффективность физического труда. В этот момент я находил в передвижении и погрузке тяжестей куда больше радости, чем в умственной работе.

Я заплатил взрослым по двадцать тугриков, насыпал детям конфет в подставленные ладошки. Борту МАЗа подняли, скрепили цепями, покрыли груз брезентами и обвязали веревками. Войтек и я сразу же после ужина у Будэ собирались выехать в Далан-Дзадгад. Наутро Пэрлэ с Сайнбилигом вдвоем должны были отправиться прямо в Тугрик.

Я наблюдал за Будэ, как он сидит на подложенной под себя ноге, согнув другую в колене, и готовит лапшу

для супа, размешивая муку с водой. На печурке уже кипел бульон из сушеного мяса. Полоски такого мяса висели на веревочках под сводом юрты. Справа от входа, на женской половине, копошились дети.

Рассматривая эту тихую, сумрачную, освещенную слабым мерцающим светом монгольскую юрту, наполненную голосами детей, я понял, что она — истинное воплощение всего, что связано с понятием «дом», «семейный очаг», «прибежище», о котором мы мечтаем в глубине души. Устойчивые, заглушающие звуки стены, сводчатая форма пещеры, но без каменного холода, пушистая обивка из войлока, свалянной шерсти, похожая на мех или шкуру животного, к которой можно прильнуть и с которой, возможно, связаны какие-то ощущения, идущие из глубокой древности. Пол такой же мягкий, глушит шаги. Это должно вселять уверенность, если допустить, что в нас еще живет страх перед опасностью, что наше убежище обнаружат. Мягкий красноватый свет пламени не режет глаз. Само наличие огня вызывает чувство надежной защиты. Семья в сборе, сонные дети — все укрыты в скорлупе, ограждающей их от остального мира, выдерживающей ураганы, защищающей от мороза и зноя.

При этом они подумывали о переезде в Улан-Батор, о жизни в трехмерной коробке с холодными стенами.

Мы проголодались и с удовольствием принялись хлебать из мисочек горячую лапшу с мясом и луком. Ели молча, слышно было только чавканье да шмыгание носами. Сайн! — приговаривал я. Это была одна из картин уходящей в прошлое монгольской культуры: низкие столики, мисочки из карельской березы, оправленные в серебро, сидение на войлоке, скрестив ноги, манера подносить миску ко рту обеими руками, опершись одним локтем о колено, пальцами искать в ней кусочки желтого жира, залпом пить кумыс и маленькими глотками чай; манера подсучивать рукава дэли, рыться за пазухой в поисках табакерки или трубки, нюхать табак с указательного пальца, не чихая; потчевать гостей твердым, как камень, печеньем, смешанным с таким же сухим сыром.

О предреволюционном периоде истории Монголии принято говорить, что страна эта остановилась на уровне феодализма, отличалась косностью, в течение веков не

Знала изменений в государственном устройстве и образе жизни и прямо из тьмы средневековья шагнула в двадцатый век. Это объясняется многими социальными и историческими причинами. Мне пришло в голову, а что, если попытаться оценить подобные явления в категориях, взятых из природы. Что означает такое постоянство в жизни вида или группы видов на определенной территории?

Чтобы просуществовать так долго без серьезных эволюционных изменений, группе животных надлежит хорошо приспособиться к определенной среде. Изменения этой среды должны быть не настолько глубоки, чтобы вызвать изменение характерных особенностей жизни данной группы. Если этот несколько упрощенный принцип применить к кочевникам, легко заметить, что такое состояние равновесия между природной средой степей Центральной Азии и их пастушеским населением сохранялось постоянно. Образ жизни монголов, питание, отношения между людьми и система власти были отработаны таким образом, что не требовали совершенствования. Естественная среда не менялась. Степь всегда оставалась все той же степью с ее постоянным континентальным климатом и тем же средним количеством кормов. Поголовье животных было сравнительно стабильно, население по ряду причин не росло, и здесь не возникало напряжений, которые сопровождают чрезмерную скученность.

Однако почему у самих людей не появлялось стремления к переменам, к улучшению жизни, почему их устраивала жизнь при установленном порядке? Так случилось потому, я полагаю, что эта жизнь достигла удовлетворительного уровня. Именно эта жизнь, которую многие авторы рисуют такими черными красками. Нужда, горе, темнота, отсталость. В работах профессора Ринчена я нашел иной взгляд на проблему. Ученый писал, что из статистических данных часто делаются ошибочные выводы, по крайней мере из тех, которые касаются численности скота в дореволюционный период. Никто не принимает во внимание, что эти данные не отражали действительного положения вещей, а касались только того минимума (небольшой части) поголовья скота, который подлежал обложению налогом. Профессор Ринчен без колебаний утверждает, что монголы достигли определен-

ного уровня благосостояния, хотя бы в сравнении с племенами, населяющими Тибетское плоскогорье. В сущности монгольская степь была краем, не знавшим голода. Состав продуктов питания монголов действительно был неудовлетворительным, поскольку в нем преобладали животные белки. Тем не менее в степи не было голодных! Многомиллионное поголовье овец, коз, огромные стада лошадей и верблюдов и полумиллионная горсточка людей. У каждого было теплое жилье, шкуры, войлок, дэли на верблюжьей шерсти, достаточно топлива из сушеного аргала. Это была страна мяса, молока, жира, сыра, кумыса. Климат, правда, в ней суровый, но материальная сторона жизни более или менее обеспечена.

Кроме того, разве не верно, что эта модель пастушеского государства была в известном смысле совершенной? Ведь при кочевом образе жизни, когда надо несколько раз в течение года менять пастбища, жилищем могло быть не что иное, как складная юрта. Городов не существовало, потому что в них не нуждались. Семьсот монастырей играли роль ремесленных и торговых центров. Предметы обихода были продиктованы жизнью в степи и отобраны веками. Количество их не увеличивалось — к чему это могло привести при кочевье?

Иначе говоря, материальная культура пастушеского образа жизни настолько соответствовала потребностям, что здесь не нужны были те достижения техники, которые с такой быстротой изменили облик Европы в XVIII и XIX веках. Как можно было применить здесь паровую машину? Что изменил бы телеграф в способе производства мяса и шерсти, если это был замкнутый процесс, происходивший в каждом хозяйстве и не требовавший тесных контактов? (Впрочем, контакты всегда были. Гонец преодолевал на лошади триста километров за десять часов. Бродячие торговцы поставляли ткани и изделия из металла.) Хозяйство арата было почти независимым экономически.

Таким образом, следует признать, что эта система была довольно стабильной. Несмотря на известную социальную несправедливость, общественные институты оказались жизнеспособными, образ жизни и обычай неизменными, ибо находились в полной гармонии с естественной средой.

Однако стоит подумать, действительно ли всякий

прогресс был невозможен в этой стране? Действительно ли этот народ во всех отношениях оставался средневековым? Думаю, что это не так и что здесь можно говорить о развитии духовной культуры.

Не совершенствуя материальной стороны жизни, науки и техники, монголы сосредоточились на духовной жизни. И как знать, может быть, этот степной народ в определенном отношении превосходит другие народы мира. Половина мужчин по крайней мере часть своей жизни занималась умственным трудом. Достоянейшим занятием в этой стране считалось созерцание. Обычным делом было чтение, письмо, объяснение значений, диспуты, толкование текстов. Повсеместно ценились ораторские способности, то есть умение выражать мысли и, следовательно, мыслить. Половина мужчин прошла через монастыри, где упражнения ума были основным видом работы, а размышления, чтение, запоминание — образом жизни. Какой другой народ в то время отводил столько места подобным проблемам?

Не стоит ставить монголам в упрек, что все эти занятия были бесполезными, определенно свидетельствующими о темноте и даже реакционности. Тексты оторваны от жизни, противны здравому смыслу, ложны. Однако вспомним, что в современном нам мире сотни миллионов людей включают телевизоры, чтобы получить с экрана благословение папы римского, летят на реактивном самолете в Каабу поклониться «черному камню», изучают гороскопы, гадают на картах, посещают ясновидящих и верят в злую и добрую судьбу. Если все это не является свидетельством темноты и реакционности современных потребителей достижений прогресса, то зачем же приписывать их древним степным племенам?

10

В Далан-Дзадгад мы отправились в сумерках, теперь темнело довольно рано, а до ночлега было еще далеко. Я поехал вперед, МАЗ отстал. На песчаном грунте явственно проступала колея, которая с каждым годом становилась все шире, поскольку водители старались ехать по краю, чтобы не буксовать колесами в измельченном песке. В лучах фар мелькали саксаулы, несколько тушканчиков перебежало нам дорогу. Пришлось ос-

тановить машину: перестало поступать горючее из бака. Когда я лежал с фонариком под машиной, отсоединяя засоренный фильтр, МАЗ, не останавливаясь, промчался мимо и исчез вдали. Несколько минут спустя мы погнались за ним вдогонку, уверенные, что он уже ушел далеко. Крутой поворот возвещал о приближении известного мне труднопроходимого участка пути, поэтому я разогнал машину до семидесяти километров в час. В столбах света от больших фар появилась белесая полоса — слегка выпуклая дюна из мельчайшего песка, которую годами наносили ветры. Не больше пятидесяти метров ширины, однако на большой скорости проскочить ее было не трудно. Мы взлетели на дюну, и мелкий песок затвердел под колесами. Покрышки катились, как по бетону, оставляя едва заметные следы, крен был так мал, что машина, не сбавляя скорости, скользнула с гребня на склон по другую сторону, начав спуск на темную, засыпанную гравием равнину. В том месте, где машины обычно съезжали с дюны и расплющивали ее колесами, образовался длинный язык светлого песка.

Еду прямо на него и внезапно соображаю, что ведь он правильной формы и черный. Резко поворачиваю, поняв, что впереди не песок, срезаю куст саксаула и пролетаю мимо МАЗа, который стоит с выключенными фарами. Подходим к нему, капот поднят, водитель в темноте возится в моторе. Обходим кругом, освещая гиганта фонарем. Сзади машина залеплена пылью, смешанной с песком. Номерные таблички, заднее освещение, доски борта, брезент, металл — все покрыто слоем песка толщиной с палец. Ремонтировать пришлось долго. В этот вечер мы проехали не более тридцати километров и устроились на ночлег в степи. До рассвета оставалось совсем немного, когда, открыв глаза, я увидел саксауловую сойку, сидящую на крыше кабины. Красноватая полоска разгоралась на востоке.

Мы углубились в горную цепь Гурван-Сайхана, минуя знакомое ущелье. По другую сторону цепи, вместо того чтобы покинуть горы по наезженной грузовыми машинами дороге, направились через ущелье, по дну которого бежал поток и которое было ответвлением первого. Видно, в нас заиграла открывательская жилка, пробудилась жажда к новым местам. Машина сразу пошла по воде: кругом поднимались отвесные скалы. Когда их вершины

почти сомкнулись и казалось вот-вот преградят дорогу, горы вдруг расступились, открывая вид на покрытые растительностью пастбища, юрты, стада овец. По неглубокой впадине «мусцель» спустился с последнего на нашем пути склона. Отсюда до самого Далан-Дзадгада раскинулась зеленая равнина. Мы не стали спешить, так как МАЗ поехал кружным путем и отстал.

Вдали белыми капельками показались юрты, а рядом с ними — куб, грани которого блестели на солнце. Подъехав ближе, мы заметили в траве полосы — следы от колес самолетов. Юрт было около двух десятков, белоснежных, чистых, будто их только что поставили. В конце ряда возвышался павильон со стеклянными стенами. Мы вошли. Зал заставлен столиками, застеленными яркими скатертями. Цветы в вазах. Бар с итальянским кофе-эспрессом, пивной автомат, батареи бутылок с винами. Зеркала. В них отразились наши черные от солнца и пыли лица, прилипшие к телу рубашки, брюки, вытертые на коленях, спутанные волосы. Столы были накрыты. Салат из помидоров, свежий хлеб, масло, напитки. Пораженные, мы уселись за ближайшим столиком. В следующее мгновение с него все было убрано. Официантка с враждебным видом выхватила из-под носа тарелки, едва я успел съесть кружочек помидора. Откуда-то примчался начальник. Для нас не предусмотрено! А за окнами уже было слышно гудение идущего на посадку самолета. Туристы! Перед нами впопыхах со стуком поставили две бутылки пива. Буфетчица не спускала глаз с нашей компании, смотрела нам вслед с досадой и упреком, пока мы не вышли из помещения. Так я понял, что и на этот кусочек земли пришел двадцатый век, в котором голод — недостаточное основание для того, чтобы накормить путника.

Вечером мы снова погрузились в старый мир. Муж Гунджид в честь нашего приезда испек печенье. Отдыхали в юрте, пили кумыс. Гунджид черпала его из висящего у входа бурдюка из козлиной шкуры. Время от времени в юрту всовывались загорелые лица с высокими скулами и глазами-щелочками. Обменявшись двумя-тремя словами с хозяевами и шмыгнув носом, они исчезали, не желая мешать.

Получив в подарок по лисьей шкуре, мы отправились на ночевку. Ночь была темная, и я проехал не больше

километра. Спальные мешки разложили на траве у машины. Я еще не спал, когда вошла полная луна, заливая лицо голубым светом. Слушал, как рядом фыркают лошади, щиплют мокрую от росы траву.

— Смотри! — шепнул Войтек, — они убегут, как только я встану...

И вскочил во весь рост прямо в мешке. Лошади встали на дыбы и, крутнув передними копытами, помчались с диким ржанием. Войтек колодой рухнул на матрац. Глаза его были закрыты, он крепко спал. Мне даже показалось, что он проделал все это во сне.

На рассвете Войтек разбудил меня, толкнув локтем. Я открыл глаза и увидел совсем рядом, у изголовья, солнце. Его оранжевый лик большим тугим шаром лежал на степной траве. А мимо пробежал табун фыркающих лошадей. Они шли коротким галопом, гривы покрывали их спины, хвосты путались в ногах. Лошади поднимали головы и раздували ноздри. За ними, стоя в стременах, с кнутом под мышкой скакал пастух.

МАЗ прибыл ночью и дожидался на базе. Я заплатил за перевозку. Водитель ушел домой. Вскоре он отправился дальше, в Улан-Батор. Мы вручили музею кости. Разложили на столе ногу тарбозавра, объяснили, как ее собрать. Последнее, что нам оставалось, получить почту. В окошечке нам дали письма, адресованные членам экспедиции. Уходя, я заметил четыре телеграммы, засунутые за раму. На одной прочитал первые буквы своей фамилии. Во всех телеграммах сообщалось, что Зофья уже здорова, возвращается из Варшавы и седьмого августа прибудет в Далан. Я посмотрел на циферблат часов: на календаре краснела семерка.

Через несколько минут мы были на аэродроме. Нам объяснили, что самолет из столицы приземлился полчаса назад, все пассажиры отвезены в город. Круто развернувшись, мы помчались в гостиницу. Тормозя у входа, я увидел в окне первого этажа лицо Зофьи. Мы взлетели по лестнице, она выбежала навстречу, в вестибюль.

— Ну, поцелуйте меня! — крикнула она, подставляя щеку.

1

Дорога в Тугрик заняла весь день. Ехали степью в северо-западном направлении, хорошо наезженным шляхом, вдоль гор Гурван-Сайхан, мимо Баин-Дзака, до самого сомона Булган. Там я спросил дорогу и свернул на север по колее в песке, поросшей редкой травой. Местность была покрыта холмами, похожими на длинные валы морских волн. Через час показались округлые шлемы невысоких гор. Между ними я увидел следы «стара», вдали виднелись палатки.

Тугрик представлял собой обширную возвышенность. Ее как бы сдавленная с двух сторон куполообразная вершина у основания расширялась и превращалась в длинные крылья, которые своими концами упирались в мочажины, разлитые в углублениях почвы, подобно заградительным рвам. На болотной грязи белым налетом проступала соль. Поверхность была истоптана лошадьми и верблюдами, приходившими сюда на водопой. Между небольшими зарослями тростника блестели маленькие озерца, время от времени появлялись утки и какие-то аистообразные птицы. До ужина мы отправились на склон возвышенности, чтобы осмотреть найденного Тересой протоцератопса и находку Анджея — небольшого хищного динозавра. Он лежал в очень светлом мелкозернистом песчанике, таком мягком, что нож брал его без труда, а те места, которые успели подсохнуть на солнце, поддавались легкому прикосновению кисточки. Из камня постепенно выступал хорошо сохранившийся, неповрежденный скелет. Сначала появился череп и окружавший его веерообразный воротник. Казалось, что животное подняло голову и смотрит на небо. Однако при дальнейшем обнажении скелета стало ясно, что он находился в вертикальном положении. Его череп покоился

Сцепившиеся динозавры из Тугрика

в обычном положении по отношению к туловищу. Поскольку слои песчаника в этом месте не были нарушены и располагались горизонтально, можно полагать, что животное погибло, увязнув в насыщенном водой песке, пытаясь до последней минуты удержать голову на поверхности.

Другой скелет — хищника — лежал у самой вершины на пологом склоне. Ничто еще не говорило о сенсации, которая последует за этим открытием. В тот вечер был обнажен только кусочек хвоста и фрагмент стопы с пальцами, вооруженными когтями. Животное будто покоилось на правом боку. Его длина по линии хребта могла достигать двух метров.

Следующие два дня снова были знойными, температура доходила до тридцати четырех градусов. За это

время под палящим солнцем Анджей сумел откопать почти весь костяк. Скелет был полный, с хорошо сохранившейся головой. Выгнутую и отброшенную к спине шею увенчивал небольшой череп с удлиненными челюстями, в которых острыми наконечниками стрел торчали зубы. Длинные задние ноги были хорошо приспособлены для быстрого бега и свидетельствовали о том, что динозавр передвигался немного согнувшись, передние же конечности придерживали добычу или служили в качестве опоры туловища в минуты покоя. Их как раз предстояло освободить от более твердого камня. К тому же в камне находилось множество каких-то непонятных фрагментов костей.

В ночь на десятое августа почти не спали, спасая палатки от ураганного ветра, и поэтому утром двигались, словно одурманенные. Ветер не утихал, хотя с самого утра было тепло, даже душно. Низко висели пепельно-серые тучи. Несколько часов спустя, к обеде, в лагерь спустился Анджей и сообщил о своем открытии.

— Послушайте! — провозгласил он. — Там два скелета!

Мы не сразу поняли, в чем дело.

— Хищник держит в передних лапах голову протоцератопса!

Одним духом взлетели мы на гору. Протоцератопс, крупная взрослая особь, стоял на четырех лапах, увязших в песке. Его спина и хвост дугой выгибались вправо. Голова низко опущена, как будто жертва пыталась прижать противника к земле. Тот лежал на боку; обе передние конечности, снабженные подвижными пальцами с острыми когтями, вцепились в череп жертвы. Задние ноги подведены под травоядное животное, как бы в попытке разорвать его брюхо.

Мы строили догадки, каким образом оба скелета сохранились в осадке в таких динамичных позах. Предположения сыпались одно за другим:

— Наверное, они наткнулись друг на друга на воде...

— Откуда — они же оба сухопутные.

— Протоцератопс мог переходить реку вброд, ходил по мелководью или скрывался от опасности, тут-то его и схватил хищник.

— Думаешь, небольшой хищник рискнул бы напасть

на такого крупного зверя? Да вдобавок такого проворного и с таким острым клювом!

— Ты же видишь — рискнул. Завязалась борьба, протоцератопс был сильно искусан, но все же сумел повалить врага, может быть, благодаря тому, что ноги обоих тонули в вязком дне.

— Судя по положению скелетов, он прижимал его головой ко дну...

— Хищник стал тонуть. Подняться он уже был не в состоянии, но голову из последних сил старался удерживать над водой. Это тоже ему не удалось: он совсем ослаб и мог лишь судорожно стискивать в когтях голову своей жертвы. Протоцератопс почти одолел его, но из когтей вырваться не сумел, потеряв слишком много крови. Некоторое время он возвышался над поверженным противником, потом вязкое дно засосало обоих...

Такая уникальная, исключительная в истории палеонтологии находка требовала обстоятельной документации, которую надо было собрать, прежде чем заключать скелеты в гипсовый монолит. Я занялся киносъемкой. Пошли в ход все фотоаппараты. Анджей произвел обмер и принялся делать рисунки. Я сбежал вниз, в лагерь, и сел писать корреспонденцию. Вместе составили текст сообщения для информационных агентств. Информация была передана через Булган в Далан-Дзадгад и Улан-Батор, и сообщение об открытии опубликовали во многих странах мира.

Эта сцена из прошлого не только поразила наше воображение но и заставила нас подробнее остановиться на проблеме повседневной жизни динозавров, рассмотреть механизмы жизнедеятельности этих животных.

Жизнедеятельность позвоночных в большей мере обеспечивается работой мозга и нервной системы, функционирующих в результате возбуждений, получаемых из внешней среды.

О мозге динозавров нам известно крайне мало, хотя скелеты с сохранившимися черепными коробками — редкая находка. После извлечения камня делается слепок полости, что несколько облегчает исследование. Однако такие слепки не могут служить моделью самого мозга, поскольку последний при жизни животного не заполнял полость черепа целиком, а был покрыт оболочкой и погружен в околочерепную жидкость. Мы можем

догадываться о его приблизительной форме и размерах, сравнивая его, к примеру, с мозгом современных рептилий, у которых он меньше черепной коробки приблизительно вдвое.

Самый крупный мозг среди динозавров имели двуногие хищники, такие, как тарбозавры. Их череп достигали двадцати сантиметров в длину и имели пять сантиметров в диаметре; размер мозга двадцатиметровых зауроподов, весивших до десяти тонн, не превышал размеров мозга современной кошки.

От исследователей-палеонтологов трудно требовать детального описания мозга этих вымерших животных. Ведь даже мозг человека, который в течение многих лет подвергается всесторонним исследованиям, еще недостаточно полно описан. Что касается динозавров, то к ним можно применить лишь общеизвестные зависимости: чем крупнее мозг, тем выше уровень развития разума, а также чем крупнее животное, тем больше объем мозга в абсолютных цифрах и тем меньше — в относительных.

Мозг динозавра намного примитивнее мозга млекопитающего. Вес мозга утконосого динозавра составляет одну двадцатитысячную веса его тела, в то время как у слона — одну тысячную, у человека — одну шестидесятую. Из этого со всею очевидностью следует, что мозг динозавра был органом, который служил прежде всего приемником ощущений — сигналов из внешней среды, и его рефлекторным центром. Однако, несмотря на свои малые размеры, он неплохо служил этой группе животных, успешно развивавшихся во всех средах тогдашнего мира.

Долгое время считалось, что мозг крупных динозавров имел подспорье в виде спинномозгового столба, значительно утолщенного в его крестцовой части, так как диаметры каналов для нервных волокон были сильно увеличены на этом участке позвоночника, где он вдвое превышал диаметр самой черепной коробки, а в некоторых случаях — в двадцать раз! Предполагалось, что чрезмерное развитие конечностей и хвоста, сильно удаленных от мозга, требовало дополнительного центра координации, который располагался бы поблизости. В этой связи необходимо упомянуть, что скорость передачи сигналов по нервным волокнам сравнительно невелика. Сигнал боли, идущий от кончика хвоста зауропода к

мозгу, и ответный сигнал о необходимом действии должны преодолеть расстояние в шестьдесят метров. Если прибавить время на определение сигнала и принятие решения, то, вероятно, реакция была бы сильно замедлена.

Однако последние исследования пошатнули эту гипотезу и заставили палеонтологов отбросить ее. В настоящее время считают, что в этом дополнительном пространстве размещались железы, которые выделяли гормоны пока еще неизвестного назначения. Таким образом, гиганты все-таки могли рассчитывать только на свой крошечный мозг.

Очевидно, динозавры, хотя и способны были двигаться достаточно быстро, все же были малоподвижными существами, жили как бы на замедленных оборотах, так же как современные рептилии — по сравнению с млекопитающими. Их можно представить себе проводящими значительное время в покое, в лежащем или сидячем положении.

Мы начали работы по свертыванию нашего последнего лагеря в Тугрике. Упаковывая снаряжение и коллекции, делились своими сомнениями относительно нашего последнего открытия — борющихся динозавров. Сомнения возникли, когда мы детально осмотрели скелет протоцератопса. Незначительное смещение позвонков и тазовой кости могло означать, что уже мертвого динозавра тащило какое-то время потоком, и лишь труп был занесен песком. Допустив это, надо было отказаться от мысли, что обе рептилии боролись. Если стычка и состоялась, то сильное течение, способное нести двух животных и повредить скелет протоцератопса, еще скрепленный сухожилиями, должно было вырвать жертву из лап хищника. В таком случае динозавров соединила не схватка, а скорее всего половодье.

Утонувший протоцератопс, а возможно, его высохший скелет, был подхвачен и принесен издалека полыми водами. Потом его выбросило на отмель, к которой прибило смытого половодьем хищного динозавра. Делая отчаянные попытки спастись и стараясь удержаться на поверхности, он наткнулся на лежащее в воде мертвое тело, глыбу, за которую наконец-то можно было ухва-

титься когтями. Он судорожно вцепился в нее и погиб, не дав потоку воды унести себя дальше.

Времени на обдумывание этого варианта, так же как и многих других, было у нас достаточно. Перед нами лежал путь до самого Улан-Батора.

2

Мы покинули лагерь на двух машинах, держа путь на Ховд. Пэрлэ и Сайнбилиг отправились в Булган и договорились соединиться с нами где-то в пути или в самом Улан-Баторе. До самых отрогов Арц-Богд-ула (Святых гор арца) мы катили напрямик по бездорожью. Там, у их подножий, рассчитывали отыскать колею, ведущую в Ховд и Богд.

Поверхность постепенно повышалась. На волнистых, покрытых гравием склонах мы нашли целые поля халцедонов и агатов. До гор Арца было рукой подать. На фоне закатного неба они казались огромными. Голубые пирамиды и острые пики наливались красками и росли на глазах. Часов в пять вечера, еще не доехав до колен, я пересек неглубокий сайр, выстланный гравием. По его дну бежала струя, исчезая под лоскутом желтой травы. «Мусцель» оставил едва заметный след на твердой поверхности. «Стар» шел позади нас. Внезапно его передние колеса провалились по самые оси. Машина резко остановилась, швырнув пассажиров вперед. Немедленно был дан задний ход, но это не помогло. Машина увязла. Жидкая желтая грязь сочилась из-под твердой кромки на поверхности, собираясь у затонувших колес. Кто-то топнул ногой — и почва под ногами заходила ходуном. Мы сообразили, что под нами находится бочаг полужидкой грязи, и если машина нарушит верхний покров, ее можно считать погибшей. В несколько минут «стар» был разгружен, и мы принялись собирать камни. Под передним бампером уложили доски, на них уместили домкраты, с помощью которых стали потихоньку поднимать кабину по два-три сантиметра. В то же время горкой накладывали под нее камни, а когда колеса начали вылезать из грязи, то бросали под них плоские скальные обломки.

Тем временем темнота сгустилась, собрались тучи, и наши женщины разбили палатки. Через несколько часов,

когда подкладка из камней под колесами была достаточно надежна, мы попытались вытащить машину. Съехав с опоры, она опять провалилась так же глубоко, как прежде, касаясь передним мостом твердой поверхности. От удара почва заходила ходуном, а из пробитых впадин фонтанами брызнула желтая жижа. Камни погрузились в грязь. Стальным прутом мы пробили твердый слой, чтобы нащупать дно. Прут ушел на полтора метра вглубь. Дна не было. Пришлось все начинать сначала. Пошел дождь. Промокшие, забрызганные грязью, в крошечной тьме, освещаемой лишь ручными фонариками, мы все-таки сумели поднять машину. Она стояла на бампере, подпертом горкой камней, сложенных на досках, что распределило тяжесть на большую поверхность. Колеса повисли в воздухе. Новую попытку выехать на твердую почву пришлось отложить до утра.

Я улегся в «мусцеле», едва обтерев грязь, и, казалось, всю ночь не сомкнул глаз. Слушал, как не переставая стучит по крыше кабины дождь и шумит вода, стекающая по склонам сайра. Дважды я вставал, светил фарами, проверял, не засосало ли «стар». Но он удержался и простоял до утра, хотя земля размокла от дождя. В полусне я все думал, как его сдвинуть с места, и мне пришло в голову, что под колеса поперек выбитых нами впадин надо подложить запасные рессоры, которые были довольно прочными, чтобы выдержать тяжесть машины. Я почувствовал, что моя щека влажная. На спальный мешок капало так, что он наполовину промок. Сквозь стекло виднелось серое ночное небо, рваные клочья туч.

Еще до завтрака мы начали стаскивать к машине камни. Дождь превратился в изморозь. Мы подняли бампер еще выше. Грунт под ногами прогибался, но не проваливался. Мы набросились на завтрак, быстро проглотили жареную грудинку, запили горячим кофе. Сверху вновь полило. Решили резко рвануть машину назад с таким расчетом, чтобы передние, висящие в воздухе колеса проскочили над впадинами и оказались на твердой почве. Эдек разогрел мотор, включил задние обороты и резко отпустил недаль сцепления, ухнули шестеренки. В это мгновение все мужчины разом толкнули бампер. Рухнула каменная горка, колеса с грохотом ударились о землю. Застонали рессоры. Пятясь задом, «стар» выполз из сайра.

В десять дождь прекратился. Мы двинулись в путь по мокрой раскисшей земле. Колеса оставляли на темных камнях светло-желтые полосы. Гравий погружался в вязкую почву. В пятнадцать часов миновали Ховд. Дорога повернула на север. До вечера ехали по низким мокрым горам среди зелени, которая по мере нашего приближения становилась все более сочной. По далеким гребням плыл туман.

Незадолго до наступления темноты увидели зеркало воды, долго спускались к нему по склону, пока не оказались у разлившейся реки. Проезда не было. Мутная бурая вода стометровым потоком срывалась с массива Бага-Богд-ула (Малой святой горы). Войтек вошел в воду. Река была выше колен, дно вязкое. Пришлось отвести машины на ближайший холм и разбить палатки. С холма виднелись юрты, разбросанные по всей окрестности.

На холме мы простояли весь следующий день. Время от времени я спускался к реке укрепить колышки, показывающие уровень воды. Он медленно понижался. Во всю светило солнце, легкие облачка плыли по небу, отбрасывая тени. Перед нами открылись неизмеримые просторы неба и земли. Казалось, линии горизонта не существует.

Километрах в десяти от нас, на равнине, я заметил несколько темных пятен и сел с биноклем, чтобы рассмотреть их как следует, и потом долго не мог оторвать глаз. На размытой расстоянии светло-зеленой равнины я увидел стада верблюдов. Они сбились в одну плотную массу, казавшуюся неподвижной. Лишь напрягая зрение, можно было уловить волнообразные движения ног, как бы несущих это огромное тело. Впереди стада высоко на изогнутых шеях поднимались головы вожаков, как скульптуры на носах галеонов.

На следующий день роса покрыла траву, было всего тринадцать градусов. Русло стало уже, и вдоль обоих берегов образовались полосы бархатистой грязи. Помня неприятности со «старом», мы еще вчера вечером клялись, что лучше ждать неделю на берегу, чем рисковать и увязнуть в реке. Но сегодня никто уже не думал об этом. Почти никаких перемен не произошло. Правда, вода спала, но дно было таким же вязким, как и вчера. И все-таки безветренное ясное утро и хороший завтрак

придали нам легкомыслия. Мы собрали палатки и спустились на машинах к воде. Здесь, при виде грязи, ожили недавние воспоминания. Однако и это не смогло удержать нас от переправы. Все были полны готовности предусмотреть малейшую опасность, снимали ботинки, закатывали выше колен брюки и шли в реку искать брод. Спокойные и полные надежды, мы плескались в сверкающей, хотя и мутной, пенящейся воде. А потом случилось непредвиденное.

Дно, обследованное босыми ногами, казалось довольно твердым, хотя под тяжестью шагов глина, смешанная с мелким гравием и наносами ила, несколько проминалась. Тем не менее мы сочли, что машина, идущая с достаточной скоростью, не успеет увязнуть. Вода не поднимется выше оси, так что за мотор можно не опасаться. Правда, на дне мы обнаружили глубокие ямы, образованные сильным течением. К счастью, они были небольшими и преодолеть их не составляло труда. Мы долго топтались в реке и кричали: «Здесь хорошо! Здесь неплохо! Здесь пройдет!» В результате все страхи покинули нас, уступив место убеждению, что переправа вполне возможна. Чувство ответственности растаяло, мы представили себе «стар» уже стоящим на другом берегу и приступили к действию. Чтобы миновать промоины в дне, наметили трассу наискось по течению. Машина сдвинулась с места. Перескочила прибрежную скользкую грязь, взбурлила носом воду, затем вынырнула выше бампера и помчалась дальше, подминая под себя клочья пены. Застрял он как раз посередине. Мотор взревел раз, другой, закашлял, колеса взметнули черную жижу и на глазах превратились в огромные комья грязи. Машина замерла. У каждого, кто стоял на берегу, наблюдая за переправой, появилось одно и то же выражение лица: «Так я и знал!»

Груз мы переносили на плечах на другую сторону, а под колеса попытались подложить доски и лист фанеры, погружая в воду руки по самые плечи. Все это не помогало. Руки не доставали до дна, и подкладки ложились кое-как. Пришлось тащить лебедкой. На берегу вбили два стальных лома, за них зацепили трос. Лебедку укрепили спереди на «старе» и, включив мотор на полные обороты, попытались выскочить из западни. Машина переползла через русло, и вот уже кабина достиг-

ла покато́й полосы гравия на том берегу, но задние колеса глубоко западали в вязкую почву. Мы перенесли ломы на сухую горку, и на тросе «стар» закончил переправу.

Чтобы не испортить всем радужного настроения, я решил пересечь реку на своем «мусцеле» немедленно. Еще раз вернулся в воду и заставил себя несколько раз пройти всю трассу. Не желая попадать в ямы, я попросил нескольких человек встать около них. Оказалось, что придется проехать несколько десятков метров по середине реки вниз по течению. Все засомневались, однако никто не решался давать советы, и мы доверились результатам промеров реки, а не рассудку, который почему-то требовал переправляться кратчайшим путем. Я съехал на «мусцеле» в реку слаломом между коллегами, потом не торопясь, чтобы не залить мотора, пошел далеко вниз по реке, словно корабль. Там, возле Томека, повернул против течения и наискось пересек реку. Две минуты спустя «мусцель» стоял на холме рядом со «старом».

Во второй половине дня, взяв направление на аймак Арвайхэр, мы двигались по мягкому ярко-зеленому ковру, вздыбившемуся островерхими холмами. На их склонах в траве лежали огромные яйцеобразные и шарообразные гранитные глыбы, похожие на дремлющих носорогов. Они были серые и покрыты желтыми лоскутами лишайников. Состояли из грубозернистого материала, что придавало им удивительную, совсем не каменную теплоту. Местами поблескивали небольшие озерца. Давно не было видно ни юрт, ни каких-либо следов пребывания человека. И вдруг из-за холма появились два всадника. Лошади промелькнули по склону, и вот они уже стелются по земле, мчатся среди камней и пропадают из виду. Вновь появляются, но уже без всадников. А те стоят рядом, один держит лошадей, второй выходит на дорогу и подает знаки. Я остановился.

Это был молодой мужчина, одетый в национальную одежду. Он попросил подвезти его в город. Вещи остались в юрте, и за ними надо было заехать. Мы с Тересой согласились. Мужчины вскочили на лошадей и галопом поскакали вперед, вверх по склону. Я поехал следом,

лавируя между камнями. Угнаться за лошадьми было трудно: они легко преодолевали каменные гряды, которые машине приходилось объезжать. В конце концов всадники пропали из виду за гребнем. Когда мы добрались до юрты, лошадей уже стреножили. Сели на траву. Нас охватила тишина. Мягкий золотистый вечерний свет наполнял небо и землю. Просторная юрта внутри обита войлоком и светлой тканью, дверь покрыта искусной резьбой. Стояла она на зеленой поляне, со всех сторон окруженная горами, естественно вписываясь в их мягкие контуры. Оторванная от суетного мира, она была воплощением одиночества и покоя.

Нас пригласили в юрту, мы вошли через низкие двери. С приветствиями навстречу поднялось четверо стариков. Их отполированные ветрами коричневые лица были словно выточены из темного дерева. Пока они занимались нами, сын собирал узелок и паковал чемодан. Мы рассматривали старинные сундуки, расписанные маслом. Краска потрескалась, как на картинах старых мастеров. Кумыс подали в мисочках китайского фаянса две старые седые женщины коротко, почти наголо, остриженные. На руках у них мерцали тяжелые серебряные браслеты с розовыми кораллами. Дэли под горлом были скреплены такими же брошами. Нас угощали сыром, нарезанным ломтиками, конфетами в деревянной миске. Кумыс был свежий, холодный, казалось, пенился во рту. Женщины то и дело подливали его ковшом.

Молодой мужчина работал учителем в Улан-Баторе. К своей кочующей семье он приехал в отпуск, вместе с восьмилетним сынишкой. Он снял с себя дэли, надел рубашку с галстуком, пиджак. Мальчика тоже одели по-городскому. Началось прощание. Сын поцеловал руки старикам, те положили ладони на его голову. Исполненные внутреннего покоя, они говорили мало. Как далеки были эти люди здесь, в пустынном месте, от суеты, свойственной человеку, живущему в многочисленном обществе, как свободны от образцов, которым надо следовать, от бесконечных сравнений себя с окружающими. Их не посещали мысли о том, что есть более счастливые и богатые семьи, более перспективные мужчины и более красивые женщины. Они были довольны своей судьбой, не знали чувства вины за то, что не сумели достичь чего-то большего. Их жизнь определялась до сих пор такими

простыми категориями, как холод, голод, любовь и забота о детях.

Как ни изменился облик всей страны, в монгольской юрте все еще царил дух двенадцатого столетия. Если бы молодому Чингисхану случилось просить здесь убежища от врагов его рода, по каким признакам смог бы он догадаться, что перешагнул через восемь столетий? По несколько иной форме железной печурки, которая топится тем же аргалом? По фотографиям, которые можно принять за рисунки тушью руки китайского мастера?

С вещами в руках мы вышли из юрты.

— Хорошо там? — спросил у меня отец учителя, пожимая мою руку своими обеими руками и указывая головой на далекие края за горизонтом.

— Хорошо! — заверил я.

А что еще можно было сказать? Он просто не смог бы понять, что там надо заслужить пищу, быть достойным хорошей одежды, доказать свою значимость, чтобы иметь крышу над головой.

Мы въехали на дорогу и понеслись по гравию вдогонку за «старом». Был ранний вечер — лучшее время перед закатом, когда солнце уже не греет, и весь мир соткан из нежных радужных лучей. Наша езда вызвала в памяти катание на «американских горках» в луна-парках, где по воздушным рельсам мчатся маленькие вагончики. «Мусцель» то падал вниз капотом, то вставал на «дыбы», взлетая на гребень очередной «волны», рисовал колесами зигзаги, а при объезде гранитных глыб и круги. Войдя в ритм езды, я держал машину на большой скорости. Колеса грохотали на подъемах. Местами колея, вырытая тяжелыми грузовиками, была так глубока, что «мусцель» царапал днищем землю. Тогда я выводил его на центральный гребень и сотни метров ехал как бы по монорельсу, правда, довольно извилистому и ухабистому.

Уже в сумерках мы катили по улицам Арвайхэра. Городок неузнаваемо изменился с тех пор, как я был здесь в последний раз несколько лет назад. Вдоль немощеных улиц выстроились длинные двух- и трехэтажные дома, столбы, увешанные указателями, тянулись стоки для дождевой воды. Теперь лишь немногие улицы выходили в открытую степь. Везде, особенно в центре города, возвышались дома, заслоняя даже монгольское небо.

Мы поставили машину на площади перед гостиницей. Наступила полная темнота, а я все еще возился с брезентом на «мусцеле» и вдруг почувствовал, что с другой стороны машины мне кто-то помогает. Минутой позже неожиданный помощник представился мне. Он оказался директором театра из Ховда, города в западной части Монголии, и тоже поселился в гостинице. Труппа совершала гастрольную поездку по стране. Директор пригласил всех на концерт, пообещав билеты. Последнее имело весьма существенное значение, ибо, когда мы явились в вестибюль дома культуры, перед наглухо закрытой кассой стояла густая толпа. Новый знакомый все-таки выудил нас из массы обездоленных и провел в зал, где первые ряды предназначались для властей аймака и приглашенных. Зал был огромным, однако сцена не снабжена усилительной аппаратурой. Интересно, как будут звучать голоса и инструменты? Но после первых песен, исполненных без помощи микрофона, мы поняли, что в наше время редко услышишь такое чистое и звучное пение, может быть несовершенное по технике исполнения, но обаятельное по своей простоте и свободе, с которой передавались мелодии степей.

Вероятно, принцип гармонии, основанный на пятитоновой октаве, не может помешать европейцу понять монгольскую музыку. Приезжающим в эту страну жителям Запада полезно знакомиться с местными мелодиями хотя бы в таком исполнении. Однако чаще всего они обречены слушать их в гостиницах из хрипящих репродукторов, из трещащих громкоговорителей на улицах аймачных центров.

Показали несколько танцев разных регионов страны; солисты играли на народных инструментах, многие из которых мне приходилось видеть в юртах. Играли на дудочках, цимбалах, на какой-то доске двухметровой длины с натянутыми на ней струнами, по которым солистка ударяла пальцами. Наконец, мы услышали игру на морин хуур — разновидности струнной кобзы с деревянным резонатором в форме трапеции и с очень длинным грифом, на конце которого выточена конская голова. Смычок представлял собой согнутую дугой палочку с натянутым на ней конским волосом.

Но самое большое впечатление произвело выступление монгола могучего телосложения с приколотой к дэли

медалью — высшим государственным знаком за достижения в области искусств. То, что он исполнял, трудно было назвать пением. Скорее это была игра на голосовых связках. Из его горла то лились мелодичные звуки горна, то раздавался голос медной трубы. Он легко переходил от бархатных басовых тонов к высоким серебристым. Все эти сравнения приходили в голову сами собой, но далеко не полностью передавали услышанное. Звуки нельзя описать словами без помощи сравнений, но и сравнить их было не с чем: ничего подобного никогда не существовало. Мы присутствовали при сотворении звуков. Они были детищем исполнителя, его творением, и ни один из перечисленных мною инструментов не мог бы воспроизвести их.

Зал замер, шелест утих, ни один стул не скрипнул. В этот момент мне казалось, что искусство — отнюдь не средство отображения действительности, а способ придания ей иных форм, создания отдельных фрагментов мира усилием человеческой воли. Мы высокомерно называем «муками творчества» эти усилия, пытаюсь исключить из нашего творения все случайное, заимствованное. Творец охвачен жаждой власти над словом, звуком, формой, цветом, а заодно и над теми, для кого предназначено его детище. Следовательно, творчество есть безудержное стремление к полной власти над творческим материалом.

3

Бензин кончился, и мы попытались купить новый запас. До этого у нас был свой, привезенный в бочках из Польши, с более высоким содержанием октана, чем тот, что употреблялся в Монголии. Для покупки бензина здесь надо иметь талоны. Топливо в Монголии из-за недостатка железных дорог ценится на вес золота. Его развозят по аймакам в небольших автоцистернах.

Солнечным утром шестнадцатого сентября я вышел из гостиницы в надежде уладить это дело. На улице увидел человека в берете, сидящего на корточках. Он обнимал обеими руками дырявую камеру и, судя по выражению лица, был чем-то сильно расстроен. Номер машины свидетельствовал о том, что человек был местным жителем.

— Как бы раздобыть талоны? — обратился я к нему, после того как мы обменялись приветствиями и я удовлетворил его любознательность, сказав, кто я и откуда.

— Ах, это пустячное дело! — произнес он. — Я охотно объясню тебе, если ты мне поможешь.

— Хорошо! — согласился я.

Он указал на предметы, разложенные на земле.

— Здесь есть все, что нужно, чтобы залатать дырку в камере. Но резина у меня старая, лежалая...

— Можешь не продолжать! — прервал я и минутой позже вручил ему пачку новеньких латок.

— Ты вернул мне здоровье! Я мучаюсь уже полночи. Еще утром я должен был везти в аймак людей на осмотр овец. Они ждут в ресторане, когда я починю колесо, и каждую минуту кто-нибудь из них выходит и ругает меня. А теперь слушай: езжай до конца улицы, там на площади увидишь голубой дом. Войди через главную дверь, поднимись на второй этаж. Увидишь три двери, средняя обита кожей. Войди в нее без стука. А там посмотришь...

Так я и сделал. В просторном пустом помещении за большим столом, покрытым плюшем, сидел мужчина в очках и, нахмутив лоб, что-то писал на листе бумаги. На вешалке висел берет и плащ. Я рассказал ему все о себе, об экспедиции и о деле, на что дарга ответил:

— Ты все хорошо рассказал, и я вижу, что вам надо помочь, но сначала ты должен ответить мне на один вопрос, — говоря это, он взялся двумя пальцами за узел галстука и оттянул слишком тугую резинку под воротником.

У стула, на котором я сидел, одна ножка была сломана, и, чтобы не упасть па ковер, я заменил ее своей собственной ногой.

— Надо тебе сказать, — продолжал дарга, — что несколько лет назад я учился в Московском университете. Там у меня был друг, поляк, тоже студент, очень хороший, веселый, любил петь. Мы пообещали друг другу, что будем переписываться всю жизнь. До окончания оставался год, он уехал на капикулы и не вернулся, и я не знаю, что с ним. У меня нет его адреса, а у него — моего. Одним словом, ты не мог бы разыскать его в своей стране? Его звали Юрек, а жил он в Кракове.

— Это будет очень трудно, — заколебался я.

— Да, — вздохнул драга. — Так я и думал.

Он открыл ящик, вынул бланк, наискось написал на нем что-то, подписал и скрепил печатью.

— Это разрешение. Столько-то бензина, цена такая-то. Возьми этот бланк и сойди вниз по лестнице, перейди на ту сторону площади, увидишь там здание банка. Сначала внеси сколько надо на счет автобазы, потом получишь талоны.

Я остановился перед дверью банка. Она была заперта, хотя изнутри доносились голоса. Я дернул раз, другой, навалился плечом. Дверь немного подалась.

— Ты что, не видишь, что вход с другой стороны? — с упреком произнес какой-то прохожий в войлочной шляпе и вишневом, до самой земли дэли. Он кисло посмотрел мне вслед и даже выглянул из-за угла узнать, что я буду делать дальше.

В узком коридоре толпился народ. Дэли и у мужчин и у женщин одинаково топорщились на груди, поскольку и те и другие держали документы и деньги за пазухой. Они вытаскивали оттуда толстые квитанционные книжки и что-то писали в них, слюня пальцы. Все проталкивались локтями, поэтому я сделал то же самое и наконец добрался до окошка, находившегося на уровне живота. Присев, я увидел по другую сторону перегородки голову молодой женщины в тюрбане из тюля. Она пробежала глазами мое разрешение и без слова вернула его мне вместе с чистым бланком.

— Добрый человек, ты не можешь мне помочь? — обратился я к человеку в кожаной куртке, вероятно шоферу, заполнявшему бланк на подоконнике — Здесь все по-монгольски, я ничего не понимаю. Я тут проездом в Арвайхэр...

— А! — прервал он. — Это интересно, но ты можешь ничего не говорить, я и так тебе помогу. Она дала тебе копирку? — показал он на окошко глазами.

— Нет, — огорчился я.

— Ничего, — успокоил он.

Не кончив заполнять свои документы, он вытащил копирку, вложил ее в мои бумаги и принялся писать химическим карандашом, а когда все было готово, крикнул:

— Касс! — и не успел я глазом моргнуть, как он кулаками растолкал толпу и пробрался к кассе.

— Деньги! — крикнул он мне.

Я подал ему через головы деньги. Он мгновенно вернулся с квитанцией и, ткнув пальцем в окно, заклеенное для тепла полосками газеты, сказал:

— Поедешь по этой улице, повернешь направо, там автобаза, дашь им квитанцию, а они тебе талоны. — Подтолкнул меня к выходу. — Можешь не благодарить. — добавил он и вернулся к своим делам.

Я ехал на «мусцеле», потом сзади появился «стар» с членами экспедиции, сидящими на вещах. В конторе базы я застал трех женщин, занятых разговорами. Увидев меня, они почему-то принялись смеяться. Я изложил им свое дело, обращаясь к той, у которой к воротнику дэли было прикреплено много авторучек. Затем подал квитанцию из банка и разрешение дарги. Она бросила на стол оба документа и приблизилась ко мне. Положила мне на грудь руку с перстнями на пальцах, испачканных чернилами, и сказала:

— Я исполню твое желание, приезжай, но сначала хочешь задать тебе вопрос...

Обе подружки затаили дыхание.

— Тебе нравятся монгольские женщины?

— Очень! — ответил я не колеблясь, тем более что эта была очень хорошенькой, с ямочками на щеках и белоснежными зубами.

— В таком случае, — заключила она, — подари мне что-нибудь. Я собираю значки из разных стран. Но талоны я и без подарка дам.

Значка у меня не было, и я помчался на улицу, где у ворот дожидался «стар». Раздались крики:

— Ты достал наконец талоны?

— Где там! — махнул я рукой. — Мне нужен значок.

Эдек дал рекламный значок автозавода.

— Вот это другое дело! — сказала женщина, принимая сувенир. — Теперь садись и пиши заявление.

— Заявление на что?

— На талоны, — улыбнулась она. — Без заявления ничего не выйдет.

Снова я отправился к «стару», и на листке, вырванном из тетради, мы сообща написали прошение и вскоре с талонами в кармане мчались по несью дух за город, на заправочную станцию, а потом колыхался по ухабам «стар», поднимая тучи пыли. У колонки стояла молодая

женщина. Издалека бросила взгляд на талоны, но не подумала взять их. Полагая, что она не понимает, я пробовал знаками объяснить ей, что ей надо взять талоны и налить нам бензину. В ответ женщина как бы в обиде надула губы, послюнила палец и приставила его ко лбу, из чего я понял, что вынуждаю ее на безумный поступок. Она повернулась ко мне боком и загляделась на степь. Я не уступал, со «стара» раздавались раздраженные выкрики. Тогда она презрительно изрекла:

— Разрешение, — и показала пальцем на сарай вдали.

Я направился туда. Со «стара» слышались стоны и вздохи.

В крошечном помещении с железной печкой сидели на корточках шоферы, а на стуле, за столом, монголка-распорядитель. Я показал ей талоны, она взяла их аккуратно, не прерывая оживленного разговора. Один из сидевших на полу держал женщину за опущенную руку, из чего можно было заключить, что этот человек ее муж.

При моем появлении шоферы чуть-чуть привстали, ровно настолько, чтобы увидеть в окно, на какой машине я приехал, и опять сели. Один из них перевел слова женщины, обратившись ко мне со словами:

— Она говорит тебе, мужчина, что твои талоны настоящие и действительны до конца месяца. В сентябре талоны будут другого цвета.

Я кивнул в знак того, что понял, тем временем женщина вернула мне талоны.

— Если это так, как ты говоришь, — ответил я, — то почему она не хочет налить бензина и требует еще разрешения?

— А, это совсем другое дело! — воскликнул он. — Без разрешения нельзя. Она хорошо работает. Покажи-ка нам служебное удостоверение.

— У меня нет, — в душе я дал себе слово без бензина отсюда не выйти. — Может быть, паспорт, — пришло мне в голову. Я подал его женщине, и она начала рассматривать его, перелистывая одной рукой, поскольку другая все еще покоилась в руке мужа. Удовлетворив свое любопытство, она пустила книжечку по кругу, и шоферы по очереди читали вслух дату моего рождения, единственное, что они могли прочесть.

— Мне столько же лет, — заявил один из водителей. Это вызвало всеобщий интерес, и началась беседа, в ходе которой было принято решение:

— Она даст тебе разрешение, — объяснил переводчик.

Без промедлений женщина взялась за дело: пошарила на столе, под старым картоном, и вытянула из-под него газету. Прижимая ее локтем, попыталась той же рукой оторвать уголок, но не сумела и была вынуждена освободить другую руку. На оторванном уголке поставила печать, вынув ее из ящика, и подпись. Протянула документ, но, как только я хотел взять его, отдернула назад.

— Не тебе!

— Дарга должен подписать, — объяснил переводчик.

Заведующим конторой оказался мужчина, сидевший на корточках у стены и почти не принимавший участия в общей беседе. Положив записку на колено, дарга подписал ее и подал соседу вместе с вечным пером. Тот не нашел свободного места и поставил свою закорючку на обратной стороне обрывка газеты.

Держа в руках разрешение и талоны, я все еще медлил уходить, не веря, что все нужное уже сделано. Со всех сторон раздались добродушные голоса:

— Иди туда, иди, она тебе нальет.

Я сделал так, и все было так, как они сказали. Женщина подключила шланг и залила мне в бак... воду.

Это выяснилось полчаса спустя, уже далеко в степи. Мотор зачихал, затарахтел и замолк. Полагая, что прекратилась подача горючего, я заглянул в насос. В стеклянном отстойнике вместо желто-зеленой жидкости виднелась белая. Я вывернул стакан — полилась вода. Со «стара» мне подали таз и ведра. Лежа под машиной, я отвернул болт в нижней части бака и слил его содержимое в посуду. В тазу под тонким слоем зеленоватого бензина была вода, тяжелая, с ртутным блеском. Эдек объяснил, что на дне цистерны всегда собирается какое-то количество воды. Обслуживающий персонал должен знать об этом и вовремя убирать ее. Пять литров не такая уж большая утрата! Прочистив подводные трубки, мы покатали дальше,

Переехав через Онгийю-Гол по мосту, мы свернули на север по грунтовой дороге, ведущей через Худжирт и Шанх в Каракорум, древнюю столицу монголов. Небо затянулось муслиновой пеленой и мерцало мягким опаловым светом, как в царстве снов. Холмы утратили очертания, преобразившись в колышущуюся под дыханием ветра светлую вуаль, в молочно-зеленую легкую мглу. Удивительно, как на ней удерживались тяжелые машины. Впрочем, это были уже не машины, а гондолы, и они несли нас плавно и так долго, что мы в конце концов поняли, что околдованы и того гляди попадем в западню. Я выскочил из «мусцеля» и не увидел дороги. Крутой изгиб вершины превращался в почти отвесный склон и вел в пропасть.

Пришлось возвращаться и по лесистым холмам огибать волшебное место. Обедали на седловине перевала. Когда моторы умолкли, мы услышали громкое пение птиц. Они пролетали над лужайкой с одной стороны опушки смешанного леса на другую. Горный луг порос густыми травами, среди которых цвели эдельвейсы.

Мы миновали Худжирт, что значит «соленый» — санаторий в степи, состоящий из группы белых зданий. В окнах виднелись цветы в горшках. Вокруг бассейна, построенного у источников, прогуливались отдыхающие. Между Худжиртом и Шанхом над речной долиной носились большие стаи черных птиц с красными клювами. Показался поселок из деревянных домов. В нем не было ни одной юрты. Часток из кольев окружал дома, тесно лепившиеся друг к другу, как в городской застройке. Крыши ступенями поднимались вверх по склону. Притолки и наличники покрывала резьба. Улицы безлюдны, ни дымка. Поселок, прижавшийся к склону горы, издали походил на давно покинутое гнездо насекомых.

Уже стемнело, когда с вершины перед нами открылся вид на долину Орхона. Черные вспаханные поля, полоса зарослей вдоль берега реки. По меже ползет трактор. Просторные луга, на них светлый прямоугольник ограды монастыря Эрдэнэ-Дзу, постройки сомона неподалеку.

Мы переночевали в гостинице, а утром посетили монастырь или, вернее, то, что от него осталось. Ограда была подобна нитке бус, брошенной в траву: на темные

каменные стены часто нанизаны субурганы — небольшие башенки, которые в буддийской религии играют ту же роль, что кресты в христианской. Квадратная основа башенки символизирует землю, ее покрывает купол — символ воды, на котором воздвигнута башенка из тринадцати колец, уменьшающихся в диаметре, — знак огня и в то же время — тринадцати степеней посвящения. Над башенкой раскинулся зонт — символ воздуха, — увенчанный знаком слитых воедино солнца и луны. За оградой — несколько гектаров земли, поросшей сорняками. Среди них три недавно отреставрированных храма, уцелевшие остатки одного из самых великолепных монастырей Монголии. Первые строения его были возведены здесь в 1586 году в царствование Абтай-Хана и по его приказу. В 1760 и в 1796 годах деревянный храм перестроили, дерево заменили камнем и цветной расписной керамикой. Постройка была закончена в начале XIX века.

Вход в средний из трех храмов охраняют две скульптуры. Одна из них изображает Гомбогурема, которого называют также Стражником юрты. Он преграждает путь злым, враждебным духам. Вторая фигура — Лхамо, богиня, сидящая на муле, на спине которого вместо седла положена кожа сына богини. Она содрала ее с живого юноши за то, что тот отступился от веры. В одной руке чаша, наполненная кровью сына, а в другой — змея вместо узды. У мула три глаза, один из них — на заду: супруг богини, узнав, что она сотворила с сыном, послал ей вслед стрелу, пронзившую мула; чуткая, видимо, к страданиям животных богиня превратила рану в глаз.

На стенах внутри храма, на полотнищах и досках — множество картин: развешанная на веревках человеческая кожа, рядом скальпы; связки глаз, нанизанные на проволоку языки, отрубленные ноги, руки; быки, растаптывающие людей, люди, раздавленные досками, посаженные на кол, подвешенные за ноги.

При осмотре изображений я всячески старался успокоить себя: ведь в ламаистском толковании все это — символы мучений злых духов, к верующим это не относится. В густеющем мраке со стен, из ниш и часовен обращены на посетителей искаженные злобой и жестокостью окровавленные, в языках пламени лица. Головы увенчаны коронами из черепов, зубы оскалены в злобой

улыбке. Но создано это не для того, чтобы угрожать людям, а лишь выразить неприязнь злых духов к материальному миру, страстное желание порвать последние узы, связывающие их с юдолью печали, их отвращение и презрение к злу, царящему на земле.

Тут же возвышаются скульптуры бесстрастного Будды в его разнообразных воплощениях. С тихой улыбкой, свободный от внутренних волнений, углубленный в себя, упитанный в отличие от своих худых последователей, населяющих обширные азиатские страны, сидит здесь Будда, Возрожденный в Полноте, и еще один — Уходящий Победителем.

Мы вышли из ворот монастыря. С ближнего холма открывался вид на то место в степи, где некогда находился Каракорум, описанный Марко Поло. Этот город был основан сыном Чингисхана Угедеем на месте древнего центра кочевников. В траве просматривались контуры улиц, были видны курганы, как еще не тронутые археологами, так и прошедшие через их руки. Единственный, сохранившийся с древних времен житель этого города — каменная черепаха, которой почти не коснулось время, покоилась на земле, придавленная тяжестью высокого обо из обломков скалы, сложенного пастухами на ее панцире.

До самых сумерек мы ехали вдоль Орхона. По одну сторону дороги блестела река, по другую — поросшие тростником голубые озера. С наступлением темноты мы стали высматривать место для ночлега. Я хотел было уже остановиться где-нибудь среди холмов, когда на берегу озера Огий показался заезжий двор: несколько изгородей из толстых досок, а между ними приземистая деревянная постройка, покосившаяся и потемневшая от времени, с крошечными окошками и деревянными ступенями, с навесом над открытой верандой на сваях. Под окнами дремали машины, осевшие под грузом, покрытым брезентом в густых сплетениях веревок. Возле них бродили собаки, валил из трубы дым, на заборе орал петух. Прежде чем подоспел «стар», я нашел «хозяйку гостиницы». Две комнаты были свободны.

Тем временем стало совсем темно, и мы ужинали при свечах в уютном помещении со стенами, обшитыми до-

сками. Кипяток принесли в огромном медном чайнике, сиявшем, как полная луна. Мы разложили спальные мешки на грубошерстных китайских одеялах, которыми были застланы железные кровати.

Последний отрезок пути вел на восток, солнце светило прямо в лицо. До Улан-Батора оставалось полтора дневных переезда. Нам хотелось оттянуть возвращение. Боковая дорога привела нас на берег озера. Сушились сети, на песке стояла лодка. Табличка на небольшом домике сообщала, что здесь находится управление рыбного хозяйства. Мы позавтракали совсем недавно, но уже проголодались. Поблизости, около кирпичной стены, суеилось несколько мужчин и женщин. Я спросил насчет рыбы.

— Мы не ловим сейчас, — ответил старик.

Оказывается, они остались без мотора. Единственный свой мотор отправили на ремонт в Улан-Батор. А пока рыбаки занялись постройкой дома.

И опять мчались мы целый день сквозь бездну степи и неба. Вечером достигли зеленой возвышенности, согласно карте, вблизи сомона Лун. Съехали с дороги прямо в буйные травы. Вечер был холодным. Налетели комары. Мы лежали возле костра, а вокруг коптили кучки аргала, окутывая нас дымом. Балик играл на гитаре, пел любимые романсы, потом лежали в полусне, глядя в ночное небо, на мерцающие холодные звезды, касающиеся Земли ледяными пальцами лучей.

«Гигантская желтая звезда, затмившая другие звезды, появилась на небе и стояла больше пятидесяти дней» — год 396.

«Звезда, видимая днем, была желто-красная, размером с апельсин» — год 437.

Семь подобных явлений отмечено в хрониках двух последних тысячелетий. Взрыв сверхновой звезды в нашей Галактике, в ее частях, значительно удаленных от Земли, случается примерно раз в сто лет. Поблизости от Земли вероятность такого события — раз в пятьдесят миллионов лет. Если допустить, что взрыв произошел в эпоху динозавров, а расстояние до звезды равнялось ста световым годам, то он должен был оказать мощное воздействие на все живое на Земле. Канадский палеонтолог Рассел считает, что такое объяснение может стать ключом к пониманию причины гибели динозавров.

В течение нескольких дней яркость сверхновой звезды в миллиард раз превосходит яркость солнца. В отрезке времени, равном двум неделям, сила ее света равна силе света всех звезд Галактики. Вскоре звезда гаснет, но сквозь пространство несется выброшенная взрывом волна излучений: X- и гамма-лучей, космических лучей и лучей видимого спектра. Расходясь во всех направлениях от центра, они достигают солнечной системы через сто-двести и более лет после взрыва. На поверхность Земли проливается поток излучения.

Существуют свидетельства того, что подобные события происходили по крайней мере дважды в истории Земли. Шестьдесят две тысячи лет назад мощное космическое излучение образовало большое количество радиоактивного углерода-14, который залегает в осадках данного времени. Четыреста сорок тысяч лет назад по той же причине удвоилось против обычного число бериллия-10 и алюминия-26, обнаруженного в морских осадках. В результате поисков, подтверждающих эти взрывы, были найдены их следы в виде двух облаков разбегающейся материи, находящихся от Земли на расстоянии в 456 и 196 световых лет.

Какие последствия может вызвать близкий взрыв на Земле? Сопrotивляемость организма излучениям в значительной мере связана с количеством хромосом — носителей генов, этих единиц наследственности, ответственных за процессы жизнедеятельности. Чем крупнее растения, тем их хромосомы больше и тем они уязвимее. Сопrotивляемость облучению у животных определяется абсолютными размерами их тела. Рептилии и птицы способны перенести бóльшие дозы облучения, чем млекопитающие тех же размеров. Высшие животные не могут перенести дозы, которую переносит большинство растений. Ливень из гамма-лучей может уничтожить самых крупных животных и растения. Менее грозным такое излучение окажется для организмов более примитивных, а также живущих в океане или другой защищенной среде.

Иной вид опасности несут с собой X-лучи. От их столкновения с верхними слоями атмосферы на высоте 200—900 километров возникает тепловая волна. Она вызывает нарушения в атмосфере — грозы, ураганы, которые перемешивают воздушные массы. Их нижние слои, богатые влагой, поднимаются на большую высоту. Здесь

влага замерзает, образуя слой ледяных облаков, отражающий в космическое пространство солнечный свет. Следствие этого — понижение температуры на Земле и гибель организмов, приспособленных к жизни в теплом климате. Эти два фактора — излучение и холод — могли бы послужить причиной гибели динозавров, многочисленных цветковых растений и части морских организмов. Планета подверглась бы длительному охлаждению, так как воды морей и океанов стали бы более холодными.

Палеонтология располагает рядом свидетельств того, что около шестидесяти трех миллионов лет назад связь жизненных процессов на Земле была серьезно нарушена. Исчезли многие виды и роды животных, обитавшие с давних времен в различных морских и сухопутных средах. Исследование цветочной пыльцы, сохранившейся в материковых осадках ила, показало, что в это время погибла почти половина цветковых растений, а также беннетиты, класс растений с толстыми бугристыми стволами или стройных, высоких, с неразвитой кроной, напоминающих современные пальмы. Вымерли все роды динозавров, крупные пресмыкающиеся и многие мелкие млекопитающие, сумчатые и яйцекладущие.

На основании находок, показавших, что в осадках уменьшается количество скелетов динозавров, выдвигалось предположение, что они вымирали постепенно, в течение многих миллионов лет. Однако такое уменьшение может иметь и другую причину. Могли ухудшаться условия, необходимые для сохранения скелетов, а возможно, сделаны еще не все открытия. В конечном счете палеонтологи находят только то, что обнажено эрозией. Кроме того, Земля пережила продолжительный период охлаждения, когда количество динозавров могло сильно уменьшиться. Однако трудно согласиться с тем, что только это было причиной их гибели. Во-первых, за всю историю своего существования (сто пятьдесят пять миллионов лет, прошедших от триаса до мела) динозавры не раз переживали подобные колебания. Во-вторых, согласно новейшим данным, динозавры могли быть теплокровными животными, а это делало их в еще меньшей степени зависимыми от колебаний температуры. Обитая на всех континентах, они наверняка сумели бы пережить не слишком значительные отклонения, по крайней мере в части зон их распространения.

В Северной Америке над последними слоями, содержащими скелеты динозавров, были найдены осадки лишь с костями карликовых крокодилов, черепах и мелких млекопитающих, похожих на землероек. В морях погибли длинношеие пресмыкающиеся, многие виды морских черепах, немало одноклеточных растений, а также аммониты и белемниты. Сравнивая содержание осадков в различных частях планеты, ученые пришли к выводу, что гибель животных происходила во многих зонах обитания, одновременно на континентах и в океанах. Отсюда можно сделать вывод, что она была вызвана не биологическим фактором. Тем более что за ней не последовало быстрой и постепенной замены погибших форм новыми, экологически подобными им. Число видов животных и растений значительно уменьшилось. Их объединяла одна общая черта — способность жить в теплом климате.

Устоит ли разработанная Расселом гипотеза перед результатами последующих детальных исследований, можно только гадать. Необходимы дополнительные данные как астрономии, так и других наук о Земле. Тогда, может быть, эту гипотезу предпочтут другим, не менее правдоподобным. Однако, если она когда-нибудь подтвердится, это значит, что изучение жизни древнейших животных теснейшим образом должно быть связано с изучением истории и путей дальнейшего развития современных видов. Она может послужить серьезным предостережением нам, людям. Ведь мы с трудом можем поверить в возможность космической угрозы. Не потому ли, что никогда не могли противостоять ей!

Я проснулся на рассвете девятнадцатого августа. Спальный мешок блестел от росы. Приподняв голову, я смотрел, как позади полос из облаков поднимается в небо болезненно набрякший желтый, с красными натеками по краям шар. Можно было вообразить, что появилась новая звезда, а ее лучи, посланные многие годы назад, только что достигли Земли. Если это так, то через несколько минут на горизонте должно появиться солнце. Я ждал первой полоски светила. Но ничего не было.

Мы мчались по дороге через Лун и Баян-цогт по вспаханым долинам мимо зеленых холмов и в полдень по мосту через Толу въехали в Улан-Батор.

Кто из нас в детстве не зачитывался написанной еще в 1915 году книгой замечательного русского географа и геолога В. А. Обручева? Его «Плутония» рисует яркие картины мира вымерших древних животных — причудливых примитивных млекопитающих, огромных травоядных и хищных, водных и наземных ящеров-игуаподонов, трицератопсов, плезиозавров и прочих доисторических чудищ. Когда-то, в мезозойскую эру, они были хозяевами нашей планеты, ими кишели теплые озера и сочные прибрежные заросли, раскинувшиеся там, где позже возникли совсем иные ландшафты: суровые Скалистые горы Северной Америки, обожженные солнцем пустынные нагорья Южной Монголии. Остатки древних ящеров находят и во многих других странах, но Монголия особенно богата в этом отношении. Почти нигде нет больше ни такого количества, ни такого многообразия ископаемых остатков мезозойской фауны. Этот необычный животный мир процветал 150—180 миллионов лет назад, а потом в удивительно короткое время исчез, сменившись новыми формами жизни, среди которых уже господствовали, как и в наше время, высшие млекопитающие — грызуны, копытные, хищники и, наконец, приматы, из среды которых уже в самом конце третичного периода выделился предок человека.

Удивительное палеонтологическое богатство Монголии давно уже привлекало к себе внимание ученых: в 1918—1930 годах здесь работали американские экспедиции, а позже в тесном сотрудничестве с молодыми кадрами развивающейся национальной монгольской научной школы — советские (с 1946 года и по сей день) и польские (главным образом с 1963 по 1971 год).

Читателям, интересующимся ходом работ и результатами исследований советских и совместных советско-монгольских палеонтологических экспедиций, можно порекомендовать книги А. К. Рождественского «На поиски динозавров в Гоби» (М., 1969) и Г. Г. Мартинсона «Загадки пустыни Гоби» (Л., 1980). Здесь же следует лишь отметить, что советские и польские палеонтологи работали зачастую бок о бок, и находки их дополняют друг друга, складываясь в единую картину жизни мира исчезнувших животных.

Автор книги, которую читатель держит сейчас в руках, архитектор по образованию, человек необычной судьбы. Одним из первых его творческих заданий было проектирование базы полярной экспедиции на Шпицбергене. Организация не только базы, но и всей экспедиции настолько увлекла его, что всю свою дальнейшую деятельность он посвятил именно организационной стороне подготовки и проведения самых разнообразных экспедиций, работающих в особо трудных условиях. М. Кучинский налаживал работу геологических, спелеологических, биологических экспедиций, ездил с ними и в Африку, и в страны Латинской Америки. Он участвовал во всех полевых сезонах польских исследований в Монголии и живо расска-

зал о них. Здесь можно найти и обстоятельства обнаружения самых интересных находок, их описание, разъяснение их значения. Популярный, но с профессиональным знанием дела написанный очерк предполагаемого образа жизни динозавров, обзор теорий относительно их загадочного быстрого исчезновения. Следует отметить, как отчасти пишет и сам автор книги, что за последние годы взгляды ученых на реконструкцию морфологии и экологии мезозойских пресмыкающихся существенно изменились. Если ящерицы, черепахи, крокодилы юрского и мелового периодов в целом принципиально не отличались по уровню своей организации от современных, то с вымершими к концу этого времени отрядами дело обстоит иначе. Сейчас есть основания считать, что это были животные более высокоорганизованные, имевшие более сложную общественную жизнь, чем любое современное пресмыкающееся, и скорее всего теплокровные. Тем более парадоксально, что эти высокоорганизованные формы вымерли, а более примитивные (например, черепахи) сохранились без существенных изменений по сей день. Автор время от времени суммирует различные объяснения этого парадокса, хотя ни одно из них пока еще не может считаться неоспоримым.

В книге можно выделить три линии повествования. Одна, центральная — это рассказ о научной работе экспедиции, ее содержании и смысле, описание и истолкование находок, условий работы и экспедиционного быта и т. д., т. е. изложение объективных научных открытий и бытовых фактов по собственным наблюдениям и впечатлениям автора или же пересказываемых им с чьих-то слов. В них основная ценность книги.

Вторая линия — это описание удивительной монгольской природы. Необъятные степи, суровый климат — лютые морозы и нестерпимый зной; миражи пустыни, фантастически необычные и красочные горные ландшафты, своеобразный и богатый животный мир. В их передаче, естественно, много субъективного, индивидуального восприятия, личного ощущения; в то же время автору всегда удается подобрать яркие образы, точные и удачные эпитеты, и, читая эти заметки, мы вместе с ним видим красоту и величие этой природы.

И наконец, третья линия — это линия историческая и культуроведческая. Автора интересует не только природа Монголии, но и ее народ, он пытается философски поразмыслить над его историческими судьбами, дать оценку традиционной кочевой культуры, сложившейся много веков назад и проходящей сейчас процесс коренного преобразования. Автор, безусловно, относится к монгольскому народу с огромной теплотой, симпатией и уважением. И разумеется, традиционная культура монгольского народа, самобытная и по-своему высокоразвитая, заслуживает всяческого уважения. Однако в ряде мест автор в известной мере идеализирует средневековое прошлое Монголии, забывая о том, что в средневековье повсюду — в Монголии в том числе — блеск элитарной культуры и нищета трудящихся масс, высокие художественные достижения и разгул мракобесия постоянно сочетались и переплетались.

М. Кучинский пишет, например, что половина мужчин страны становились монахами и тем самым приобщались к грамоте. Но, во-первых, это означает, что половина мужского населения (на самом деле все же не половина, а около одной трети) отключалась от производительного труда, а во-вторых, далеко не все монахи-ламы (как

и далеко не все монахи в Европе) были интеллектуалами. Конечно, встречались и ученые богословы, и философы, сумевшие перешагнуть за рамки богословия, были скульпторы и художники и т. д. Но большинство рядовых монахов вовсе не умело читать и писать ни по-монгольски, ни по-тибетски, ограничиваясь механической зубрежкой нескольких малопонятных им тибетских текстов. Совсем уж вызывает недоумение мысль автора о том, что страна получила готовых чиновников, поскольку ламы якобы легко сменили четки на портфель и рясы на нарукавники. На самом деле формирование административных кадров в Монголии было делом весьма нелегким, небыстрым и непростым.

Есть элемент неоправданной идеализации и в утверждении автора, что традиционное, т. е. дореволюционное, монгольское общество достигло гармонического баланса со средой и «удовлетворительного уровня» обеспечения своих материальных потребностей. Во-первых, кочевник никогда не мог быть спокоен за свою семью и имущество. В любой момент засуха, гололед и сопутствующая им бескормица, или просто лихой набег из враждебного рода, могли лишить его стада, превратить из состоятельного хозяина в нищего, обречь на голодную смерть. Во-вторых, поскольку в чисто кочевом обществе именно по этой причине прочное богатство было недостижимо, это, действительно, ставило определенные ограничения росту эксплуатации и имущественного неравенства. Но монгольское общество XVII—XIX веков не было чисто кочевым, на него давила деспотическая машина Цинской империи, и поэтому социальная несправедливость в нем была вовсе не умеренной, как это представляется автору, а прямо-таки вопиющей. Ламаистская церковь стремилась заставить народ смириться с этой несправедливостью, но он боролся и восставал против нее.

Что касается баланса кочевого хозяйства и природной среды, то он существовал лишь в отдельные благоприятные периоды. Но рано или поздно увеличившаяся численность населения и стад вступала в несоответствие с истощавшимися ресурсами пастбищ, усугубляемое климатическими колебаниями. Именно такие кризисные ситуации были, в частности, одной из причин великих переселений народов, начинавшихся в центральноазиатских степях.

Не совсем верно утверждение, что монголы «никогда не обрабатывали землю» и «не уставали до беспамятства». Небольшие вспомогательные посевы зерновых культур издавна производились в районах Монголии, где это позволял климат. Что же касается утомительного труда, то пусть не каждый день, но нередко попытка собрать рассыпавшееся в непогоду стадо, защита его от нападавших хищников требовали от арата максимального напряжения сил. Так что жизнь в юрте на кочевье вовсе не была райской. Другое дело, и здесь автор несомненно прав, и в этих суровых условиях народ сумел создать высокую культуру письменного и устного слова, всех форм искусства, эмпирических рациональных знаний, этикета, гуманных межличностных отношений. И зарисовки бытовых сцен, там и тут разбросанные по книге, дают читателю возможность представить бытовую культуру монгольского народа так же ярко, как и природу этой страны и ее далекое геологическое прошлое.

С. Арутюнов

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИБЫТИЕ	3
ЛАГЕРЬ В ХУЛСАНЕ	39
ЛАГЕРЬ В АЛТАН-УЛЕ	97
ЛАГЕРЬ В ТУГРИКЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ	162
ПОСЛЕСЛОВИЕ (С. А. АРУТЮНОВ)	189

Мацей Кучинский

ТРОПИК ДИНОЗАВРА

*Утверждено к печати редколлегией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *Р. Г. Стороженко*. Младший редактор *М. С. Грикурова*
Художник *Н. Ларский*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Тех-
нический редактор *М. В. Погоскина*. Корректор *Г. А. Дейгина*

ИБ № 14512

Сдано в набор 02.10.81. Подписано к печати 22.04.82. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,33. Уч.-изд. л. 10,47. Тираж 15 000 экз.
Изд. № 5075. Тип. зак. 327. Цена 1 р. 10 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

1 р. 10 к.